

Мы никого не едим!
Риторический анализ дискурса
вегетарианского движения начала XX века

Victoria Kurkina
Pro gradu-tutkielma
Turun yliopisto
Humanistinen tiedekunta
Kieli- ja käännöstieteiden laitos
Venäjän kieli, kieliasiantuntijan opintopolku
Huhtikuu 2018

Turun yliopiston laatujärjestelmän mukaisesti tämän julkaisun alkuperäisyys on tarkastettu Turnitin OriginalityCheck -järjestelmällä.

TURUN YLIOPISTO

Kieli- ja käännöstieteiden laitos/Humanistinen tiedekunta

KURKINA, VICTORIA: My nikogo ne jedim! Ritoritšeskij analiz diskursa vegetarianskogo dviženija natšala XX veka.

Pro gradu – tutkielma, 109 s., suomenkielinen lyhennelmä 11 s.

Venäjän kieli, kieliasiantuntijan opintopolku

Huhtikuu 2018

Целью данного исследования было определить, каким образом строился дискурс вегетарианского движения начала XX, какие языковые элементы для этого использовались, как явление вегетарианства выстраивалось в этих текстах. Источниками исследования послужили журналы, поваренные книги и единичные статьи, выпущенные вегетарианцами и рассматривающие явление вегетарианства в начале XX века. Например, такие как выпускаемые О. К. Зеленковой («Вегетарианка») журналы «Нечто о вегетарианстве» и поваренная книга «Я никого не ем! 365 вегетарианских меню и руководство для приготовления вегетарианских кушаний», два издания 1911 года и 1913 года поваренной книги Н. Б. Северовой «Поваренная книга для голодающих...», а также книги Н. Б. Северовой «Райские заветы» (1913) и «Интимные страницы» (1910).

Для анализа материала мы использовали метод риторического анализа дискурса, в котором анализ дискурса выступал теоретической рамкой, а риторический анализ дал необходимый инструмент. В анализе материала используется главным образом классификация риторических приёмов Арьи Йокинен (Jokinen 2016b, 337-368), кроме этих инструментов используются также единичные инструменты из классификаций Г. А. Копниной (2007), В. Е. Чернявской (2006) и О. А. Филипповой (2012).

С помощью анализа нами было выяснено, что тексты вегетарианского дискурса являются текстами агитационного характера. Это видно по жанрам поддержки, которые в них используются, различным способам эмоционального воздействия - метафорам, эпитетам, аргументами к авторитету и собственному опыту, использованию численной информации, повторов, лозунгов и т. д. В текстах прослеживается стремление вегетарианцев к идеологизации своего движения, что видно, например, по тому, как интенсивно выстраивается свой круг. Стратегиями создания своего круга явились оправдание категориями, навешивание ярлыков и позиционирование самих себя как дискредитированных и непонятых.

Исследование текстов также показало однобокость, с которой явление вегетарианства выстраивается в этих текстах. В текстах нашего исследования почти не слышно других голосов, кроме голосов самих вегетарианцев, поэтому и вегетарианство наделяется в них такими смыслами, которые ему дают сами вегетарианцы. Вегетарианство как явление всё же перерабатывается, приобретая новые значения за счёт использованных в текстах тропов, хотя и показывается в черно-белом ключе. Из-за своей историчности, эти смыслы всё же будут интересны и дают возможность для дальнейших исследований.

Ключевые слова: kasvisyöinti, 1900-luku, vegetarismi, Venäjä, historia, kielitiede, diskurssianalyysi, retoriikka

Содержание

1. Введение.....	6
1.1 Метод исследования.....	9
1.2 Источники исследования.....	10
2. Понятие дискурса.....	10
2.1 Дискурс - взаимодействие языка и социального контекста.....	12
2.1.1 Микроуровень – языковая составляющая дискурса.....	14
2.1.2 Второй уровень – жанровая составляющая дискурса.....	15
2.1.3 Третий уровень – социокультурная практика-контекст	16
2.2 Идеологическая составляющая дискурса	17
2.3 Конструкционистская природа дискурса.....	19
2.4 Дискурс и риторика.....	20
2.5 Понятие метафоры.....	21
3. Язык публицистических изданий второй половины XIX- начала XX века.....	22
4. Социально-культурный контекст вегетарианского дискурса.....	25
4.1 Общеисторический контекст второй половины XIX-начала XX века.....	26
4.2 Питание в историческом контексте конца XIX-начала XX века.....	29
5. История вегетарианского движения в Российской империи.....	32
5.1 Развитие и деятельность вегетарианского движения в России.....	32
5.2 Лев Толстой и русское вегетарианское движение.....	36
5.3 «Эксцентричное вегетарианство» Н. Б. Нордман-Северовой.....	37
6. Анализ текстов вегетарианского дискурса.....	39
6.1 Агитация - привлечение сторонников.....	39
6.1.1 Жанры.....	40

6.1.2 Метафора.....	43
6.1.2.1 Антропоморфная.....	44
6.1.2.2 Зооморфная.....	53
6.1.2.3 Метафора рая.....	58
6.1.3 Эпитет.....	61
6.1.4 Аргумент к авторитету.....	64
6.1.5 Использование численной информации.....	69
6.1.6 Эффект ложного консенсуса	74
6.1.7 Собственный опыт.....	76
6.1.8 Повторы.....	80
6.1.9 Использование лозунгов	83
6.2 Создание своего круга.....	86
6.2.1 Мы-они. Оправдание категориями.....	86
6.2.2 Навешивание ярлыков.....	90
6.2.3 Они-мы.....	92
7. Выводы.....	95
Источники.....	102
Список литературы.....	103
Suomenkielinen lyhennelmä.....	110

1. Введение

Тема питания на сегодняшний день является очень популярной. Этому способствует, как фитнес-бум, популярность здорового образа жизни, так и все больше расширяющаяся экологическая сознательность людей. Экологичность все больше пропагандируется и вникает в бытовую жизнь людей. В настоящий момент популярны направления экологичного, натурального живого питания, вегетарианства, веганства и сыроедения. Во многих городах открываются вегетарианские столовые, рестораны и кафе. Подчеркивается и этичность такого подхода к питанию – защита животных играет не последнюю роль. Например, как отмечает телерадиовещательная компания ЮЛЕ (Mäkelä 2017) популярность вегетарианства в Финляндии растёт, о чём говорит, кроме прочего, рост числа вегетарианских продуктов, выходящих на рынок. В Финляндии число вегетарианцев в 2016 году составляло 2-3% от населения. В России на 2013 год вегетарианцами являлись 4% населения. Отметим, что, к сожалению, процент граждан, относящихся к вегетарианству положительно, уменьшился с 66% (2008 год) до 55% (2013 год). Число противников увеличилось с 22% до 29%. (Исследовательский центр портала Superjob.ru 2013).

Популярность вегетарианства в Финляндии, а также интерес к истории культуры, побудили нас к исследованию вегетарианского движения. Возможность доступа к оригинальным материалам дала нам возможность сделать объектом нашего исследования вегетарианское движение в Российской империи начала XX века. Этот период интересен своими как переменами в обществе, так и переменами, произошедшими с русским языком и культурой. Начало XX века характеризуется в исследованиях по филологии, прежде всего, как период Серебряного века русской литературы и культуры. Но стоит отметить, что этот период отличается и большими социальными потрясениями, что отразилось также и на русском языке. Этот период отличается и переменами в быте жителей Российской империи. Перемены эти связаны с новыми открытиями в медицине, а также новыми техническими изобретениями.

Как и все общественные организации того времени, вегетарианцы выпускали свою печатную литературу – журналы, брошюры и всевозможного рода просветительскую литературу. Так как они были одними из первых идейных вегетарианцев, то их дискурс лёг в основу вегетарианского дискурса в России.

В нашем исследовании мы отталкиваемся от того, что вегетарианство как понятие стало осмысливаться и переосмысливаться впервые именно в начале XX века. Понятие «вегетарианство» стало приобретать форму так называемого культурного явления, обрастая ассоциациями и дополнительными смыслами.

Российское вегетарианское движение всё ещё остаётся недостаточно изученным. Широкое освещение данной темы дано Петером Брангом в монографии, вышедшей в 2006 году (Бранг 2006). В этой монографии вегетарианское движение проводится довольно разностороннее освещение вегетарианского движения в России. Говорится о предпосылках, создании, развитии как институционального движения, так и художественного. Дается характеристика отдельным выдающимся российским вегетарианцам. Так как это исследование было написано по-немецки для немецкоязычной аудитории, то в нём приводятся большое количество отрывков из текстов, а также целых текстов, поэтому фактическая информация, к сожалению, не всегда присутствует в полном объёме.

Вегетарианство также рассматривается в статье Дарры Гольдштейн (Goldstein 1997). В этой статье исследовательница рассматривает историю основания вегетарианских обществ и их деятельность в России на рубеже XIX-XX веков. Особое внимание исследовательница уделяет публикациям О. В. Зеленковой (псевдоним «Вегетарианка»), а также личности жены художника И. Е. Репина Н. Б. Нордман. Исследователь Рональд Ле Бланк (Le Blanc 1997) посвятил несколько статей вегетарианской философии Л. Н. Толстого. Одна из них (см. Le Blanc 1997) послужила источником для нашего исследования. Стоит упомянуть также и монографию Катрионы Келли (Kelly 2001), рассказывающую об истории рекомендательной литературы в России. В ней несколько страниц исследовательница посвятила личности Н. Б. Нордман-Северовой, её публикациям и устройству быта в Пенатах. Все эти исследования раскрывают вегетарианство как феномен культуры, анализируют его с исторической точки зрения. Нам удалось найти лишь одно исследование, затрагивающее язык вегетарианских текстов начала XX века. Это статья И. А. Гордеевой (Гордеева 2004), в которой акцент делается именно на текстовой составляющей вегетарианского дискурса. Автором выделяются особенности дискурса, но не делается более детального языкового анализа. Объектом И. А. Гордеевой служат только лишь тексты вегетарианских журналов «Вегетарианское обозрение» и «Вегетарианский вестник», поэтому мы полагаем, что

наше исследование может заполнить пробел в знаниях о вегетарианском дискурсе и его построении.

Целью нашего исследования является анализ механизмов конструирования понятия вегетарианства в дискурсе начала XX века. Нас интересует то, каким образом осуществляется это конструирование? Какие языковые приемы использовались для распространения идей вегетарианства? Каким образом последователи вегетарианства репрезентируют себя сами и репрезентируются в текстах других? Мы предполагаем, что выбранные нами для анализа тексты, смогут ответить на представленные вопросы. Мы также предполагаем, что с помощью этих текстов нам удастся проследить процессы, сопровождавшие зарождение и становления в русской культуре явления вегетарианства и понять причины закрепления этого понятия в культуре именно таким образом, каким он представляется носителям языка в данный момент.

Главы со 2 по 5 являются теоретической составляющей нашего исследования. В них мы рассматриваем понятие дискурса, а также контекстуальные и языковые практики, необходимые для его понимания и для понимания анализируемого нами материала. В дискурсе можно выделить три уровня: языковой, промежуточный или жанровый и социальный. Мы коснёмся также и идеологической составляющей дискурса, имеющую власть и возможность оказывать воздействие. Важная часть этой главы – соотношение дискурса и теории новой риторики, служащей инструментом анализа текста. Также нами будет рассмотрена теория социального конструкционизма, а также понятие метафоры с точки зрения построения ей социальной действительности. В третьей главе нашего исследования мы рассматриваем основные изменения, произошедшие в русском языке за период конца XIX – начала XX века. Основной отличительной чертой этого периода стала демократизация речи, произошедшая в следствии повышения уровня образования и грамотности так называемых разночинцев, а также революционная активность, благодаря которой голоса представителей низших социальных классов, а наряду с этим и их язык. В четвёртой главе мы даём характеристику социальному контексту конца XIX и начала XX века. Здесь подчёркивается социальное разделение общества и привычки питания разных классов населения. Внимание уделяется также и изменениям в кругах городского населения представлении о здоровье, спорте, здоровом питании. Пятая глава рассказывает об истории вегетарианского движения в России и двух её ярких фигурах –

Л. Н. Толстом и Н. Б. Нордман-Северовой. В шестой главе, с помощью инструментов риторики, делается попытка анализа вегетарианских текстов.

1.1. Метод исследования

В данной работе мы взяли за основу дискурс-анализ (анализ дискурса, дискурсивный анализ). Так как метод анализа дискурса не располагает точными инструментами для анализа, то мы использовали инструменты риторического анализа, а также приёмы прагмалингвистики и стилистики (Kajaste 1996, 184-187).

Риторический анализ дискурса фокусируется на производстве в процессе коммуникации тех или иных смыслов и понятий с точки зрения того, каким образом из тех или иных версий действительности субъекты речи стараются сделать истинно верными, какими коммуникативными стратегиями и тактиками они при этом пользуются, и каким образом субъекту речи удаётся закрепить в сознании адресата те или иные представления о мире (Jokinen 2016b, 338). Согласно Шаронову (2004,38), анализ дискурса при помощи раскрытия приёмов языкового воздействия для достижения определённой цели является одним из актуальных вопросов, рассматриваемых современной лингвистикой.

Инструменты риторического анализа были почерпнуты нами в статье Арьи Йокинен (2016, 337-368), а также в монографиях, рассматривающих приёмы языкового воздействия Г. А. Копниной (2007), В. Е. Чернявской (2006) и О. А. Филипповой (2012).

Мы рассматривали вегетарианские тексты начала XX века как исследователи, находящиеся в контексте современного мира. Мы брали инструменты риторического анализа разработанные современными учёными лишь в той мере, в которой они помогали понять и проанализировать тексты языка периода «модерн». Мы прибегли к современным инструментам анализа ещё и из-за отсутствия полноценных исследований коммуникативной стороны русского языка эпохи начала XX века.

Отметим, что для удобства прочтения в нашем исследовании мы приводим все примеры из текстов, названия и авторов в современном орфографическом написании. Оригинальные названия приведены в списке источников.

Мы выделили курсивом в примерах те элементы текстов, которые несут в себе черты указанных нами в главе 6 риторических приёмов убеждения и влияния. Обратим

внимание и на то, что авторы вегетарианских текстов сами прибегали к использованию курсива и выделения. Источники графических выделений в текстах примеров мы указали в сносках, расположенных в нижней части страницы

1.2 Источники исследования

Ввиду того, что объектом нашего исследования стали тексты начала XX века отметим, что мы использовали лишь те материалы, которые смогли получить в пользование на территории Финляндии. Такими источниками стали три выпуска (1,3,4) вегетарианской газеты «Нечто о вегетарианстве», два издания (1911 и 1913 годов) «Поваренной книги для голодающих...» Н. Б. Северовой, поваренная книга О. К. Зеленковой (псевдоним Вегетарианка) «Я никого не ем! 365 вегетарианских меню и руководство для приготовления вегетарианских кушаний».

Также нами были просмотрены доступные нам номера журналов «Вегетарианский вестник» и «Вегетарианское обозрение». Отметим, что эти журналы содержат по большей части переводные статьи вегетарианской тематики с различных европейских языков. Для анализа мы выбирали только русскоязычные статьи, из которых в конечном итоге были выбраны только три, на наш взгляд, самые интересные в содержательном и языковом плане. Это статья С. Полтавского «Существует ли вегетарианское мирозерцание?» в «Вегетарианском обозрении» (1913 № 4-5, 157-170), статья к иллюстрации из «Вегетарианского вестника» (1903 №3, 47), статья П. Гудзенко «Несколько слов о вегетарианстве» этого же журнала за 1905 год (№5, 207-214). А также статья из «Петербургской газеты» из № 44 1902 года, в которой опубликовано интервью академика И. Р. Тарханова на тему вегетарианства.

2. Понятие дискурса

Дискурс – понятие широкое и ещё не получившее точного научного определения, но благодаря постструктуралистским и постмодернистским течениям в гуманитарных науках дискурс всё чаще рассматривается как текстовая и речевая реализация культуры в языке. В дискурсе отражаются особенности данной культуры и её социальное строение. (Макаров 2003, 203.) Интенсивное изучение дискурса началось после так называемого

лингвистического поворота, который был принесен развитием теории социального конструктивизма. Основной идеей лингвистического поворота стала мысль о том, что построение действительности происходит при социальном взаимодействии членов общества между собой, в котором язык и другие семиотические системы играют очень важную роль. (Pietikäinen & Mäntynen 2009, 12.)

Несмотря на постструктуралистское общее направление в анализе дискурса, стоит всё-таки отметить, что исследователи определяют дискурс, в зависимости от целей своих исследований, по-разному (Jokinen et al. 2016, 17; Pietikäinen & Mäntynen, 2009, 22; Кашкин 2014, 50.) Так, например, Сари Пиетикяйнен и Анне Мянтьюнен определяют дискурс как динамичную, многослойную систему, появившуюся в результате наслоения друг на друга текстовых и речевых актов в течение времени существования данной культуры и общества, постоянного взаимодействия между собой действительности и текстов, отражающих эту действительность. Марьятта Ванхала-Анишевски определяет дискурс как систему, состоящую из мелких абстрактных смысловых систем, активизирующихся при анализе отдельных текстов. При помощи этих смысловых систем также возможно конструирование новой действительности. (Vanhala-Aniszewski, 2005, 107.) В. Б. Кашкин в своей статье говорит о дискурсе как не о конкретно речевом акте, тексте или стиле, а как о единице речедействия, сопряженной с реальностью. Дискурс – это целостность, стоящая между языковой системностью и человеческой жизнью и деятельностью. (Кашкин 2014, 49-50.) Такая неопределенность в понятии дискурса связана с междисциплинарностью исследования анализа дискурса, и использованию при этом различных парадигм (там же, 47.)

Мы возьмём за основу понятие дискурса, приведённое В. Е. Чернявской (2006, 90), о том, что текст может пониматься как, например, «фашистский» или «перестроечный» не потому, что там встречаются эти слова, а потому, что они рассматривают вопросы, связанные с этими явлениями, в них могут встречаться различные понятия и концепты, определяющие эти явления, например, «нормальное», «правильное» и прочее. Так «вегетарианскому» тексту не обязательно содержать в себе понятие «вегетарианство», чтобы относиться к вегетарианскому дискурсу. Для этого он может содержать такие концепты как «сострадание», «отказ», «очищение» и др.

Несмотря на некоторые разногласия в определении понятия дискурс, исследователи сходятся на мнении о том, что одним из важнейших отражателей культуры и социальных изменений в обществе является язык. Именно в нём отражены исторические, социальные изменения и события. Язык – это не только отражатель языковых, но также и социальных норм. Носитель языка существует и действует в среде этих правил и на их основе строит новую действительность, которая непременно найдет своё отражение в языке. Дискурс отражает реальный язык общества и людей, его образующих. В языке отражаются также различные социальные роли индивидуумов таких, как например, роль родителя, студента, музыканта, водителя и т.д. Язык дискурса является функциональным или другими словами - дает возможность выбора того или иного смысла в зависимости от контекста. Функциональность отражается, например, в том, что одни и те же события могут быть описаны по-разному разными членами общества. Язык, на котором дискурс производится, ограничивается теми языковыми ресурсами, которыми обладает носитель языка, на количество и качество которых влияет социальный статус индивидуума. Языковые ресурсы, которыми обладает носитель языка влияют на построение той действительности, которую носитель конструирует на основе своих знаний и умений, которые затем отражаются в речевых и письменных актах. (Pietikäinen & Mäntynen, 2009, 13-14.) В дискурсионном понимании язык не может считаться только набором нормативных правил, а является открытой, изменчивой системой, всасывающей в себя социальные изменения, происходящие в обществе на данный момент (Ванхала-Анишевски, 2006, 4.)

2.1 Дискурс - взаимодействие языка и социального контекста

В дискурсе выделяются макро- и микроуровни. Макроуровень составляет исторический и социальный контекст, а микроуровень, соответственно, составляет язык. Лингвистические подходы, применяемые при анализе микроуровня дискурса, не только помогают развивать саму методику анализа, но и делают возможным изучение макроуровня дискурса, который отражает социально-общественный и исторический контекст. (Макаров 2003, 203.)

В. Б. Кашкин называет микроуровень «технической» стороной дискурса (Кашкин 2014, 48.) На этом уровне мелкие составляющие текста (фонемы, графемы, слова)

складываются в более крупные текстовые единицы: высказывания и предложения, которые, в свою очередь, составляют текст и используются с какой-либо целью в определенном контексте, во времени и пространстве. (там же 2014, 48-49.)

Теория о многомерности дискурса хорошо описана Норманом Фейрклафом (см. Fairclough 1996.) В своем исследовании Фейрклаф описывает трехмерность, из которой состоит дискурс, на основе которой он рекомендует проводить анализ дискурса. Исследователь называет эти уровни дискурса «практиками». Им выделяются три дискурсивные практики: сам текст, дискурсивная и социальная практики, которые показаны приведенной ниже графиком¹. (Fairclough 1996, 71-73.)

(Fairclough 1996, 73)

В данном графике исследователь показывает соединение в анализе дискурса лингвистического и социологического подходов, из которых лингвистический подход анализа текста взят за основу и является ядром, помещенным в социальный контекст (Fairclough 1996, 72-73; Ванхала-Анишевски, 2006, 13.) Текст несет в себе описательную функцию и при помощи малых языковых единиц помогает описывать действительность (Fairclough 1996, 73.)

Промежуточным уровнем является дискурсионная практика, отражающая прагматическую функцию дискурса. На данном уровне протекают, ограниченные

---

¹ Перевод терминов в графике наш – В. К.

различными социальными практиками, когнитивные процессы интерпретации и понимания текста. (Fairclough 1996, 78, 80; Ванхала-Анишевски, 2006, 13.)

Самым обширным из уровней дискурса является социокультурная практика или социальный контекст (Ванхала-Анишевски, 2006, 13.) Социокультурный контекст – понятие широкое и трудноопределимое. По определению, анализ заданной деятельности происходит неотрывно от определенного времени и места. На самом деле, в зависимости от исследования, действие может происходить в течение нескольких минут или целую вечность, а место действия может занимать от нескольких квадратных метров до целого континента. На этом уровне знания самого исследователя о культуре, стереотипах и общей атмосфере в обществе исследуемого им контекста играют важную роль. (Jokinen et al. 2016, 36-43). По определению Ванхалы-Анишевской (2006, 13) с помощью социокультурной практики возможно проанализировать связи между социальным контекстом, обществом и текстом или языковым уровнем. Далее мы рассмотрим эти уровни дискурса подробнее.

2.1.1 Микроуровень – языковая составляющая дискурса

На этом уровне происходит интерпретация мелких языковых единиц текста. За основу анализа этих единиц часто берётся, как уже было отмечено ранее, теория системно-функциональной грамматики, разработанная в 1970-х годах Майклом Халлидеем. Согласно этой теории, в языке выражаются не только сами лингвистические формы, но также и понятия о мире, социальные отношения между участниками коммуникации и положение самого говорящего в обществе, его личная оценка происходящего. (Ванхала-Анишевски, 2006, 14 по Halliday 1994; Halliday & Matthiessen, 2004; Fairclough 1997, 2002.)

Ванхала-Анишевски выделяет роль пропозиции при анализе микроуровня дискурса. Для этого должен быть выявлен глагол-предикат, который должен привести нас к главному и остальным участникам коммуникационного акта. Обнаружение пропозиции также помогает при анализе коммуникативных средств, при помощи которых участник коммуникационного акта формирует свою действительность (что и как говорит, что оставляет или опускает из речи и т. д). Также с помощью пропозиции можно увидеть то, как формируются отношения говорящего и собеседника, какие социальные роли при

этом выходят на первый план, а какие, наоборот задвигаются (на это, например, указывают используемые в тексте залоги, неопределенно-личные, безличные конструкции и др.) Пропозиция выражает и отношение участника речевого акта к своему сообщению (неуверенность, сомнение и т.п.) Большую роль также играет связность между предложениями – когезия. Внимание здесь уделяется тема-рематической последовательности и связности. Когезия выражается при помощи таких языковых средств как частицы, союзы, повторы и т. д. (Ванхала-Анишевски, 2006, 14-17.)

С помощью языковых средств языка также возможно выражение смыслов эксплицитно или прямо и имплицитно, то есть скрыто. Имплицитными элементами обычно являются скрытые дополнительные или фоновые знания, чаще всего приобретённые в процессе коммуникативной активности в рамках определённой культуры (Борисова и др. 1999, 9-14).

В языковой составляющей дискурса исследователями выделяется также и интертекстуальность. Интертекстуальность подразумевает под собой эксплицитно или имплицитно представленные ссылки на другие дискурсы, тексты и жанры. Так как текст, по теории дискурса, не является чем-то отдельным, а находится в контексте других текстов, смыслов и знаков, то под интертекстуальностью чаще всего понимается диалог текстов, взаимодействие старых и новых текстов между собой и возможное отражение уже существующих дискурсов на новые, а не просто прямое вкрапление «чужого» текста в анализируемый авторский текст. Интертекстуальные элементы обычно являются продуктом определенной культуры, и поэтому могут быть понятны только представителям этой культуры. (Ванхала-Анишевски, 2006, 18.)

2.1.2 Второй уровень – жанровая составляющая дискурса

Между языковым и социальным уровнями дискурса находится промежуточный уровень, который отражает закреплённую и в некотором роде даже стереотипную жанровость и институциональность, присущую всем речевым актам членов данного общества. На этом уровне хорошо заметно то, насколько те или иные языковые ситуации знакомы всем членам общества, в котором распространяется тот или иной текст. (Ванхала-Анишевски, 2006, 19-20.)

Упомянутые языковые ситуации такие как, например, тексты, воспроизводятся с помощью различных жанров (там же, 20.) Жанры в исследованиях дискурса являются систематизированными формами языковой и социальной деятельности. Благодаря жанрам мы можем правильно интерпретировать и анализировать речевые акты определенного социального контекста, утвердившимся в языковой среде общества образом. Жанры состоят из общепринятых и негласных языковых норм, которые разграничивают употребление языка. Нормы могут меняться в зависимости от ситуации и контекста, но могут быть и устоявшимися (например, нормы, принятые в законодательных текстах.) С помощью норм также можно легко распланировать будущие языковые ситуации, справляться с этими ситуациями и расшифровывать сообщения других участников речевого акта. (Pietikäinen & Mäntynen, 2009, 79-87.)

Жанры взаимодействуют с различными семиотическими системами: изображениями, цветами, движениями и формами. В этом, согласно Пиетикайнен и Мянтьонен (там же, 97) заключается мультимодальность дискурса.

По Пиетикайнен и Мянтьонен (Pietikäinen & Mäntynen 2009, 98), стоит понимать различие между понятиями жанр и тип текста. Тип текста – это лингвистический инструмент анализа текста на его поверхностном уровне – уровне соединения словосочетаний в предложения. Когда как с помощью жанра описывается социальный мир и деятельность общества. (там же, 99.)

Как отмечает Фейрклаф, жанры могут быть использованы автором текста творчески, что может привести к смешению языковых норм различных жанров (Fairclough 1996, 65.) Ванхала-Анишевски (2006, 20) отмечает, что такое смешение жанров характерно для средств массовой информации, которые для привлечения публики стараются сделать язык «вкуснее», вызывая своей информацией, изменения не только в обществе, но и в языковой системе.

2.1.3 Третий уровень – социокультурная практика-контекст

На уровне социального контекста дискурса происходит отслеживание влияния различных социокультурных и исторических факторов и контекстов на языковую систему. Понимание того, как социальный контекст влияет на языковую составляющую

объясняется с точки зрения функциональной теории языка (Ванхала-Анишевски, 2006, 21 по Halliday 1994; Renkema 2004, 45-48.) Главной идеей функциональной теории является то, что анализ дискурсов должен проводиться вне отрыва от социокультурного контекста (Renkema 2004, 45.)

Исследователи дают разное определение понятию контекста. Пиетикяйнен и Мянтюнен, например, определяют контекст как окружающую нас действительность, в которой рождаются значения. Эти значения появляются при взаимодействии носителя языка и действительности, поэтому контекст является динамичной и гибкой структурой. Изменения, происходящие в контекстах нельзя остановить или каким-то образом создать заново. Пиетикяйнен и Мянтюнен подчеркивается многослойность контекста – слишком часто исследователи рассматривают только ситуативные контексты, не обращая внимания на другие, более непрерывные, с точки зрения пространства-времени контексты, такие как культурно-исторический и общественный. (Pietikäinen & Mäntynen, 2009, 28-30, 36-37.) Согласно ван Дейку (1989, 128) для правильного толкования дискурса необходимы контекстуальные знания о культуре, истории, обществе, социальных и поведенческих правилах, принятых в обществе рассматриваемого дискурса.

Согласно Ванхале-Анишевской социокультурный контекст способен очень сильно влиять на языковую систему, что прежде всего отражается на лексике. Любые изменения, быстрые или медленные, непременно отражаются на языке, свидетельствуя об изменившихся как общественных, так и языковых вкусах общества. (Ванхала-Анишевски 2006, 22-23.)

2.2 Идеологическая составляющая дискурса

Кроме языковой составляющей как таковой, исследователями выделяется еще одна сторона дискурса – институциональная и политико-идеологическая. Согласно теории Лакло и Муфф человек не может существовать в социальном мире вне идеологии, благодаря которой мы верим определённым вещам, а к некоторым относимся с недоверием. (Филлипс и Йоргенсен 2008, 74.) В данной работе под понятием идеологии мы понимаем «систему политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются

отношения людей к действительности, выражающую интересы и формулирует цели определенных социальных групп» (Современная энциклопедия 2000).

Так как дискурс не существует в вакууме, а находится в постоянном взаимодействии и формируется в обществе, то идеология является для дискурса таким фильтром, пройдя через который, он приобретает «осмысление», значение или отсеивается за ненадобностью. Идеология, практикуемая различными политическими и культурными институтами, а также сознательные и бессознательные представления общества способны методично и целенаправленно цензурировать, давать оценку тем явлениям, которые этот дискурс рассматривает. Репрезентации, которые корректируются данным идеологическим фильтром максимально хорошо, в результате получаются такими, какими их хочет видеть общество. (Синельников 1999, 90.)

Под репрезентированием в исследованиях дискурса понимается то, как одно и то же явление может быть представлено по-новому при помощи соединения ранее использованных значений с новыми. Репрезентирование тесно связано с контекстом, поэтому создание новых значений может происходить только с одной точки зрения того контекста, в котором находился непосредственный участник того или иного социального процесса. (там же, 56.)

Можно говорить и о том, что дискурс наделен и некоторой властью, с помощью которой он может манипулировать обществом (Pietikäinen & Mäntynen, 2009, 52). Под властью в теории дискурса Лакло и Муфф понимается не власть подчинительная, а власть, благодаря которой происходят социальные изменения, власть, производящая социальный мир. Благодаря власти рождаются социальные отношения и определяются идентичности. Выйти из-под влияния власти невозможно, так как она устанавливает определенные социальные порядки и при желании изменяет их один на другой. (Йоргенсен и Филлипс 2008, 74-75.)

По мере укоренения идеологии в социальные практики, она даёт всё лучший эффект воздействия. Становясь полностью неразличимой в контексте социальных практик, идеология переходит в категорию «здравого смысла», к которому человек прибегает уже неосознанно. (Fairclough 1996, 87.) Под здравым смыслом Фейрклаф подразумевает те понятия социальной действительности, которые чаще всего воспринимаются как сами

собой разумеющиеся реалии, на которые обычно не обращается внимание в будничных разговорах (Фейрклаф 1994, 84.)

Идеологии конкурируют между собой, в результате чего члены общества могут находиться под влиянием сразу нескольких идеологий (Филлипс и Йоргенсен 2008, 133.) Все участники социальной практики участвуют в переговорах по созданию новых значений уже устоявшегося «здорового смысла» (там же.) Этот процесс переговоров называется гегемонией. Гегемония – явление нестабильное, так как новые смыслы всё время появляются в результате интертекстуальности, постоянной артикуляции и рефлексии старых смыслов в новых социальных практиках, так как положение в социальных практиках влияет на то, какие значения будут в первую очередь подниматься в различных дискурсах. (Fairclough 1996, 93-94.) Чем чаще и в разных контекстах, очевиднее и безальтернативнее проявляется один и тот же дискурс, тем крепче его положение с идеологической точки зрения в социальной практике данного общества (Jokinen & Juhila 1996, 57).

2.3 Конструкционистская природа дискурса

Перед тем, как перейти к определению понятия социального конструирования поясним, что по нашим замечаниям, в российской научной среде, для понятия социального конструирования чаще всего используется понятие концептуализации, взятого, вероятно, из когнитивных наук, использующегося часто без пояснения, но для описания того, что в работах западных исследователей называют конструированием действительности. Конструирование как понятие также используется российскими исследователями, но только в работах чисто социологических.

В данной работе мы используем понятие «конструирование». В основе этого понятия лежит теория социального конструкционизма. Эта теория отталкивается от того, что в повседневности мы обычно не задумываемся над понятиями действительности, которые мы слышим на протяжении всей нашей жизни, и которые так прочно вошли в нашу жизнь, что мы практически не подвергаем их никакому сомнению (Sulkunen 1997, 14).

Большая часть понятий формируется из постоянно меняющихся смыслов. Смыслы непрерывно конструируются в письменной и устной речи, в которых эти смыслы

перерабатываются, вступая во взаимодействие между собой. Итогом этого взаимодействия является появление у старого, укрепившегося социального понятия новых смыслов. Обычно, в текстах, отражающих понятия социальной действительности можно распознать отправителя и получателя, следы взаимодействия которых проступают в созданных ими текстах и речах. Следы участников коммуникативного процесса показывают точку зрения, с которой рассматривалась действительность. Посредством оставленных следов каждому из участников формируется своя идентичность, которую мы можем увидеть, например, при анализе дискурса. (там же, 16-18.)

Одной из важнейших особенностей социального конструирования является институционализация. Под институционализацией Питер Бергер и Томас Лукман (Berger & Luckmann 1994, 65-66) понимают часто повторяющиеся действия человека, которые впоследствии берутся за образец. У этих действий имеется направленная специализация. Такая направленная повторяющаяся деятельность членов одного общества ложится в основу социальных институтов. Институт всегда является результатом исторического процесса и его нужно рассматривать неотрывно от исторического контекста. Для укоренения института в обществе всегда нужно время. Кроме того, институты являются носителями социального контроля, в них устанавливаются определённые нормы поведения. (там же, 67-68.)

Подчеркнём, что конструирование и появление названий и новых смыслов у явлений действительности происходит в результате переработки этих явлений во взаимной коммуникации, в процессе которой образуются изменяются старые и образуются новые дискурсы (Jokinen 2016a, 251-253).

2.4 Дискурс и риторика

Согласно Йокинен (Jokinen 2016a, 259), с помощью риторических приёмов осуществляется влияние на объект речи, производится попытка его убеждения и вовлечение в идеи ратора. Главным аспектом риторической аргументации является её открытость для дальнейших дискуссий и построения таким образом определённого дискурса. Под риторикой Йокинен (Jokinen 2016a, 260) понимает не красноречие, а всё

использование языка в широком смысле этого понятия. К нему исследовательница относит как разговорную, так и письменную речь, с помощью которой происходит попытка воздействия на объект речи (там же). Отметим, что воздействие может быть, как целенаправленным и сознательным, так и несознательным. Кроме того, представляемые аргументы не могут существовать вне контекста. Например, представленный аргумент может быть ответом на критику или какой-то другой коммуникативный акт, требующий аргументированного ответа (Jokinen 2016b, 338-339). По Йокинен (там же, 340-342), с помощью риторической аргументации возможно проследить, как на самом деле строится наша социальная реальность, так как через призму такой аргументации мы можем наблюдать то, каким образом в процессе коммуникации рождается и строится диалог.

В российских лингвистических исследованиях для описания риторических моделей, служащих для построения окружающей действительности, используется термин *неориторика*. Под понятием неориторики также как в приведённом выше определении Арьи Йокинен понимается изучение не сколько красноречия, сколько языкового воздействия, убеждения и манипулирования и своей методологической стороной соприкасается с прагматикой, семантикой и коммуникативно-ориентированной лингвистикой (Чернявская 2006, 24). Речевое убеждение служит, как правило, целям отправителя сообщения, нежели получателя. Благодаря правильному выбору языковых средств ритор может достигнуть лучших результатов в убеждении объекта речи. (там же, 41). Коммуникативные цели достигаются при помощи применения различных коммуникативных стратегий и тактик. Согласно Йокинен (Jokinen 2016b, 343), в риторическом анализе дискурса внимание должно быть уделено не самим стратегиям, а их использованию, так как их функции могут изменяться в зависимости от ратора, контекста и цели коммуникации, тем самым влияя на построение дискурса.

2.5 Понятие метафоры

В данной работе под понятием метафоры мы понимаем определение данное Максом Блэком (1990, 159), состоящее в том, что метафора является сокращённым наименованием, существующим для выражения смысла, который мог бы быть выражен буквально. В метафоре скрывается стремление автора текста к сокрытию прямого

смысла сообщения. На поверхности остаётся лишь его половина. Метафора подразумевает сходство двух объектов друг с другом по какому-то их признаку или целому. Согласно Блэку, метафора чаще всего играет роль украшения. (там же, 160.)

Метафора должна вызывать у объекта речи определённые ассоциации, которые зачастую понятны только носителями одной культуры. При употреблении метафор эти ассоциации активизируются, создавая определённые образы. Зачастую эти ассоциации обладают большой эмотивностью и должны вызывать сильные эмоции у объекта речи. (там же 164-166.)

Согласно Джорджу Лакоффу и Марку Джонсону (1990, 387), метафора каждодневно участвует в конструировании окружающей нас действительности. Она выстраивается из тех элементов действительности, которые ранее не были задействованы и являются необычными культурными и языковыми элементами для той области, в которой происходит построение метафоры (Телия 1988, 41-43). Таким образом обобщим, что метафора – это инструмент конструирования новых смыслов посредством уже имеющихся в данном языке и культуре (там же, 48).

В главе 2 мы сделали попытку дать определение понятию «дискурс», который определяется разными исследователями по-разному. Дискурс не может существовать отдельно от контекста и создаётся носителями языка непрерывно. Каждый раз при совершении коммуникационного акта смыслы перерабатываются, создавая или уничтожая значения. Кроме того, дискурс перерабатывается на нескольких уровнях – контекстном, жанровом и языковом. Каждому из этих уровней в этой главе также даётся характеристика.

3. Язык публицистических изданий второй половины XIX- начала XX века

Публицистическо-газетный стиль русского языка начал устанавливаться в середине 19 века. Именно в этот период, с развитием периодической печати, жанра научно-популярной статьи, трактата возникла нужда в определенном публицистическом стиле, которого до этого момента не было в русском языке. Происходит вытеснение «изящного» художественного языка журналистским, и стремление, для понимания более

широкими массами читателей, к смешению в текстах художественного и разговорного стилей. Публицистика стала основной платформой обсуждения социально-общественных проблем. Кроме самой журналистики язык публицистического стиля начал распространяться на самые различные языковые жанры. (Бельчиков 2009, 25; Виноградов 1982, 419-421.)

С развитием научной и научно-популярной, специальной литературы начиная с середины 19-ого века в публицистические тексты стало проникать всё больше специальных терминов из разных научных областей, эти термины, укореняясь, приобретали новые семантические значения. Особенно много терминов перешло в литературный язык из общественно-политических и естественно-научных областей знания. Согласно Виноградову, множество лексических единиц также и разговорного стиля было перенесено в публицистические тексты. Из-за такого перемешивания стилей и появления множества неологизмов, нормы публицистического стиля становятся неустойчивыми, его границы не всегда можно определить. (Виноградов 1982, 426-428.) Период времени второй половины 19- начала 20-ого века классифицируется появлением новых, смешанных форм публицистического текста, таких как научная беллетристика, рассказ-фельетон и других полупублицистических, полунучных текстов и их смесей (Грановская 2005, 82; 397.)

Виноградовым также отмечается интересная особенность, с которой в публицистических текстах использовались неологизмы-заимствования из европейских языков: они использовались в зависимости от общественно-политической направленности автора. Этому способствовало, прежде всего, расслоение общества на два лагеря – консервативно-дворянского и либерально-разночинного. Заимствованным иностранным словам придавалась социальная окрашенность и оценочность. Для языка либералов, верящих в науку, было характерно использование в своих текстах естественно-научных заимствованных терминов, например, дарвинизма, математики и физики, для описания привычных вещей. Многие учёные-либералы стали, наравне с периодическими изданиями, заниматься популяризацией и пропагандой науки и научных знаний широким народным массам. (Бельчиков 2009, 31-32; Виноградов 1982, 434-440.)

Основными тенденциями, по которым развивался язык публицистики во второй половине 19- начале 20-ого века можно назвать излишнюю книжность, канцелярность и риторическую клишированность, тяжеловестность, а также использование церковнославянизмов. Грановская отмечает, что использование перифраза была характерна особенно для революционно настроенной публицистики, которая, чтобы избежать наказания со стороны цензуры, вынуждена была заменять запрещенные и слишком критичные понятия и выражения различными приемами иносказания. Из, вызванной постоянным употреблением перифраза, недоговоренности развилось средство стилистической экспрессии, с помощью которой люди научились читать «между строк». Грамматически язык конца XIX-начала XX века стремился к унификации форм, при чём функция этих форм усложнялась, становясь более аналитической. (Виноградов 1982, 451-455, 471-477; Грановская 2005; 86-88.)

Помимо этого, в языке публицистики существовало ещё одно направление развития – смешение просторечия с литературной речью. Этот процесс происходил из-за расслоения литературных стилей и всего общества в целом, очень сильными контрастами бытовой речи в разных слоях населения, а также из-за стилистической открытости публицистического стиля вообще. Язык дворянства опирался на европейские языки, что можно видеть из художественной литературы. Интеллигенция, в свою очередь, пользовалась языком смешанным, в нём умещались как словарные обороты, так и просторечная лексика мещан и крестьян. (Виноградов 1982, 457-458.)

Представители среднего класса принесли с собой в публицистический текст демократическую речь городской среды, имевшая свои стилистические и выразительные особенности. Так как этот новый класс был образован, то, например, пользовался в своей речи множеством научных терминов, в частности, терминами точных и естественных наук. (Бельчиков 2009, 33-34; McReynolds 1991, 148-151.)

Революционная публицистика пользовалась различного рода военной лексикой и терминологией (например: *общая тактика, укрепление флангов, занять позицию*.) Использование такой лексики обуславливается природой революционного движения. (Грановская 2005, 82-83; 85-86.)

Как уже отмечалось нами выше, в обществе второй половины XIX века произошло расслоение на консерваторов и либералов. Оба противостоящих лагеря выпускали

различные публицистические тексты. Согласно Бельчикову, 1840-е – 1860-е годы ознаменовались кризисом консерваторов, дворянской культуры в целом. Интеллигенция, а с ней и низшие классы общества вышли на первый план. Успехом у новой прогрессивной публики пользовались прогрессивные публицистические издания того времени. Жанр критико-публицистической прозы 1850-1860-х годов сменился в 1870-1880-е годы жанром очерковой литературы. Другими жанрами новой публицистики явились прокламации, пропагандистские сказки, комментарии, рефераты, листовки, манифесты, рестрикты, проповеди, юбилейные речи, некрологи, трактаты, брошюры, и, естественно, газеты и журналы. Самое быстрое развитие получили те жанры, которые позволяли обсуждать наиболее актуальные вопросы жизни общества и рассматривать проблемы социологического, политического и философского характера. Происходит изменения в жанрах журнала, в них появляются новые отделы. Проблемные очерки и статьи, являясь сложными жанрами, постепенно захватывали себе место в журналах. (Бельчиков 2009, 25-29; Грановская 2005, 75-82.)

Подводя итоги языковых изменений, которым подвергся русский язык во второй половине XIX – начале XX мы можем сказать, что благодаря развитию периодической печати и публицистической речи, изменениям в социальном слое писателей и журналистов, появление большого количества представителей среднего класса и их языка в печати повлекли за собой демократизацию языка и языковых норм, язык стал походить на современный русский язык, а многие формы, пришедшие в тот период времени, сохранились в русской публицистической речи до сих пор и активно используются.

4. Социально-культурный контекст вегетарианского дискурса

Ранее мы уже упоминали о том, что язык конструирует нашу действительность, а действительность, в свою очередь, влияет на языковые процессы, происходящие в обществе. На выбор говорящего помимо внутренних грамматических форм языка могут влиять и внешние, зависящие от контекста нормы и запреты как гласные, так и неофициальные. (Pietikäinen & Mäntynen, 2009, 18.) Контекст играет важную роль в анализе дискурса, потому что в нём отражены важнейшие перемены в обществе и

языковых процессах в определенный промежуток времени (там же, 29-30.) Анализ социально-культурного контекста помогает глубже понять явления, описанные в текстах. Исторический контекст помогает ответить на вопрос, почему тексты отображают реакцию его создателя именно так, как указано в тексте, а не иначе (Середа 2015, 10.)

4.1   Общен исторический контекст второй половины XIX-начала XX века

Пореформенная жизнь царской России ознаменовалась ощутимыми переменами в обществе. Одним из самых знаковых событий этого периода является отмена крепостного права манифестом 19 февраля 1861 года, освобождение крестьян и дальнейшая модернизация государства с помощью реформ основных общественных сфер (экономика, финансы, торговля, политика, юриспруденция, образование и печать.) (Середа 2015, 10-12.)

Этот исторический период характеризуется также приростом населения, быстрыми темпами урбанизации, быстрым развитием промышленности и индустриализацией, а также ростом грамотности и развитием образования. В 1880-годах произошёл промышленный переворот. В городах росло число людей «нового пореформенного времени» - буржуа, интеллигенции и рабочих. Отмена крепостного права повлекла за собой большие перемены в крестьянском слое населения, которое составляло более 70% населения Российской Империи. Крестьяне стали всё больше переезжать в города, где устраивались на фабрики и заводы, в торговлю. У крестьян появилось больше возможностей для предпринимательства. Разбогатевшие крестьяне составляли слой новых буржуа в городе и деревне. Буржуазия стала постепенно вытеснять дворянство, которое, как уже было отмечено нами ранее, теряло свой вес в общественной жизни страны. Периоду второй половины XIX-начала XX также характерен и быстрый научный и технический прогресс, в результате которого в городском пространстве появился телефон и радиосвязь, электрическое освещение, трамвай, автомобиль. В деревнях также появились некоторые новшества – газета, граммофон и швейная машинка. (Семенникова и др. 2009, 9-20.)

Так как крестьянский быт характеризовался традиционностью и общинностью, то сельская местность существенно отставала от города. Большую роль в просвещении крестьян сыграли «народники», интеллигенция. Движение народничества имело, прежде всего, революционное начало и хотело поднять бунт среди крестьян, но уже к концу XIX стало либерально-просветительским, стремившимся, например, дать крестьянам знания о гигиене, медицине и других полезных науках. Главными идеями народничества были социальное равенство, справедливость и народное благосостояние. Принципы и идеи народничества проникли во все сферы русской культуры того времени. Народничество стало глобальной идеей русской культуры. Оставаясь непонятыми как патриархальной официальной властью, так и основной массой крестьян, народничество страдало от противоречий, что отразилось, например, в различных литературных произведениях того времени. (Семенникова и др. 2009, 22-23; Жукоцкий и Фурман 2004, 157; 170-175.)

Всё же, как отмечают Л. И. Семенникова и др., основная масса крестьян жила плохо, чему способствовало как государственная система с его непосильными поборами, общинный строй, крепко сохранявшийся в сельской местности. Это способствовало обострению обстановки в обществе и вылилось в итоге в революционное движение. (Семенникова и др. 2009, 24.)

Период второй половины XIX – начала XX века также характеризовался пробуждением в массах политической активности и появлением новых политических партий, общественных движений и организаций. Происходило развитие гражданского общества, при котором сами граждане стремились отстоять, развить свою точку зрения, становясь всё более весомой силой общественной жизни (Туманова и др. 2011, 9.) Общества и организации были самой разной направленности: от общества по благоустройству городской инфраструктуры до различных политических клубов и объединений (там же, 884-887).

В конце XIX века было сделано множество открытий в области биологии, медицины и гигиены. Особенно развитие получило направление бактериологии. Например, П. Ремплингером было доказано влияние применения воды на процесс уменьшения распространения бактерий на коже. Стало выпускаться множество научных и популярных книг, а также периодических изданий на тему медицины, гигиены и здоровья. (Виноградова 2017, 231.)

Во многом благодаря развитию медицины, общественное движение за здоровый образ жизни начинает набирать обороты (Туманова 2011, 239). Появились общества по благоустройству городского быта – их целью было улучшить в том числе и гигиенические условия проживания горожан. В нескольких городах Российской империи действовали также и общества покровительства животным, которые стремились решать вопросы об эксплуатации больных лошадей и о поимке бездомных животных. Распространения медицинских обществ на всей территории государства способствовало улучшению санитарно-эпидемиологического состояния. Медицинские общества помогали своим членам в повышении квалификации и профессиональных навыков. (там же 220-223; 232.)

Особенно нам хотелось бы отметить появление в конце XIX века и расширение в дальнейшем, вплоть до начала Первой мировой войны обществ пропаганды здорового образа жизни (Туманова и др. 2011, 239). В конце XIX века спорт становится прерогативой не только высших слоев общества. Круг увлекающихся спортом расширяется (Хмельницкая 2011, 11.) В среде школьников и студентов занятия спортом становятся очень популярны. При университетах открываются собственные спортивные общества (например, Студенческое гимнастическое общество при Московском университете, Студенческие спортивные кружки при Казанском и Юрьевском университетах и т. д.) (Туманова и др. 2011, 240-241.) В отличие от ранних видов спорта, таких как простые игры, например, в лапту, на свежем воздухе, спортивным дисциплинам конца XIX – начала XX века характерно дробление на специализированные виды спорта, рост техничности и количества числа профильных спортивных обществ и клубов (Хмельницкая 2011, 11). Туманова отмечает, что начале XX века в разных городах России существовали общества теннисистов, велосипедистов, гимнастов, роликбежцев, футболистов, а также многофункциональные общества любителей спорта. Часто спортсмены проводили свои занятия на открытом воздухе – в парках, скверах и садах, привлекая таким образом внимание публики к физическому здоровью и «навязывая» новые ценности. Устраивая для детей занятия и спортивные игры на открытом воздухе, спортивные общества также способствовали развитию физического здоровья у детей. (Туманова и др. 2011, 240-241.) В конце XIX- начале XX забота о здоровье стала показателем статуса. Здоровое тело теперь стало гарантом успеха в

карьере и в личной жизни. Для борьбы с полнотой, например, стали советовать сочетание спортивных упражнений и правильного питания. (Яхно 2003, 46.)

В период конца XIX – начала XX века меняются идеалы женской красоты. В моду входит, вместо худосочной бледной барышни, спортивная, отказывающаяся от громоздких нарядов и корсетов, здоровая женщина. Женщины могли наряду с мужчинами заниматься активными видами спорта, вступать в спортивные общества. Стала появляться женская спортивная одежда. Изменению в понятиях красоты женского тела способствовало женское общественное движение. (Громова 2016, 34-36.)

Кроме спорта, «интеллигентная публика» проявляла интерес к различным диетам и организации питания. Новое отношение к телу, его преобразование за счет правильной еды, начали постепенно входить в моду. На волне новых учений о здоровье и отношении к телу стали возникать общества по пропаганде здорового питания, одним из которых явилось Вегетарианское общество, о развитии которого будет рассказано позже. (Яхно 2003, 50; Туманова и др. 2011, 242.)

4.2 Питание в историческом контексте конца XIX-начала XX века

Согласно В. В. Похлебкину, русская кухня к концу XIX века развилась полностью и представляла собой две существующие друг от друга кухни – кухню высших классов и кухню средних и низших классов (Похлебкин 2004, 13).

Рацион основной массы жителей Российской империи (крестьян, горожан, рабочих, купечества, низшего дворянства) конца XIX – начала XX века состоял из традиционных блюд, таких как щи, каши (из зерен гречи, проса, ячменя, овса), кисель, хлеб, овощи (репа, лук, чеснок, огурцы, позже картофель), грибы, рыба, изредка мясо, фрукты и ягоды (в основном, яблоки и вишни, из ягод – морошка, клюква, малина, черника, брусника, черемуха.) Молоко и молочные продукты (творог, сметана, сыр) употреблялось сезонно взрослыми – весной и летом. Детям и больным молоко давали круглый год. В конце XIX века картофель стал занимать в рационе сильные позиции и потеснил кашу. Также для этого периода времени характерно увеличение потребления сахара и подсолнечного масла. Разновидности хлеба были разными в разных областях Империи, так, на севере не

вызревала рожь, поэтому там ели ячменный хлеб, в областях с более мягким климатом – «серый» или смесь ржаного и пшеничного, а в самых теплых регионах употреблялся и чисто пшеничный хлеб. Самыми популярными напитками являлись квас и чай. Самыми употребляемыми алкогольными напитками были брага и домашнее пиво, а концу XIX века в один ряд с ними встала и водка. (Миронов 2015, 288-290; 293; Семенникова и др. 2009, 38.) Стоит отметить потребление городскими рабочими уже в конце XIX века промышленно приготовленной пищи, такой, как например, дешевые сорта колбасы и базарные продукты, например, пирожки, а также уменьшение употребления рыбы, что было связано с отсутствием в городском жилище рабочего пространства и инструментов для её приготовления и обработки. Рыба также мало подавалась в заведениях для населения низших классов (Похлебкин 2004, 11; 20.)

Не смотря на то что к концу XIX века качество питания и его количество постепенно улучшались, всё же в питании существовали классовые различия. Питание высших слоев населения (высшее дворянство, высшее чиновничество, офицерство, богатые купцы, высшее духовенство) состояло из блюд европейской кухни, в особенности французской, смешанной с русскими блюдами. (Семенникова и др. 2009, 38; Похлебкин 2004, 11.) Так, из русских блюд особенно потреблялись супы и вторые блюда, а также русские продукты могли быть приготовлены на иностранный манер (Похлебкин 2004, 12; 14). Питание зажиточных классов отличалось, вне зависимости от сезона (например, подача клубники зимой), разнообразностью, эстетизмом и высокой культурой приготовления (там же, 16-17). Одним из признаков зажиточности являлось потребление большого количества мяса, дичи и рыбы, а также различных блюд высокой «тонкой» кухни. Зажиточным слоям населения были доступны экзотические овощи и фрукты: спаржа, цветная капуста, шпинат, апельсины, лимоны, ананасы, арбузы, дыни, тыквы. (Павловская 2009, 459-463; Зарубина 2014, 50.) Высшим слоям общества также было характерно обильное потребление чая, кофе и следующих к ним кондитерских изделий – булок, пирогов, пирожных и мороженого (Келлер 2016, 54-55).

Пища разделялась на постную и скоромную. Крестьянская постная пища была однообразной, была очень похожа на скоромную: серые щи, соленая и сушеная рыба, каши, картофель вареный и жареный, отварной горох, кислая капуста, грибы, огурцы, свекла, репа, редька, лук, чеснок, овсяные блины, квас (Миронов 2015, 284-285.) Обеспеченные слои населения, в свою очередь, имели возможность разнообразить

постный стол таким образом, чтобы он не чувствовался. В постные дни запрещалось употреблять мясо, животные жиры и молочные продукты. В году насчитывалось 180 постных дней. В Православной церкви имеются различные по длине посты. В неделю обязательными постными днями являлись среда и пятница. Самым длинным по продолжительности являлся Рождественский пост (7 недель), после него по продолжительности шел 40-дневный Рождественский пост (с 15 ноября до 24 декабря), Успенский пост (15 дней с 1 по 15 августа по старому стилю), неопределенный, проводящийся между маем и июлем, Петровский пост (от 6 до 48 дней). Самым строгим был Великий пост, после которого шел Успенский, Петровский и Рождественский. В строгий пост не разрешалось есть ничего кроме хлеба, лука и кваса, некоторые посты допускали сухоядение, когда можно было есть только сырую растительную пищу, третий вид постов разрешал растительную пищу в любом виде, также во время некоторых постов также допускалась и рыба. Больные, дети и люди, работавшие тяжёлым физическим трудом, освобождались от соблюдения постов. Бедные крестьяне питались постной пищей круглый год, лишь иногда прибавляя щи молоком. (Миронов 2015, 284-285; 290-291.) С ростом промышленности, а с ней расширения класса рабочих и мелких клерков, рабочий день которых составлял 10-12 часов и сопровождался тяжелым физическим трудом, который оплачивался, зачастую, не очень обильно. Поэтому соблюдение постов оказалось слишком затратным делом (Похлебкин 2004, 21.)

В отличие от высших сословий, крестьяне питались рационально – по работе. Крестьяне не допускали расточительности в еде, которая служила для них топливом в тяжелом физическом труде. Например, в летний период, когда крестьяне особенно активно занимались физическим трудом – они питались очень хорошо и обильно, а в зимнее время, когда не было нужды в большой физической работе, они могли проводить большую часть своего свободного времени лежа на печи, т.е. сжигая минимум калорий и не вызывая сильного аппетита. Для состоятельных слоев населения, пища, в свою очередь не была прежде всего топливом для физической работы, а служила источником наслаждения и развлечения, так как не была достаточно калорийной, а также являлась изысканной и слишком дорогой по стоимости. (Миронов 2015, 295-296.) Однако, в начале XX века с ростом промышленности, урбанизации и рационализации, все более широким массам, прежде всего, городского населения, стали доступны дешевые и

быстрые в приготовлении промышленно произведенные полуфабрикаты (Яхно 2003, 50.)

В этой главе мы дали описание общеисторическому, а также пищевому контексту конца XIX-начала XX века. Этот период характеризуется большими и интенсивными переменами общества, происходящими во всех сферах: от политики до представлений о гигиене тела. Питание разных слоёв населения, всё же, ещё было сильно разделено классово, несмотря на увеличивающуюся доступность промышленно произведённых пищевых продуктов. Также традиции ещё сильно проявлялись в питании. Общеисторический контекст мы можем отнести к третьему уровню дискурса – социально-исторической практике, которая лучше помогает понять, в какой среде формировались более глубокие уровни дискурса – жанровой и языковой, в которых несомненно отразились перемены, происходившие на социально-историческом уровне.

5. История вегетарианского движения в Российской империи

Эта глава раскрывает некоторые моменты истории вегетарианского движения в России начала XX века и его участников. Нами также были выделены две ярчайшие фигуры вегетарианства в России – это основоположник беззубойного питания граф писатель Л. Н. Толстой, а также активистка вегетарианского и других движений за равноправие писательница Н. Б. Нордман.

Данная глава так же, как и предыдущая, должна пролить на социальный контекст тех текстов вегетарианского дискурса, которые будут проанализированы позже в этой работе.

5.1 Развитие и деятельность вегетарианского движения в России

Первое официальное объединение российских вегетарианцев произошло 1 декабря 1901 года в Санкт-Петербурге, где было основано «Петербургское вегетарианское общество». Движение вегетарианцев в России имеет, всё же более, глубокие корни, уходящие в 1860 – годы. Именно тогда было, как полагает Петер Бранг, основано объединение под

названием «Ни рыба, ни мясо», о котором нет точных сведений. Исследователи вегетарианства в России, как правило, считают точкой отсчёта вегетарианского движения статью профессора А. Н. Бекетова «Питание человека в его настоящем и будущем», опубликованную в «Вестнике Европы» в 1878 году. Статья была переиздана брошюрой в 1879 и позднее переведена на европейские языки. Сам Бекетов не являлся сторонником вегетарианства, хотя и читал о нём лекции. (Бранг 2006, 35-36; 266.)

Основоположником вегетарианства в России всё же можно по праву считать Л. Н. Толстого. Именно его очерк «Первая ступень», который вышел в 1892 году, стал толчком к появлению активного вегетарианского движения в России. В 1893 году была даже попытка сочувствующим Толстому студентом Петербургской Военно-медицинской академии К. Н. Смирновым создать вегетарианский журнал «Первая ступень», но из-за отказа и последующей скорой смерти Смирнова, издание журнала оказалось невозможным. В это же время в Москве А. П. Поповой была открыта первая вегетарианская столовая, но её деятельность вскоре была приостановлена властями. Следующая вегетарианская столовая была открыта в 1894 году в Москве, но с её вывески хозяину пришлось убирать слово «вегетарианская». Следующая столовая была открыта в Москве в 1896 году. При её открытии состоялось собрание вегетарианцев («Собрание у Моода»), которое принято считать первым организованным собранием вегетарианцев в России. В Петербурге дела обстояли хуже. В середине 1890-х годов там функционировало всего лишь одна столовая, предлагающая вегетарианские обеды. (там же, 35-37.)

В конце XIX века последователей вегетарианства насчитывалось несколько десятков людей из интеллигентных слоев населения, и их организация в общество еще не могло быть возможным (Гордеева 2004, 30.) С изменением настроений в обществе в начале двадцатого столетия, а именно в 1901 году, при активном участии врачей-супругов Зеленковых, а также профессора А. И. Воейкова, в Петербурге было открыто Вегетарианское общество. Как отмечает Бранг, это вегетарианское общество носило научный характер, его целями явились издание и распространение вегетарианской литературы. Общество также разработало свой устав, который был принят 21 октября 1901 года. (Бранг 2006, 37.)

После основания Вегетарианского общества в Санкт-Петербурге по всей территории Империи стали появляться местные общества вегетарианцев. В 1902 году было открыто общество в Варшаве, в 1908 году в Киеве и в Кишинёве, в 1909 году в Москве и в 1911 году в Одессе. Численность членов в этих обществах колебалась от 20 до 200 человек. Уставы этих обществ были такими же как в Петербургском. В 1913 году в Москве был проведен первый Всероссийский вегетарианский конгресс. На конгрессе было принято решение о создании Всероссийского вегетарианского союза, а также об организации «Справочного вегетарианского бюро», но Первая мировая война прервала эти планы. (Гордеева 2004, 31-32.)

В 1900-е годы и до начала Первой мировой войны вегетарианское движение носило активный характер. Стало, например, открываться больше вегетарианских столовых. На 1904 год вегетарианских столовых в Российской империи было семь. Но уже к началу 1904 года таких столовых в одной Москве насчитывалось четыре. В 1909 году была открыта столовая, носившая статус «официальной». Позже, уже в 1911 году, в Москве была открыта также и «Первая народная вегетарианская столовая». (Бранг 2006, 38.)

Кроме открытия столовых российские вегетарианцы издавали газеты и журналы. Первый вегетарианский журнал под названием «Вегетарианский вестник» начал выходить в Киеве в 1904 году, но уже в следующем году издание прекратилось. В 1909 году в Кишинёве стал выходить журнал под названием «Вегетарианское обозрение», издательство которого в 1910 было перенесено в Киев, где оно просуществовало вплоть до 1915 года. В 1910 году в Москве были попытки издавать литературный вегетарианский журнал «Естественная жизнь», в конечном итоге так и не увидевший свет. Позднее, уже в 1914 году в Киеве возобновляется журнал «Вегетарианское обозрение», который просуществовал, хотя и с перерывами, до 1917 года. В этом же году в Петербурге владельцами вегетарианской столовой «Вегетарианство» на Невском начинается выпуск журнала «Бюллетени вегетарианства». Журналы содержали пропаганду вегетарианства, советы врачей, рецепты, советы по огородничеству и садоводству, поднимались вопросы вегетарианского воспитания детей, религиозные и морально-этические стороны вегетарианства, рассматривалось будущее движения и вегетарианского питания, а также печаталось множество переводных статей. (Бранг 2006, 37-41; 284-299.)

Статьи о вегетарианстве печатались газетами либерального толка: «Русская жизнь», «Русское слово», «Новое время», «Новости», а также журналами «Неделя» и «Вестник общественной гигиены» (Гордеева 2004, 31.) На вегетарианскую тему издавалось множество как переводных, так и русских брошюр. Например, журнал-брошюра «Нечто о вегетарианстве», издававшейся О. К. Зеленковой в 1900-х годах, и включавшим в себя несколько выпусков, а также переводная брошюра доктора Бернарда Шапиро «Вегетарианство или беззубойное питание с нравственной и медицинской точек зрения», вышедшая в приложении к журналу «Спутник здоровья» в 1900 году.

Вегетарианцы издавали также поваренные книги, первыми из которых были брошюры «Обеды вегетарианца» А. П. Зеленкова (выпущены под псевдонимом «Вегетарианец»). За период с 1894 по 1897 год. Женой А. П. Зеленкова Ольгой Константиновной (псевдоним «Вегетарианка») была выпущена в 1903 году и позднее переиздана, наверное, наиболее известная вегетарианская поваренная книга «Я никого не ем», которая содержала 365 меню и 1500 рецептов. Были и другие поваренные книги. Так, Т. А. Кузьминской был, в начале 1900-х годов, выпущен «Вегетарианский стол», насчитывавший более 400 рецептов. В 1911 Н. Б. Нордман-Северовой «Поваренная книга для голодающих...». (Бранг 2006, 348-349.)

Помимо специальных вегетарианских поваренных книг, вегетарианский тип питания был замечен известной издательницей поваренных книг «Подарок молодым хозяйкам» Е. И. Молоховец. Раздел блюд вегетарианской кухни был вынесен отдельно, по крайней мере, уже имелся в изданиях начала XX века. Например, в 20-м издании «Подарка молодым хозяйкам» от 1912 года отдельно вынесено около 30 блюд вегетарианской кухни, преимущественно супов, особенностью которых было отсутствие специй и маринадов. Во внимание была принята полезность предлагаемых блюд. Перед разделом были даны советы по правильному подбору вегетарианских блюд и системе такого питания в целом. В конце раздела дан один вариант меню на день. Для вторых блюд, десертов и напитков Молоховец предлагает варианты рецептов из постного и скоромного отделов. (см. Молоховец 1912, 681.)

5.2 Лев Толстой и русское вегетарианское движение

Как уже было отмечено ранее, имя Толстого в развитии вегетарианского движения в России конца XIX-начала XX века является основополагающим. Вегетарианство Толстого повлияло на переход в вегетарианство многих из его родственников, друзей, соратников и современников. Именно благодаря Толстому, например, религиозная группа духоборов отказалась от употребления мяса, алкоголя и табака. (Le Blanc 1997, 81-82.)

Переход Толстого в вегетарианство произошел в начале 1880-х годов, в период так называемого «творческого кризиса» писателя, хотя мысли о самосовершенствовании и уменьшении плотских потребностей посещали его намного ранее, уже в 1850-х годах. Не существует точных сведений о том, что же в конечном итоге повлияло на Толстого в его решении о переходе в вегетарианство. Согласно Брангу, влияние на Толстого оказали статья Бекетова и знакомство с В. Г. Чертковым, который станет впоследствии ярким последователем Толстого. Исследователями (Le Blanc 1997; Бранг 2006; Гордеева 2004) подчеркивается также и встреча Толстого с Вильямом Фреем (Владимир Константинович Гейнс), эмигрировавшего в 1860-х годах в США и проживавшего там в разных сельскохозяйственных коммунах, в том числе и вегетарианских. Фрей посетил Толстого в Ясной Поляне в августе 1885 года. Сын Толстого Сергей указывает в своих записях, что именно Фрей окончательно убедил Толстого перейти на вегетарианскую диету. Дневниковые записи Толстого указывают, однако, на то, что он предпринимал попытки перехода на растительную пищу уже в 1882-1883 годах. Но даже после встречи с Фреем, в 1887 году Толстой всё ещё время от времени употреблял мясную пищу. (Бранг 2006, 81-88; Le Blanc 1997, 82; Гордеева 2004, 35.) По Ле Бланку, переход Толстого на вегетарианский режим питания был обусловлен также причинами, связанными со здоровьем писателя, в частности, проблемами с пищеварительной системой (Le Blanc 1997, 83.) Кроме физических потребностей в легкой пище, весь поздний период своей писательской деятельности Толстой находился в колебаниях по поводу «правильности» своих жизненных привычек с морально-нравственной точки зрения. Всю свою жизнь, как замечает Ле Бланк, Толстой стремился к совершенствованию своего тела и души, что давалось очень тяжело и происходило в постоянном противостоянии плотского с духовным. (там же, 85.)

Идеи Л. Н. Толстого повлияли на большое количество известных людей. Одним из первых, влияние на которых оказал Толстой ещё перед своими публикациями о идеях вегетарианства является писатель Н. С. Лесков. Лесков познакомился с Толстым в 1887 году. После знакомства с Львом Николаевичем Лесков опубликовал в газете «Новое время» несколько статей в защиту вегетарианства, а также выступил с идеей создания поваренной книги для вегетарианцев (Бранг 2006, 155-165.)

По инициативе Толстого в 1884 году было создано издательство «Посредник», ставшее основным рупором толстовских идей. Именно «Посредник» первым издает в 1894 году вегетарианскую поваренную книгу «Вегетарианская кухня», содержащую более 800 вегетарианских рецептов. Вегетарианская библиография «Посредника» насчитывает переводную и российскую литературу. Например, в 1893 году была выпущена «Этика питания» Говарда Уильямса, вводной статьей к которой явилась «Первая ступень» Толстого. В 1903 году вышло «Безубойное питание или вегетарианство. Мысли разных писателей по этому вопросу», в 1910 году вышла уже библиография вегетарианской литературы А. И. Иванова «Указатель русской и иностранной вегетарианской литературы» и многие другие издания на вегетарианскую тему. (там же, 309.)

5.3 «Эксцентричное вегетарианство» Н. Б. Нордман-Северовой

Помимо Л. Н. Толстого мы также хотели бы выделить личность Натальи Борисовны Нордман (писательский псевдоним Северова). Наравне с Толстым исследователи вегетарианского движения отводят этой фигуре пространство в своих исследованиях. Так Петер Бранг (2006, 209-229) описывает её жизнь и деятельность в довольно-таки длинной главе. Дарра Гольдштейн (1997, 103-123) отводит Н. Б. Нордман половину своей статьи. Устройство вегетарианского быта Нордман рассматривает Катриона Келли (2001, 156-230). Насколько нам удалось выяснить, тексты Натальи Борисовны рассматривались только как явление историческое и культурное, но не с точки зрения литературоведения или лингвистики. Наталья Борисовна по-прежнему остаётся известной больше как вторая супруга выдающегося художника И. Е. Репина.

Наталья Борисовна Нордман родилась в 1863 году в Гельсингфорсе в семье адмирала шведского происхождения и русской дворянки. Нордман не скрывала и гордилась своим происхождением, называла себя «свободной финляндкой». В 1880-годах она работала

некоторое время на ферме в США. После возвращения играла в театре в Москве, ей сулили большое будущее как комической актрисе. За Репина она вышла замуж в 1900 году, и в том же году переехала на дачу в Куоккала, которую назвала «Пенаты». (Бранг 2006, 210-211)

Как полагает Бранг, Нордман пришла к вегетарианству посредством Репина, который уже в 1891 году, после встречи с Толстым перешёл на растительную пищу (там же, 212-213). Кроме идеи вегетарианства, которая занимала в трудах Н. Б. Нордман центральную роль, писательница выступала за раскрепощение прислуги, права женщин, хотя не входила в ряды суфражисток, а также выступала за равные права, в духе социализма, между разными классами (Бранг, 215-216; Goldstein 1997, 109). Мы можем наблюдать революционный настрой и по манере письма Н. Б. Нордман – она стала использовать упрощённую орфографию, отказавшись от употребления в написании графем «ъ» и «ъ» или, иными словами, стала использовать пореформенную орфографию.

Эксцентричной в глазах публики делало её строгое вегетарианство с исключением всех животных продуктов, а также закаливание и отказ от употребления также и в одежде материалов животного происхождения. Наталья Борисовна завела строгое расписание и порядок обедов у себя в «Пенатах». Возможно такой образ жизни привёл к её ранней смерти от туберкулёза в 1914 году. (Goldstein 1997, 109; 111, 113.) Основными правилами в «Пенатах» являлись равноправие и взаимопомощь. Каждый посетитель должен был сам снять и повесить свою одежду в прихожей. Хозяев можно было оповестить о приходе при помощи специального маленького гонга, висевшего там же в прихожей. (там же).

Обеденный стол также был специально спроектирован под самообслуживание. Этот стол имел в деревне статус легендарного – он был большой, круглый, с вращающимся диском для блюд посередине. С этого диска гость мог сам накладывать себе еду в тарелку. На отдельном столике размещался хлеб, который гость также самостоятельно мог нарезать при помощи специальной машины, сконструированной самой Натальей Борисовной. Предлагать еду соседу запрещалось, а те новые в «Пенатах» гости, которые могли совершить ошибку за столом, наказывались произнесением речи, длина которых зависела от степени серьёзности нарушения порядка (там же 112-113). Идеи Нордман не были восторженно приняты публикой, но она успела всё же сделать много: например, основала в Куоккале кооперативную лавку, библиотеку, устраивала народный театр,

попечительствовала школе и вегетарианским приютам, писала художественную литературу, так и не став выдающейся писательницей (Бранг 2006, 212).

В главах 4 и 5 мы описали социально-исторический контекст того периода времени, к которому относятся анализируемые нами тексты. Как уже отмечалось, дискурс не может существовать сам по себе, а зависит от того контекста, в котором на данный момент формируется. Языковая составляющая дискурса находится во взаимодействии с социально-историческим контекстом и меняется по мере происходящих в этом контексте изменений. Мы рассмотрели контексты общественно-исторический и пищевой, а также контекст формирования вегетарианских обществ в России конца XIX – начала XX века, что должно помочь нам лучше понять языковую составляющую вегетарианского дискурса того времени.

6. Анализ текстов вегетарианского дискурса

В этой главе нами будет представлен анализ дискурса вегетарианских текстов. Как уже было ранее нами упомянуто, анализ дискурса – метод довольно неопределенный, зависящий от целей исследователя и изменяющийся по ходу исследования. Для анализа дискурса мы используем инструменты риторического анализа, с помощью которых мы выясним, каким образом конструируется вегетарианская действительность. Как риторические элементы помогают в убеждении полезности вегетарианства, а также как в текстах выстраивается пропагандирование и отстаивание своих точек зрения на вегетарианскую идею.

6.1 Агитация - привлечение сторонников

При анализе текстов вегетарианского дискурса нами было обнаружено, что большинство текстов представляют из себя тексты агитационного характера. Агитационность и пропагандистская сущность текстов вегетарианского дискурса проявляется в их стремлениях к созданию своей собственной идеи, идеологии, а также расписаны действия, которые должны служить кирпичикам этой строящейся идеологии. Агитация,

предпринимаемая в вегетарианском дискурсе, всё же является позитивной или конструктивной, то есть такой, которая пытается донести свою идею до адресата в доходчивой форме. Конструктивная пропаганда создана в интересах тех, кому адресована, она не должна работать во вред, а целью её является социальная гармония, согласие и воспитание в соответствии с общепринятыми ценностями. (Цуладзе 1999, 128; 130.)

6.1.1 Жанры

Агитационный характер тестов хорошо виден, например, по выбору жанров, которыми эти тексты представлены. В предыдущих двух главах нами был определён самый обширный уровень дискурса – социальный контекст. В этой и последующих главах мы опустимся на глубинные уровни дискурса – жанровый и языковой, который является микроуровнем.

Напомним, что жанры являются систематизированными институционализированными (устоявшимися) формами языковой и социальной действительности, отражающие негласные языковые и социальные нормы. Жанры могут быть как укрепившимися, так и меняться в зависимости от целей коммуникативных актов. Обыкновенно, носитель языка может без труда отличить разные жанры, устоявшиеся в его родном языке. (Pietikäinen & Mäntynen, 2009, 79-87.)

Можно видеть, что с помощью речевых жанров вегетарианский дискурс ведет борьбу за читателя, за, возможно, нового последователя или противника, не хочет оставлять аудиторию равнодушной к описываемым в текстах проблемам. Посредством речевых жанров тексты делают попытку побудить аудиторию к совершению действия. В текстах ведется полемика по отстаиванию точек зрения, попытка перетянуть аудиторию на свою сторону, превратить её саму в агитатора. (Купина 2000, 216-217.)

Попытка превращения простого адресата в сторонника отстаиваемой точки зрения и агитатора происходит за счёт речевых жанров поддержки: рекомендации, совета, мнения авторитетных граждан и их корреспонденции, обращения групп граждан, семейных обращений и призывов, предложений, личных воспоминаний, рассказов из жизни, рассказов, стихов, писем сторонников. (там же, 217.)

Из жанров поддержки, создающих у читателя положительную картину движения вегетарианства мы можем выделить следующие: письмо соратнику, письмо в редакцию, реклама, совет, рецепт, стихотворение, рассказы из жизни, призывы. Два последних жанра будут рассмотрены нами в данном исследовании как две отдельные коммуникационные стратегии, с помощью которых вегетарианцы выстраивают свой стремящийся к убеждению и агитации текст.

Так как речь в нашем исследовании идёт об идеологии, направленной на пропаганду определённого вида питания, то присутствие в текстах рецептов является естественным.

(1) **Вегетарианская селёдка.** Маслины очищают от косточек и раскладывают в форме селёдки на блюдо, окружают ломтиками отварного картофеля, огурцов (свежих или солёных по желанию) и заливают соусом: горчица, сахар, соль прованское масло, ореховое молоко, винный уксус.

(Северова 1913а, 79)

Пример рецепта (1) стоит первым в поваренной книги Н. Б. Северовой и из-за своего метафорического содержания должен привлечь внимание читателя, а не отогнать его отсутствием рыбы в рыбном рецепте.

(2) **Бутерброды очаровательные.** На кусок белого хлеба накладывают ломоть сельдерея, колечко луку, ломтик свежего томата, масла и соли, запекают в духовке и подают горячими.

(там же, 85)

В примере (2) в названии рецепта используется эпитет с положительным оттенком *очаровательный*, что придаёт рецепту ещё более располагающее к себе значение. Рецепты с положительными элементами служат для подкрепления вегетарианского текста, они являются наглядной, практической стороной, который каждый интересующийся может воплотить при желании у себя дома.

Близко к рецепту стоит и жанр совета, он также, являясь практической стороной вегетарианства, помогает колеблющемуся читателю с выбором диеты:

(3) Я хотел указать с моей стороны, чем может питаться вегетарианец в продолжении дня. Начну утра. Вместо кофе или чая, в 8-9 часов, - овсяная каша с маслом животным или растительным (лучше последнее), или: рис, яблоки, изюм с орехами. Второй завтрак в час дня: макароны или гречневая каша, какие-нибудь овощи: репа, морковь, капуста, картофель, горох, бобы.

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3 1903, 33)

В этом примере (3) мы можем видеть присутствие личного опыта, на основе которого автор даёт совет-рекомендацию по питанию, таким образом создавая близкое отношение с читателем.

Цикорий

(4) На дорожках в саду растёт много дикой цикории, когда дорожки полют, мы этот цикорий вырываем с корнем. Отрываем от земли, жарим в печке, мелим на кофейной мельнице и пьём на здоровье.

(Северова 1913а, 90)

Приведённый пример (4) совета по употреблению цикория также содержит элементы личного опыта, поэтому может подействовать на читателя благожелательно. Также здесь присутствует информация о практическом воспроизводстве вегетарианства, поэтому этот совет может хорошо подействовать в привлечении новых сторонников вегетарианства. Пожелание здоровья в конце совета сближает и интимизирует автора с читателем, создавая доверительные отношения.

В вегетарианском дискурсе используются также и стихотворения:

(5) Вестники весны.

Посмотри: в лазури ясной,
Шумной радости полны,
Снова стаяй суетливой
Реют вестники весны.
Суетливой стаяй вьются
И щебечут, и шумят,
Снег последний быстро тает,
Громы первые гремят
Чьи-то звуки, чьи-то песни
Льются с радужных высот.
Чей-то голос нежный, милый,

В даль звенящую зовёт...
Слушай, слушай! эти звуки
С нив, долин, лесов и гор...
Ах, уйти, уйти бы в поле,
В степь, на волю, на простор!
Сны последние развеять,
Цепь последнюю порвать...
Крикнуть, свистнуть, грянуть песней,
Засмеяться... зарыдать!..

С. Г. Фруг

(Вегетарианское обозрение. №4-5 1913, 172)

Это стихотворение (5) прямо не говорит о вегетарианстве, но в нём отражается идеологическая составляющая вегетарианского движения: единение с природой, духовное перерождение, освобождение от нравственных оков общества. Перелётные птицы являются здесь символами свободы, а так как вестники весны не называются прямо, мы можем предположить, что вестники весны, несущие новые надежды – это сами вегетарианцы. Голос, слышащийся издали – голос надежды, веры в прекрасное будущее, в котором человек живёт в гармонии с собой и окружающим миром. Эмоциональность стихотворения может помочь вселить в читателя светлую надежду и веру в победу идеи вегетарианства, добивающейся согласия между людьми и окружающей их природой.

6.1.2 Метафора

В этой главе и далее мы детальнее рассмотрим микроуровень дискурса – его языковую составляющую. На языковом уровне дискурса большую роль играет пропозиция – смысловая, оценочная и эмоциональная составляющая коммуникативных актов, при помощи которых дискурс получает именно те значения, которые задуманы субъектом речи (Ванхала-Анишевски, 2006, 14-17).

Метафора – это оборот речи, слово или выражение, употребляющееся в переносном значении на основе сходства или контраста двух предметов или явлений (Липатов 2011,

231.) Метафора применяется, прежде всего, для создания ярких, живых образов у аудитории. Метафора способна создавать новые смыслы с помощью мобилизации старых, уже известных смыслов (Jokinen 2016b, 360.) Посредством метафоры можно легко влиять на публику эмоционально. Так как в метафоре кроется сильный эмоциональный и изобразительный потенциал, то она способна без сложных аргументативных приёмов создать в воображении объектов речи риторика нужные ему коннотации и образы, и таким образом способствует лучшему достижению своей цели риториком. (там же, 361.)

Из-за особенностей анализируемого нами дискурса, связанного с физиологическими потребностями человека в питании, а также непосредственная связь вегетарианцев с миром природы и животным миром, мы можем видеть в текстах множество метафор животного характера – антропоморфных и зооморфных. Метафоры такого типа встречаются довольно часто как в русской литературе, так и в литературе других стран (Галай и Жучкова 2014, 51).

6.1.2.1 Антропоморфная

Антропоморфизм – «перенесение свойств человека на животных, явления природы, стремление подстроить многообразие и самобытность жизненных форм под человеческий масштаб, мерить их человеческой мерой». (Эпштейн 1990, 101.) В антропоморфизме человек представляется как код². Человек наделяет окружающие явления, живых существ, предметы своими свойствами – душой, речью, внешностью, поведением. (Голстая 2017, 8.) Антропоморфные метафоры широко распространены в русском фольклоре и русской литературе (Гура 2017, 25).

В текстах-источниках нашего исследования антропоморфные метафоры встречаются довольно часто. Так как антропоморфные метафоры отражают культурные коды, с помощью которых строится картина мира человека, обрамляются компоненты сознания, например, такие как нравственность и морально-эстетические ценности. Картина мира образуется из совокупности всех знаний человека, полученных им из разных источников

---

² Под кодом мы подразумеваем понятие культурного кода – «совокупность элементов одной сферы действительности, через посредство которых носитель языка осмысливает действительность иного рода» (Леонтьева 2006, 58).

– как письменных, так и устных, она направляет человека в его действиях. (Гончарова 2012, 396; Основы духовной культуры 2000.) То основной функцией антропоморфных метафор в текстах вегетарианцев можно считать навязывание своей картины мира читателю, попытка заставить переосмыслить свои ценности в пользу пропагандируемого текстами вегетарианского мировоззрения.

Неслучайно для привлечения внимания читателя к проблеме получения продуктов животного происхождения и эксплуатации животных человеком Н. Б. Северова приводит историю с коровой и испытываемыми ей страданиями. Корова – одно из близких человеку домашних животных. Корова в русской культуре является, согласно Арье Розенхолм (Rosenholm 2005, 69), одним из наиболее эмоционально наполненных ключевых символов. В образе коровы заключены символы семьи, нации, родины, материнства и материнского начала. Корова как мать, связана с весёлым детством, мирным и тёплым домом и большой семьёй, которую она кормит. Корова-кормилица, вобравшая в себя элементы материнского начала, должна пробудить в читателях добрые и нежные чувства, вспоминая о собственной матери, родном доме, семье. (там же, 70-73.)

(6) [...]В каждой капле молока *вопиет не только страдания смерти, но и драма поруганного материнства.*³

(Северова 1911, 11)

В приведённом выше примере (6) экспрессивность выражению придаёт глагол *вопить*. Являясь лексемой высокого книжного стиля, этот глагол употребляется, обычно, при обращении к высшим силам с просьбой о милосердии, справедливости (Ефремова 2006, 331.) В примере (6) высшими силами являются люди, забирающие молоко у коровы, поэтому обращение ведётся непосредственно к читателю – потребителю молока, что должно пробудить в нём сострадание по отношению к животным и получаемым при помощи них продуктам питания. Эмоциональность придают также использованные в данной фразе существительные *страдания смерти, драма*, а также страдательное причастие прошедшего времени *поруганный*. Словосочетание *страдания смерти* относит читателя к страданиям Христа, которые он принял на кресте, искупая грехи человечества. В мотиве страдания, представленном в данном примере (6), как мы

---

³ Здесь и далее курсив наш – В. К.

полагаем, можно увидеть и тему предательства, которую человек совершил как по отношению к Христу, обрекая его на муки, ради своего спасения, так и по отношению к животным, подвергающимся мукам во благо человека (Новая философская энциклопедия 2010, 641-642.) Эта отсылка помогает читателю, знакомому с сюжетом о распятии Христа, лучше проникнуться состраданием к живому существу. Существительное *драма* имеет, употреблённое в примере (6) имеет коннотацию «тяжёлое событие, переживание, причиняющее нравственные страдания» (Ожегов 2005, 175). Словарь также даёт нам частотное сочетание «семейная драма» (там же), которое хорошо характеризует контекст, в рамках которого употреблено это существительное. Существительное *драма* скрывает под собой сильную эмоциональность, и может употребляться, например, в контексте сильной ссоры или другого личностного, интимного переживания. Здесь имело место быть *поругание*, то есть «грубое унижение, имеющее под собой цель опозорить или обесчестить» (Ожегов 2005, 554). Поруганию может последовать месть или самого поруганного, или кого-то из его близких. Мотив мщения раскрывается в последующих примерах.

(7) *Корова по нашему распоряжению должна прежде всего переносить всю тяжесть беременности, все страдания родов, иногда очень тяжёлых. [...]*

(Северова 1911, 11)

В примере (7) корова предстает перед читателем как мать-роженица, которая по чьей-то воле *должна* рожать. Модальный глагол *должен* выражает здесь субъективную оценку человека-владельца коровы-матери, не желая «войти в её шкуру» или сострадать ей. Здесь, автор текста, возможно, накладывает опыт своей собственной беременности на опыт беременности, переносимый животным. Ведь никто кроме женщины не может знать всей *тяжести* беременности и приносимых ей *страданий*. Таким образом автор текста делает попытку привлечь внимание и женской половины читателей, близко знакомой с темой родов. Для усиления эмотивности и придания образу яркости в примере (7), слова *тяжесть-тяжёлый* употреблены повторно, по всей видимости для того, чтобы подчеркнуть тяжесть процесса деторождения.

(8) [...] Она мычит от *переполняющих её нежных лучших чувств*. [...]

(Северова 1911, 12)

Данное высказывание (8) выражает всю человечность коровы-матери при помощи более стёртой, но не потерявшей ещё образности, метафоры высокого стиля «*чувства переполняют*», а также качественного прилагательного *нежный* и оценочного прилагательного *лучший*. Корова наделена здесь истинным чувством материнства – нежностью. В толковом словаре Ожегова (2005, 393) лексема *нежность* наделяется семантическими компонентами – ласковость и мягкость. Используя такую лексику, автор хотел показать, что животное, равно как и человек, тоже способно любить и иметь материнские чувства.

(9) [...] *Раздирающих стонов* коровы не слышно в покоях. Кто знает, какие *проклятия посылает она нам*. *Быть может*, потому именно передаётся нам с молоком столько *страшных* болезней: туберкулёз, чахотка...

А крики умирающего телёнка. *Быть может*, оттого так расстроены нервы людей, питающихся *скрытыми слезами и кровью*.

(Северова 1911, 12)

«*Раздирающие стоны*» (9) также является метафорой, обозначающей, что звуки, издаваемые коровой, настолько пронзительны, что причиняют их слышащему душевную тоску, печаль и страдание (Ожегов 2005, 635). Стоны животного настолько сильны, что слышны всем вокруг. С помощью словосочетания *крик умирающего* читателю создаётся картина полного отчаяния, в котором находится животное, которое мучает человек. Выбор эмоционально окрашенных слов помогает живо представить всю душераздирающую картину закола телёнка. В данном примере (9) также повторяется мотив мести за унижения, а также мотив слёз страдания и пролитой крови, пролитой во благо человека. Местью автор делает попытку вызвать у читателя чувство страха, а также стыда за свои, по мнению автора, неправильные поступки. Для пробуждения таких эмоций автор, использует, например, прилагательное *страшные* при характеристике болезней, в которых человек виновен сам. Болезни здесь являются символической расплатой за грехи, которые люди совершают, убивая невинных мучеников. Автор довольно-таки убежден в правоте своих высказываний, что выражается в использовании им повторно конструкции *быть может*, выражающей вероятность.

Молоко от *расстроенной* коровы

(10) [...] Вспомните *кормилицу*, как её берегут, чтобы как-нибудь не *расстроить* её. Всякое волнение её строго запрещено, потому что оно сейчас же передаётся ребенку. Кормилицу рассердили, а у ребёнка желудок заболел. Смотришь и ночь ребёнок плачет, не спит. Даже исхудал. Если молоко кормилицы так действует на организм ребёнка, то почему не предположить, что *молоко расстроенной коровы может портить и нам нервы, и сон, и желудок*.

- Да ведь *не всегда же* корова расстроена. – *Вон* у наших соседей корова ревела *только* неделю, когда у нея отняли телёнка.

- Так ведь *и человек плачет не вечно*. *Страдание перешло в его сердце*. Может быть, каждый раз, как её доят, она *расстроена* тем, что человек берет себе то, что по принадлежало бы по праву телёнку. [...]

(Северова 1911, 13)

Данный отрывок (10), на наш взгляд интересен тем, что здесь уже в заголовке приводится антропоморфная метафора *расстроенная корова*, которую можно понять по-разному: имеется ли ввиду чувство грусти, испытываемое животным или же то, что корова, вероятно, больна и даёт заражённое молоко. Возможно, здесь имеются ввиду оба эти значения, так как мотив страдания, как уже говорилось ранее, свойственен метафорам вегетарианских текстов, а значение заражённого молока также может быть метафорой и обозначать то, что потребитель отравляет свой организм животной пищей. Этот отрывок интересен также и тем, что здесь проводится прямое сравнение человека-кормилицы с коровой-кормилицей. Приём прямого сравнения помогает читателю увидеть тождественность процессов, происходящих в природе, а также убедиться в «животном» происхождении человечества. Этот приём должен, по замыслу автора, очевидно, помочь сближению человека с животным. Так как писательница-активистка Н. Б. Северова была, кроме вегетарианства, также и активной сторонницей освобождения прислуги (Kelly 2001, 180), то в примере (10) можно увидеть и аналогию с одинаковым положением прислуги и домашних животных – их молоко равнозначно может приносить болезни и страдания людям. В приведённом примере (10) автор хочет обратить наше внимание на одинаково плохие условия обращения как с людьми, так и с животными, что особенно заметно из ответной реплики, которая откровенно пренебрегает чувствами животного, что подтверждается использованным в ней наречием *только* в значении «всего лишь». Употребление ответной реплики относит читателя к мыслям обывателя,

употребляющего животные продукты и не задумывающегося о судьбе животных. В противопоставление её приводится ответная реплика, функция которой показать, что человек испытывает чувственные страдания в той же мере, что и животное. Это делается для того, чтобы человек мог понять весь масштаб своего соучастия в убийстве животных, проникнуться сочувствием и, возможно, даже перейти на образ жизни без мясной пищи.

Приведём ещё один пример антропоморфной метафоры, найденный нами в тексте Н. Б. Северовой:

(11) Начнем с кур: куры *очень любят жить на свободе*, не только потому, что *им веселее* и легче добывать себе корм, а главным образом оттого, что они *имеют возможность прятать от людей* снесённые яйца. Они *копят* их под поленницами, на чердаках, в тёмных углах конюшен. Курица, снесшая яйцо, *хвастается своим героизмом* на весь околоток. Она громко кудахчет, но ни за что *не признается*, куда девала его. [...]

[...] и вот в одно прекрасное утро, во дворе радостные крики, смех, суета. Бегут, сломя голову, за нами.

-Что такое?

- *Настасья Семёновна* пришла с цыплятами...

А кур мы называли именами тех знакомых, на которых *они были похожи*.

Скорей, скорей в курятник! И что же? Посередине стоит наша крапчатая курочка, *Настасья Семёновна*, а кругом нея четырнадцать крошечных цыплят. Где-то в лесу или в поле она сделала склад яиц, вывела цыплят и торжественно и доверчиво привела их к нам. *Праздник* в курятнике продолжался целый день. Люди и куры *не могли в себя прийти от восторга*.

[...] Но цыплят этих, *моих личных знакомых*, я отказалась резать. Мы подарили их нашим соседям и после этого никогда уже не держали кур. Если всмотреться, мы увидим, как *в курятнике идет совершенно самостоятельная, своя жизнь*. Сколько там *разнообразных интересов, страстей, привычек и характеров*. Кто дал человеку право врывать в эту жизнь с острым, смертельным оружием в руках? Конечно, только безнаказанность преступления.

(Северова 1913б, 14-15)

Пример (11) интересен, по нашему предположению тем, что в нём присутствует элемент сказочности: рассказ из жизни животного, с присутствием в нём описания природных действий курицы (кудахтанье, кладка яиц) вперемешку с метафорическими, типичными для человеческой психологии, действиями (*любят жить на свободе, хвастается своим героизмом, ни за что не признается, не могли в себя прийти от восторга*.) Употребление свойственных птице черт поведения придаёт повествованию характер

реализма, показывает близость автора к природе, сельскому быту. (Пропп 2000, 354-356.) Усиление сказочности происходит также и за счёт «награждения» курицы антропонимом *Настасья Семёновна*. Автором делается уточнение, что практика наделения животных человеческими именами происходит за счёт тождественности поведения курицы и человека, что ставит их на один уровень. Кроме того, внесение антропонима в рассказ о животном может нести и функцию насмешки, комичности. За счёт комического эффекта, создаваемого антропонимом, автор хочет показать, что и животное ведёт себя в точности как человек, и поэтому, стоит относиться к нему с пониманием и поддержкой. Мы можем также предположить, что употребление антропонима может свидетельствовать о сближении автора со своими домашними животными, что подчёркивается фразой *моих личных знакомых*, где прилагательное *личный* обозначает интимность, близость дружеских отношений.

Всё же стоит отметить отличие текста (11) от текстов сказок о животных. В данном примере (11) автор раскрывает мотивировку действий курицы, то есть из-за стремления к реалистичности описания показаны все действия птицы, которые привели к определённой развязке. Здесь мотивацией к действиям курицы стал человек, который как нецивилизованный варвар вмешивается в ход чужой жизни. В примере (11) мы можем наблюдать повторяющийся в вегетарианских текстах мотив человека-варвара, мешающего животным. Попытка обратить внимание читателя к данной проблеме реализуется автором при помощи риторического приёма антицитации или такого приёма, при котором ритор задаёт вопросы воображаемой публике и сам на них отвечает, что помогает достижению благоприятного расположения читателей (Филиппова 2012, 63): *Кто дал человеку право врываться в эту жизнь с острым, смертельным оружием в руках? Конечно, только безнаказанность преступления.* Так как в рассказах о животных широко отражена жизнь человека с её достоинствами и недостатками (Пропп 2000, 356), то внесение такого типа рассказов в тексты о вегетарианстве имеют под собой цель заставить читателя задуматься о правильности своего образа жизни.

(12) Я *никого* не ем!

(Зеленкова, б. г.)

Это заголовок (12) поваренной книги, составленной О. К. Зеленковой «Я никого не ем! 365 вегетарианских меню и руководство для приготовления вегетарианских кушаний. Заголовок (12) сильно эмоционально наполнен, так как, во-первых, является восклицательным предложением, несущим в себе также функцию призыва (Багманова 2013.) А во-вторых, в примере (12) местоимение *никто*, вызывает коннотации, относящиеся, прежде всего, к человеку. У читателя может возникнуть ассоциация, связанная, например, с каннибализмом. Этим автор хочет показать равноценность человеческой жизни и жизнью всех других живых существ. Яркий заголовок (12), использующий метафору, отображает идею книги, а также показывает нам отношение самого автора к проблеме безубойного питания (Афанасьева 2014, 74).

Кроме животных, в вегетарианских текстах очеловечивается также и природа. В народных представлениях природа или мать-земля, как и корова, представляется в образе кормилицы – источника жизни, здоровья и плодородия. (Мужики и бабы 2005, 344-345.) В вегетарианском дискурсе дары природы, такие, например, как травы, листья и плоды являются источником здоровья, жизненных сил и работоспособности.

(13) [...] Вот она сила лошади, быка, слона в этих растениях. ИХ сила: кто знает, быть может, и наша.

И вот я в кухне, и кипят в кастрюлях всевозможные травы и сено: придумываются заправки, приправы.

Как сытны эти супы, как питательны. Конечно, я у источника *жизненного эликсира*⁴, который создаёт нашу *кровь, мускулы и кости*. [...]

(Северова 1911, 2)

В приведенном отрывке (13) слышится призыв к естественной жизни, такой же, какой живут близкие к природе животные. Для усиления эмоциональности и для того, чтобы обратить внимание читателя на правильный образец поведения – на питающихся свежими травами животных, тут же насыщающихся живительной энергией, автор использует графический приём выделения с помощью больших букв, а также указательного местоимения *вот*, использующееся для выделения существительного

---

⁴ Выделения авторские

сила. Эмоциональный призыв создаётся также и за счёт повторов с местоимением *как*, они придают предложению восклицательную окраску, ощущение восторженности и нового открытия. Кроме того, автор делает акценты на словосочетании *жизненный эликсир* и *кровь, мускулы, кости*. Они относятся к глаголу *создаёт*. Автор, вероятно полагает, что нам следует обратить внимание на природу и её дары как на источник некой божественной силы, дарующей лекарство для нашей физической составляющей – плоти.

(14) Результаты лечения *силами природы* изумительны.

(Северова 1913а, 5)

Во втором высказывании Н. Б. Северовой (14) также подчёркивается живительная сила лечения при помощи природных трав и плодов. Природа наделяется в примере (14) чертами врачевателя, обладающими удивительными и необъяснимыми способностями, что подчёркивается прилагательным *изумительны*, выражающим в данном примере (14) сильный восторг и удивление (Ефремова 2006, 849).

В заключении этой главы стоит отметить, что приведенные примеры антропоморфической метафоры являются не простой попыткой наделения животных человеческими качествами, а стремятся к некоторому психологическому осмыслению поведения животных, пользуясь языком психологии, позаимствованном у человека. (Окутюрье 2010, 101.) Проводятся попытки дать описание глубинным чувствам животных, проанализировать различное состояние их души (Ремнёва М. Л. и др. 2009.) Использование антропоморфных метафор отображает гуманистическую сознательность самого человека и его отношения к другому человеку. Через отношение к животным происходит формирование гуманистического и экологического мировоззрения, которые проявляются время от времени по мере того, насколько человек отрывается от природы. (Эпштейн 1990, 87-89; Rosenholm 2005, 71.)

6.1.2.2 Зооморфная

Согласно Эпштейну зооморфизм – это «перенесение свойств животного на иные области действительности, представления людей, богов, растений в звероподобном облике» (Эпштейн 1990, 109). Изображения, связанные с жестоким, кровожадным и животным началом людей, в русской литературе стали появляться одновременно с распространением в России идей эволюции Дарвина, с их «борьбой за существование» и «выживает сильнейший», переходивших из области теории в область практического существования общества, которое также стало перенимать принципы западного капитализма и модернизации. Зооморфные метафоры человека-хищника, пожирающего свою добычу, стали использовать в своих произведениях многие русские писатели того времени, например, такие как Ф. М. Достоевский и А. Н. Островский. (Le Blanc 2007, 124-125.)

Для вегетарианцев дарвинистская теория борьбы носит хищнический характер, влекущий за собой убийство слабого, беззащитного противника, победу телесного над духовным. П. Гудзенко в своей статье «Несколько слов о вегетарианстве» так оперирует понятием *борьбы*:

(15) «Чтобы съесть живое животное, надо лишить его жизни, необходима *борьба*⁵. *Борьба* для поедания родила и воспитала мысль о власти сильного над слабейшем, и мускульная сила тела, торжествует над суммой всеобъемлющих впечатлений – жизненных идей и нравственностью.»

(Вегетарианский вестник № 5, май 1905, 208)

Кроме этого, зооморфные метафоры наделены, как правило, оценочной функцией. С помощью такой метафоры возможно выделение определенных черт объектов метафоры (особенности внешности, поведения, интеллектуальные и нравственные качества.) (Галай и Жучкова 2014, 51.) В проанализированных нами текстах зооморфная метафора применяется сторонниками вегетарианства тогда, когда они хотят показать всю животную, хищническую сущность тех, кто употребляет мясо. При описании людей, употребляющих мясную пищу, в текстах часто используется оценочная номинация «*трупоед*». Трупоед здесь ни что иное, как животное, питающееся падалью.

---

⁵ Выделение наше – В. К.

Н. Б. Северова использует в своих текстах оценочную зооморфную метафору для того, чтобы показать всю кровожадную, жестокую сущность человека, при заготовлении им для себя мясной пищи.

(16) [...] *Мягкие, поэтичные* итальянцы стали *неузнаваемы*. Они *горели, дрожали, рвались* к телегам (на которых лежали живые телята – прим. наше.) Многие *подскакивали*, чтобы *вывернуть* хвост теленку. *Хруст* поломанных хрящей вызывал *бурный восторг*.

- Несите кружки, - кричал кто-то. Будем сейчас *пить горячую кровь*. [...]

[...] У крайнего дома телеги и шествие остановилось. *Экстаз зверства* достиг апогея: телят начали стаскивать с телег. Со страшной руганью мясники кругом *отгоняли детей*, которые *с адским огнем в глазах*, со всех сторон *бросались* на телят, стараясь пинком или щипком причинить им боль.

(Северова 1911,11-12.)

Приведенный отрывок (16), взятый из текста о том, как князь Паоло Трубецкой стал вегетарианцем, хорошо показывает манипуляторную стратегию автора. Трансформация людей из мягких и поэтичных в кровожадных зверей должна, по замыслу автора, повлиять на читателя и заставить задуматься об истинной природе человека-мясоеда, его ценностях и обратить внимание на правильность собственного выбора пищи. Метафора строится с помощью эмоционально окрашенных глаголов, которые создают яркий образ «хищника». На наш взгляд, автором создается коннотация, отсылающая читателя к собакам или волкам. *Горели, дрожали, рвались, бросались* – глаголы, которыми можно описать собак на охоте. Мясники *отгоняли* также несет в себе отсылку к домашнему животному, мешающему своему хозяину на кухне. Люди, употребляющие мясо, дегуманизируются, превращаются в вампиров, пьющих свежую кровь кружками. Даже дети, которые должны служить символом чистоты, невинности и не иметь злых помыслов, превращаются здесь в маленьких кровожадных зверят, бьющих беззащитных телят. Мистический оттенок состоянию людей создаёт и существительное *экстаз*. В словаре Брокгауза и Ефрона понятие «экстаз» описывается как гипнотический процесс, появляющийся в результате поглощения сознания одним образом, вызывающим полный восторг и физиологический ступор, резче и полнее такое состояние проявляется при религиозном трансе (Энциклопедический словарь 1994, 876). Здесь же погружение в полный восторг, мистическим образом вызывается при помощи жестокости (*экстаз*

зверства), варварских поступков по отношению к животным, что ещё раз подчёркивает животную сущность человека.

В уже ранее упоминавшейся статье П. Гудзенко «Несколько слов о вегетарианстве» люди, употребляющие мясо представлены пожирателями-разрушителями, которые противопоставляются человеку творящему и созидающему:

(17) [...] Таких хищников человек-творец боится, как смертоносных *паразитов, микробов-разрушителей*. [...]

[...] *Пожирать* для разрушения можно только трупы и для этого существуют *массы низших безыдейных разрушителей-трупятников*.

(Вегетарианский вестник №5, 1905, 212)

В этом примере мясоеды представлены как простейшие, не обладающие разумом, а лишь следующие своим инстинктам, представители животного царства – бактерии и микробы. Они с жадностью едят мясо, не следуя никаким нравственным принципам. Для создания метафоры с негативной оценкой используется эмоционально-оценочная лексика – *смертоносные паразиты, пожирать, разрушители-трупятники*. Такая лексика служит для вызова у читателя чувства отвращения и желания отказаться от мясной пищи. Также благодаря таким сравнениям создается иллюзия превосходства вегетарианцев над мясоедами.

Во-вторых, с помощью зооморфной метафоры даётся характеристика самих вегетарианцев. Наиболее часто эта характеристика реализуется при помощи метафоры «травоядные». В словарях термин «травоядные» обозначает животных, питающихся растительной пищей, травой (Ефремова 2006, 544; Ожегов 2005, 789). Лексема травоядные также обладает коннотацией – мирные, добрые, не причиняющие вреда окружающим. С помощью этой метафоры в текстах вегетарианского дискурса подчеркиваются идеологические и психологические составляющие человека-вегетарианца: любовь к окружающей среде, дружелюбие, обретение внутренней гармонии посредством еды.

(18) Часто меня спрашивают устно и письменно, как это мы питаемся *сеном и травами*? *Жуем* ли мы их *дома, в стойле или на лугу* и сколько именно? Многие принимают это питание за шутку, потешаются над ним, а некоторым кажется даже обидным, как это можно людям предлагать корм, которым до сих пор питались только животные.

(Северова 1913б, 8)

В первом примере (18), взятом из текста Н. Б. Северовой, зоометафора актуализируется глаголом *жевать* и существительными *сеном, травами, дома, в стойле, на лугу*. Здесь глагол *жевать* явно указывает на природу жвачными домашними животными, которые жуют свою неторопливо жуют свою жвачку из сена и трав в хлеву, стойле или на лугу. На зоометафорическую природу приведенного высказывания особенно указывает существительное *стойло*, которое обозначает «отгороженное место для одного животного в хлеву, конюшне, на скотном дворе» (Ожегов 2005, 755), это слово несет в себе особую экспрессивность и должно вызвать у читателя ассоциации негативного характера, связывающие

(19) Для него (академика И. Р. Тарханова⁶) **вегетарианцы**⁷, по несчастному недоразумению остаются «**травоядными**». Да и несколько раз он говорил в течение лекции о травке, которую они рекомендуют человечеству для пищи, говорил даже о **жвачке**.

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3,17)

Для придания выражению (19) эмоциональности и привлечения внимания читателя на основные идеи текста, автор использует приём выделения некоторых слов, которые, по его мнению, являются ключевыми. С помощью этого приёма автор также помогает читателю ориентироваться в тексте и обращать внимание на желаемые автором слова, которые, как уже говорилось, несут в себе ключевую идею текста. В данном отрывке авторскими выделениями являются лексемы *вегетарианцы, травоядные, жвачке*. Вероятно, выделением автор хотел показать равнозначность этих терминов вегетарианец = травоядный = жвачный. Вегетарианец – это такое травоядное животное, производящее из своей пищи жвачку и её жующий. Метафора вегетарианца- травоядного здесь подкрепляется с помощью эмоционально наполненного существительного *жвачка*. Жвачка - «у жвачных парнокопытных животных: пережевывание возвращающейся из

---

⁶ Прим. наше В.К.

⁷ Выделения жирным шрифтом авторские

желудка пищи, а также сама эта пища». (Ожегов 2005, 186) Так как прямое значение этого термина не указывает на человеческую деятельность, то это даёт нам возможность указать на его использование здесь в переносном значении для предания высказыванию выразительности.

Стоит также обратить внимание на то, что отрывок (19) является косвенным цитированием высказывания академика Тарханова. Косвенное цитирование или недословный перенос цитат является приемом речевой манипуляции. Первоначальные могут быть изменены или искажены в пользу коммуникативных установок автора текста. (см. Копнина 2007, 92-93.) Здесь мы можем наблюдать авторское выделение жирным шрифтом, а также употребление усилительной частицы *даже* перед словом *жвачка*. Частицей *даже* автор текста хочет показать, что цитируемый отходит от привычного вегетарианского дискурса очень далеко, доходя даже до понятия жвачки, которое прямо указывает на животных.

(20) *Травоядные* Петербуржцы

(Петербургская газета № 44 1902, 2)

Пример (20) является заголовком статьи из «Петербургской газеты» за 1902 год. Функцией заголовка является привлечение внимания читателя, а также он несёт в себе основное содержание текста. (Vanhala-Aniszewski 2003, 251.) Мы выбрали пример (20) с заголовком, так как в нём употреблено слово *травоядные*, но не полностью раскрыто содержание статьи. Читателю остаётся непонятным, о каких травоядных ведётся речь? Согласно Ванхале-Анишевой, именно из-за стремления заголовков к развлекательности и образности, читателю трудно предсказать содержание статьи (там же, 254). Так как в тексте статьи говорится о петербургских последователях вегетарианства, то можно сделать вывод о том, что в заголовке представлена зоометафора, представляющая вегетарианцев как травоядных. Но на основе лишь одного заголовка читатель может предположить, что речь пойдет, вероятно, о травоядных животных, обитающих в Санкт-Петербурге, в его голове возникает образ именно животных, благодаря чему происходит языковое манипулирование.

6.1.2.3 Метафора рая

Метафора рая в проанализированных нами текстах часто показана через понятие сада. Такая метафора сада восходит к библейскому понятию Эдема. Метафора *рай как сад* типична для европейской культуры, литературы и искусства. В европейской традиции Эдем представлен как земной рай, он выражает начало человеческого пути, невинность и безгрешность человека. (Мифы 1992, 364.) С помощью этой метафоры делается попытка призвать человека к существованию в гармонии с природой (Лихачев 1998, 11). Как отмечают Е. В. Караваева и Л. Д. Волкова (2015, 201-202), так как русский человек почти на протяжении всей своей истории являлся землепашцем и жил близко к природе, то в понимании русской культуры Раем на земле является вся окружающая его природа, то есть помимо садов, в понятие рая входят также леса, поля, луга и различные водоёмы. В вегетарианских текстах сравнение этой диеты и образа мысли с раем происходит с помощью аллюзии на библейские тексты, повествующие о библейском саде-Эдеме и жизни в нём первых людей – Адама и Евы.

(21) [...] У каждого из нас в душе отблеск рая, тоска и жажда утраченного блаженства. [...]

[...] Адам и Ева живут без *слуг и рабов*⁸ не в *огромном имени*, не в обширных угодьях в *Саду*, где у них столько земли, сколько надо лично им для их блаженства. Если бы все обитаемые части нашего земного шара превратились в небольшие сады, то всем на свете было бы достаточно места и воздуха. Земельный вопрос был бы разрешен. [...] Исчезли бы сырость, тайги, болота, лихорадки и ревматизмы. Исчезло бы также всякое хозяйство, основанное на скотоводстве. Дружба с животными, их счастье явилось бы принципами жизни. [...]

(Северова 1913б, 4)

Здоровье также может пониматься как Рай на земле. Православная традиция понимает здоровье как божий дар, который человеку необходимо поддерживать и сохранять. Здоровье – это естественная предпосылка благополучной жизни, одна из форм самоутверждения и саморазвития личности. (Православная энциклопедия 2009, 33-34.) Здоровье – начальная ступень в постижении высшего наслаждения и блаженства. В религии оно неразрывно связано с райской жизнью. (Зубаирова 2003.) Так, например, Адам в Раю описывается как обладающий цельным совершенным здоровым телом и

---

⁸ В данном примере выделения авторские

чистой непорочностью духа (Православная энциклопедия 2009, 35). Здоровье – награда за праведную жизнь, «райское состояние жизни» (Зубаирова 2003). Болезнь, наоборот, это удел грешников, наказание за грехи (там же). Не смотря на греховную сущность болезни, она может служить условием, при котором человек может получить оправдание, покаяние. Болезнь человека может послужить причиной исправления и примирения его с высшими силами. (Православная энциклопедия 2009, 35.)

(22) [...] Труд людей был бы обращён на разведения фруктов, овощей, зелени и цветов. Лично, занимаясь без посторонней помощи, обработкой своего участка, они проводили бы время главным образом на воздухе, что является *первым условием здоровья*. В одеждах, доведённых до возможной лёгкости, они умели бы наслаждаться каждым лучом солнца, от которого мы теперь затягиваемся пыльными занавесами. В каждом саду были бы незамерзающие артезианские колодцы для питья и обмываний, что также существенно необходимо для здоровья. [...]

(Северова 1913б, 4-5)

В двух приведённых выше примерах (21) и (22) хорошо видна утопическая составляющая идеи вегетарианского движения. Утопизм выражается при помощи повторного использования сослагательного наклонения. Сослагательное наклонение выражает действие не происходящее в реальности, но желаемое, предполагаемое или возможное, выполняет функцию конструирования «возможных миров». Согласно законам логики, такие миры существуют лишь тогда, когда существует хоть один из ближайших миров, указанных в высказывании. (Бабушкин 2001, 17-19.) Для придания эмоциональности в примере (21) используется несколько раз глагол *исчезнуть*, что на наш взгляд, помогает лучше представить картину райского сада, рисующуюся в тексте. Смысловое ударение ставится автором и на притяжательное местоимение третьего лица *их*, относящегося к животным. Ударение ставится для того, чтобы обратить внимание читателя, что для достижения внутренней гармонии и блаженства необходимо относиться с любовью и к животным, заботиться об их благосостоянии. Также автором называются условия достижения состояния внутреннего блаженства – это, указанное в первом примере, довольство малым (*не в огромном имении*), а также самостоятельная работа на земле (*без посторонней помощи, занимаясь обработкой своего участка*). Выполняя эти условия человек достигнет своего рукотворного земного рая.

Утопическая идея, представленная в тексте примеров (21) и (22), перекликается с идеей «социализма без политики», главной задачей которого являлось организация городов-

садов, улучшение бытовых условий жизни населения и пропаганда гигиены (см. Дадоновъ 1913, 5; 9). В своей книге В. Дадонов приводит пример Великобритании, в которой в начале XX века близ Лондона был отстроен так называемый город-сад Лечворт (там же, 5), так что идея о возведении городов-садов не являлась на момент создания текста Н. Б. Северовой такой и уж утопической. Всё же мифологичности тексту добавляют описания выращивания различных фруктов, зелени и овощей, а также использование лёгкой одежды и незамерзающих источников, что не возможно в полной мере осуществить, живя в климате северных широт, поэтому рассказ о чудесных садах больше напоминает некую фантастическую сказку, наполненную метафорическим раем, способным погрузить читателя в идеальный мир, который может наступить при отказе человека от греховного образа жизни с поеданием мясной пищи и переключении его на пищу «райскую» плодово-фруктовую.

В метафоре рая также может быть скрыта и социальная составляющая. Рай не является привилегированным местом и не подчиняется никаким контролируемым институциональным внешним нормам, а открыт для всех, познавших праведное блаженство. (Орнатская 2003.) Поэтому люди всех социальных слоёв должны одинаково стремиться к достижению внутреннего блаженства или рая.

(23) [...] Многие думают, что бедные люди ближе к природе, чем богатые. Между тем бедняк, питающийся испорченной колбасой, и его дети с кривыми ногами, на сыром полу, *также далеки от условий Рая*, как и богач, поработавший окружающих своими деньгами, в перегретой комнате, в синих облаках драгоценной сигары. [...]

(Северова 1913б, 5)

В примере (23) мы можем наблюдать укор в сторону всего человечества в том, что оно не зависимо от социального положения всё ещё далеко от идеального мира блаженства. Автор использует здесь натуралистическое описание жизни разных слоёв общества для того, чтобы донести до всех возможных читателей максимально простыми эмоционально пропитанными образами (*испорченная колбаса, и его дети с кривыми ногами, на сыром полу*) развиваемую им в тексте идею о том, что лишь совместными усилиями возможно достижение счастливой жизни для всех. Фигурирующая в данном примере (23) колбаса, которая наделяется определением *испорченная* должна вызвать у читателя чувство брезгливости, и, вероятно, задуматься, почему человек не может употреблять «чистую» растительную пищу с собственного земельного участка, а

заменяет её «грязной» испорченной мясной пищей, которая заставляет его, по мнению вегетарианцев, участвовать в грехе убийства и отдаляет от блаженства.

(24) [...] Утраченный когда-то рай становится так близок и возможен...

(Северова 1913б, 5)

Этим предложением (24) Н. Б. Северова заканчивает свои рассуждения о возможности достижениярая. Утерянный рай в контексте вегетарианского дискурса можно понять, как уже ранее упомянутое неправильное ведение жизни или мясоедение, отсутствие хорошего воздуха, плохую гигиену и т. д. При соблюдении «правильной» или растительной диеты, а также соблюдении правил гигиены должны, по мнению автора, повлечь за собой избавление от греха убийства, а также исцелить тело от болезней, очистить от мясной «грязи». Это должно помочь достичь внутреннего райского блаженства.

6.1.3 Эпитет

Наряду с метафорами эмоционально-оценочную окраску тексту придают и эпитеты. Они переносят субъективную оценку предмета автором и служат инструментами в построении определённой оценки действительности (Дрога и Фуникова 2016, 283; Сурова 2016, 247).

В проанализированных нами текстах вегетарианского дискурса, несущих, как было ранее определено, признаки текстов агитационного-пропагандистского характера, эпитеты являются, согласно определению Филипповой (2012, 71), приёмом возвышения стиля.

Так, эпитеты с положительной коннотацией (примеры (25) – (31) используются Н. Б. Северовой при описании вегетарианства с точки зрения его сторонников, убежденных в благоприятном воздействии такого типа питания. Красочность, предаваемая эпитетами тексту, должна, по мнению автора, привлечь внимание на положительность явления. Для усиления эмоциональности, например, могут использоваться цепочки эпитетов:

(25) [...] почему бы не зачаровать людей возможностями *радостной, здоровой, беззаботной* жизни [...]

(Северова 1911, 1)

(26) [...] *здоровое, бодрое, радостное* чувство голода им неизвестно!

(Северова 1913б, 12)

(27) [...] *Девочки все свежие, сильные и здоровые.* [...]

(там же, 21)

(28) [...] Переходить на вегетарианство люди должны не для принудительной добродетели, а именно для *здоровой, беззаботной* жизни.

(там же)

(29) [...] Вот входит новая гостья, уже *не молодая*, но *чрезвычайно стройная*, со *свежим радостным* лицом [...]

(Северова 1911, 3)

(30) [...] чувствуя острый приступ зависти к её *гибким, свободным* движениям (там же)

[...] Здесь опять осуществление моей мечты – вегетарианство *торжествующее, творчески заманчивое.* [...]

(Северова 1913б, 26)

(31) [...] Наконец, снимается крышка со *старинной* миски и по комнате разливается какой-то *особенно приятный* аромат.

- Ну вот и суп из сена; позвольте, в *самую старинную* чашку вам налью. Эх, уж мало их осталось. [...]

(там же)

Также в текстах Н. Б. Северовой часто употребляются эпитеты *мягкий и тёплый*, которые могут относиться к явлению вегетарианства, а также к животным.

(32) [...] глядя на *мягкие, тёплые* губы Любы (имя лошади – прим. наше)

(Северова 1911, 2)

(33) [...] *Атласные мягкие* телята с *тёплыми розовыми* носами.

(там же, 9)

(34) [...] телёночек *мягкий и тёплый* [...]

(там же, 11)

В текстах также можно встретить относящиеся к животным эпитеты *бессловесный* и *беспомощный*.

(35) [...] *беспомощные, бессловесные* животные с *большими* глазами [...]

(Нечто о вегетарианстве вып. 3, 29)

(36) [...] Начинаешь с интересом смотреть на животных. *Бессловесные*, они не могут жаловаться на свои страдания.

(Северова 1913б, 13)

Эпитеты из примеров (37) – (40), несущие в себе негативные коннотации, используются в вегетарианских текстах как для описания явления с точки зрения его противников, так и вообще для отражения всех негативных сторон употребления мяса. Мы можем наблюдать, что для выражения негативной оценки эпитеты используются повторно, что придаёт текстам особую эмоциональность и даёт представление об отношении автора к предмету речи.

(37) Чуется что-то *холодное, невкусное, бездарное*.

(Северова 1911, 1)

(38) Удивительно, что и хозяйева, и повар, и прислуга были под гипнозом чего-то *скучного, голодного, холодного и несущественного*.

(Северова 1910, 157)

(39) [...]окружены предметами, *пропитанными предсмертными* страданиями. [...]

(Северова 1913, 35)

(40) [...]Глотаем мясо и нервы, *пропитанные предсмертным* потом *панического ужаса* [...]

(там же 39)

Повторное использование эпитетов (примеры (25) – (40)) даёт возможность для придания яркости описываемым в текстах явлениям, с помощью них активизируются картины из жизни животных или образы мясной пищи уже, как предполагают авторы, уже видимых читателем, а коннотации, которыми эти эпитеты наделены, дают оценку и вскрывают отношение авторов к описываемым им предметам.

6.1.4 Аргумент к авторитету

Стратегия аргументации, к которой очень часто прибегают участники вегетарианского дискурса – аргумент к авторитету. Согласно Ивину аргумент к авторитету есть «ссылка на мнение или действия лица, прекрасно зарекомендовавшего себя в данной области своими суждениями или поступками». Авторитетами выступают обычно конкретные лица, мнение которых особенно важно для групп и сообществ коллективистского характера. (Ивин 2013, 124-125.) Кроме конкретных лиц авторы научных текстов могут ссылаться на данные общественного мнения, результаты голосования, а также на народные мудрости, такие как пословицы и поговорки (Болдырева 2001, 232-233).

Аргумент к авторитету характерен, например, для научной литературы, а вегетарианский дискурс начала XX века, согласно Гордеевой (2004, 38) стремился именно к научности. Целиком научными эти тексты назвать нельзя. Они обладают признаками научно-популярного текста, например, эмоциональностью (уже ранее рассмотренные нами тропы), указанием на собственный опыт, повторами (рассмотрено ниже), прямой ориентированностью на читателя, наличием большого количества косвенных ссылок на авторитет (Чернявская 2005, 43-45).

С помощью ссылок на авторитеты, авторы текста хотят добиться весомости и значимости сказанного, закрепить своё место в дискурсе (Болдырева 2001, 232). Авторитет помогает подкрепить идеи, мнения и мысли, высказываемые в тексте, указать на то, что автор не одинок в своём мнении, а идеи, высказываемые им, уже, возможно высказывались ранее более уважаемыми людьми (Jokinen 2016b, 350). Для разных групп характерны свои авторитетные источники, так как, согласно Кашкину (2007, 15) именно группы создают и мифологизируют авторитет того или иного источника, а также поддерживают авторитет, используя его высказывания в своих текстах, самым поддерживая и укрепляя его. При помощи ссылок на авторитеты создаётся диалогичность, которая рождается при создании текстов научного типа.

В. Б. Кашкин (2007, 15) в своей статье выделяет два способа указания на авторитетность: косвенный и прямой. Прямое указание указывает на источник текста прямо, а косвенный способ указания на авторитетность цитирует текст источника без указания автора (там же).

В текстах вегетарианского дискурса встречаются эти оба способа. Авторитетами вегетарианцев выступают учёные, врачи и другие известные личности-вегетарианцы, например, античный философ Плутарх:

(41) Еще **Плутарх**⁹ утверждал, что: Мясоедение противно не только нашей физической природе, но и других отношениях вредно. Ум и мыслительная способность тупеют от пресыщения и тучности; мясная пища и вино, быть может придают плотность телу, но это только способствует ослаблению ума».

Тот же **Плутарх** повествует в другом месте: Я удивляюсь тому, кто допустил на своём столе искажённые формы мёртвых тел и потребовал для своего питания то, что ещё недавно представляли собой существа, одарённые движением, пониманием и голосом.

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 4 1904, 14-15)

По мнению самих вегетарианцев, ссылки именно на иностранные авторитеты благотворно влияют на агитацию и привлечение новых последователей в свои ряды:

(42) Мы, вегетарианцы, не сомневаемся в том, что нормальное питание, при соответствующем складе жизни, поражающе благотворно влияет, не только на физическую, но и на умственную и нравственную сторону жизни человека. Но, вербовать последователей на этом основании удаётся редко. Гораздо красноречивее, как мне кажется, действует, в этом направлении напр. доказательство – **роста вегетарианского движения за границей**, от куда мы так склонны всё перенимать и считать достойным подражания...

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 4 1904, 17)

В этом же 4-ом выпуске журнала «Нечто о вегетарианстве» (1904, 21-25; 28-33) приведен перечень из 21 прямой ссылки на разного рода авторитетную информацию, выбранную по большей части из тематических иностранных книг и журналов. Ссылки оформлены согласно правилам научного стиля.

(43) **D-r Graham** сообщает, что во время тяжкой холерной эпидемии в Нью-Йорке, не умер ни один вегетарианец, которых было много и только некоторые были слегка тронуты болезнью.

(там же, 25 по D-r Graham. Conférence sur la Chasteté pour les jeunes gens, 2-e édition Berlin 1869)

---

⁹ Здесь и далее выделения авторские

(44) **D-r Saffray** известный французский гигиенист находит, что мясо служит только возбуждающим средством, на подобие алкоголя, но, ничуть не укрепляющим, как стараются доказать софизмами – мясоеды.

(там же, 31 по D-r Bonnejoy. Le végétarisme et le régime végétarien rationnel.)

В число авторитетных источников входят также и различные интересные факты из жизни вегетарианцев:

(45) **Норвежские крестьяне**, не знающие мясной пищи, без утомления пробегают пространство в 3-4 лиэ (ок. 6-ти вёрст), везя тележку с багажом, не отставая от едущих рядом в экипажах путешественников.

(там же, 24 по Doctor Capell-Brook)

(46) **Горнорабочие Южной Америки**, при исключительно вегетарианском режиме, таскают из шахт на своих плечах глыбы минеральных руд весом в 100 кило (около 6 пудов), что проделывают они по 12 раз в день, подымаясь по отвесной лестнице, вышиной в 70 метров.

(там же, 24 по Sir Thomas Head, Doctor Lyon Playfair, Darwin)

(47) **Английские жокеи и боксёры**, употребляющие обильную мясную пищу в состоянии, в течение короткого времени, проявлять большую силу, но не в состоянии производить усиленный **продолжительный** труд.

(там же, 25)

Стоит обратить внимание на иноязычные вкрапления (43) и (44) – не транслитерированные имена собственные. Эти вкрапления из примеров (43) и (44) показывают, в первую очередь, адресата, которому, эти тексты адресованы. Это человек образованный, из интеллигентских кругов, владеющий иностранными языками и для которого иностранные авторитеты являются ориентирами, на которые ему следует ровняться. Также мы можем видеть (41), (42) - (47), что для акцентирования внимания читателя на авторитете, автором используются графические выделения.

Отметим также, что с помощью прямых ссылок на авторитеты текстам придаётся характерная для научного стиля диалогичность. В проанализированных нами текстах диалогичность всё же обладает экспрессивностью и оценочностью: с авторитетами ведется полемика, научный диспут о пользе вегетарианства. Последователи безубойной диеты пытаются скинуть старые авторитеты и создать свои собственные, отвечающие их

точке зрения. Такую полемику мы можем наблюдать, например, в первом выпуске журнала «Нечто о вегетарианстве», в котором на страницах 12-16 была опубликована рецензия на интервью, вышедшее в «Петербургской газете» (44, 1902) известного в то время физиолога профессора И. Р. Тарханова. Рецензия составлена по пунктам из выбранных фраз ответа физиолога о вегетарианстве. После каждого пункта автором «Нечто о вегетарианстве» дано опровержение.

(48) 2. О знакомстве академика Тарханова с вегетарианством свидетельствует фраза:

«Вегетарианцы требуют, чтобы люди питались исключительно растительной пищей, вполне будто бы гарантирующей их здоровье».

В обиход вегетарианцев входит всё то же, что и в смешанную пищу, за исключением мяса и рыбы (исключаются также наркотики, пряности, алкоголь).

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 1 1902, 12)

(49) 3. «Смешанная пища наиболее соответствует устройству зубов и пищеварительных органов человека» якобы говорит далее профессор Тарханов.

Однако величайший из сравнительных анатомов Кювье писал в начале XIX столетия, что человек по своим зубам принадлежит к фруктоядным животным, а кишечник его до последних деталей устроен для приёма и переваривания растительной пищи. С тех пор никто ещё серьёзно не оспаривал этого мнения...

(там же, 13)

В приведённом выше примере (49) один авторитет заменяется другим, более подходящим к точке зрения вегетарианцев. Так, внимание читателя привлекается к работам Кювье, с которыми в дальнейшем интересующиеся могут ознакомиться, и для которых французский доктор Кювье может послужить авторитетом.

Из статьи также видно (50), что авторитет академика для вегетарианцев пошатнулся, они не получили поддержки медицины:

(50) Содержание этой заметки почти всецело основано на беседе с академиком Тархановым. *Не хотелось верить*, что почтенный академик оставит высказанные г-м Г. взгляды без возражений, или, по крайней мере, без поправок и мы, члены С.-Петербургского Вегетарианского Общества, с нетерпением выжидали опровержения в следующих номерах газеты, но - тщетно...

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 1. 1902, 11)

(51) После сказанного заключительная фраза, приписываемая профессору Тарханову «о вегетаризме не отвечающем ни физиологическим требованиям человеческого организма, ни достижению высших культурных целей» представляет именно фразу ничем не обоснованную... *Положительно не верится*, чтобы она была сказана таким учёным академиком и просветителем юношества, как заслуженный профессор, князь Иван Романович Тархан-Моуравов.

(там же, 11)

Мы можем видеть, что в примерах (50) и (51) вегетарианцы разочарованы не оказанной им поддержкой, несмотря на то, что в своих текстах они стремятся дать научно обоснованную оценку своей системе питания. Ими подчёркивается значимость именно научных авторитетов:

(52) Основы вегетарианства не только нравственные, но и научные; поэтому успех нашего дела в значительной степени зависит от отношения к нему *научных авторитетов*.

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3 1903, 7)

Мы рассмотрели прямые ссылки на авторитет. Далее мы приведём пример, в котором присутствует косвенная ссылка на учёных:

(53) [...] -Всё это очень хорошо, - говорят *люди науки*, - да вот зубы.

- Зубы, какие зубы?

-Вот что значит необразованность, не знаете, что зубы у людей приспособлены именно для мяса? [...]

(Северова 1913б, 22)

Мы можем видеть (пример (53)), что автор точно не даёт имена учёных, которые стоят за упомянутым высказыванием, а лишь опирается на общеизвестные высказывания неких учёных, исследования которых, вероятно, могут быть знакомы широкой публике.

Косвенные ссылки могут состоять и из неопределенно-личных конструкций как в примере (54):

(54) Мясоедение не имеет ни малейшего оправдания ни с какой точки зрения; *доказано наукой и опытом. Доказано и проверено*, что человек, как тип высшей обезьяны, не всеядное, а плодоядное животное по внутреннему строению своему, зубам и кишечнику; что мясо, попадая в желудок человека, переваривается в нём с большим трудом, вызывая болезненное напряжение всех внутренних органов. *Доказано*, что мясо вводит в организм человека множество ядов, гораздо большее количество, чем отбросы от растительной пищи, заражая и портя этим кровь и производя многие болезни. *Доказано и проверено опытом*, что люди, живущие на растительной пище, «живут дольше мясоедов и что они здоровее и выносливее последних».

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3 1903, 27)

В данном примере (54) высказывания автора опираются на источники, которые не указываются прямо, а лишь косвенно. На косвенное использование авторитетных источников указывает и цитата, вынесенная в кавычки *«живут дольше мясоедов и что они здоровее и выносливее последних»*. Косвенное цитирование источников является характерной чертой научно-популярных текстов (Стилистический словарь 2003, 238-239). Для текстов такого стиля также характерна эмоциональная наполненность (там же), что мы можем видеть из употребления повторов, которые акцентируют внимание читателя на том, что эффективность вегетарианской диеты проверена опытным путём и научно доказана. По замыслу автора, аргументация с употреблением размытых источников должно хватить для убеждения читателя в научной основе вегетарианской диеты.

6.1.5 Использование численной информации

Наряду с аргументом к авторитету, использование численной информации является признаком стремления текста к научности, а также к стремлению автора всецело повысить авторитетность своего текста (Болдырева 2001, 233). Особенностью вегетарианских дискурсов является вкрапление в текст различных таблиц и графиков. стремление вегетарианцев к использованию графиков и таблиц в своих текстах можно объяснить характерным для начала XX века развитием науки, и в особенности бактериологии, что, вероятно, толкало создателей текстов к обоснованию своих идей в научном ключе.

Так, например, таблицами может быть показан химический состав растений:

(55) Химический анализ крапивы.

Воды.....	82,44
Белка.....	5,50
Жиры.....	0,67
Углеводов.....	7,13
Клетчатки.....	1,66
Экстрактивных веществ.....	0,30
Золы.....	2,20

(Северова 1913б, 67)

Таблица (55) расположена в статье Н. Б. Северовой «О пользе крапивы», где автор перечисляет свойства крапивы и даёт советы по её применению - крапива не только полезный продукт питания, но и хорошее косметическое средство. Вынося состав крапивы в таблицу, автор хочет убедить читателя в полезности этого растения, содержащего множество микроэлементов.

В форме таблицы также может быть представлен состав сена:

(56) Отвар сена:

По химическому исследованию он содержит:

Кали	2,27
Натра	9,93
Известь	23,63
Магнезия	2,54
Фосфорн. кисл.	6,96
Кремневая	51,42

Если сравнить этот анализ с составом молока, то окажется, что он особенно богат такими важными питательными солями как *Натр* и *Известь*.

(Северова 1913а, 8)

Приведённой выше таблицей (56) Северова открывает второе издание своей вегетарианской поваренной книги. Это сделано для того, чтобы убедить читателя в питательности растительной пищи, и как можно видеть из комментария, написанного под таблицей, в превосходстве растительной пищи по питательности над пищей животного происхождения.

Найденные нами остальные таблицы (57) – (58) взяты автором текстов из иностранных монографий по биологии и химии. В них указаны сравнительные данные по размеру зубов у травоядных и хищников, а также состава мочи человека при разном типе питания.

(57)

ПИТАНИЕ ЖИВОТНЫХ.	З у б ы.			Всего.	Отношение длины тѣла къ длинѣ пищевого канала.	
	Рѣзцы.	Клыки.	Коренные.			
Плотоядная	вверху .	6	2	10—12	36 до 42	1:3 до 6
	внизу .	6	2	10—14		
Травоядная	вверху .	6	2	14	6 (слонъ) до 42	1:10 до 27
	внизу .	6	2	12		
Плодоядная	вверху .	4	2	10—16	32 до 38	1:6 до 10
	внизу .	4	2	10—14		

*) Frédéric Cuvier, Des Dents des Mammifères.

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3 1903, 15)

(58)

Составъ суточной мочи.	Мясомъ въ граммахъ.	Хлѣбомъ въ граммахъ.	Отношеніе составныхъ частей.
Количество мочи . . .	1672 к. с.	1902 к. с.	
Содержаніе: Мочевины	67,2 гр.	20,6 гр.	3,3:1.
Мочевой кислоты .	1,398 »	0,253 »	5,5:1.
Креатина	2,163 »	0,961 »	2,2:1.
Всѣхъ органическихъ веществъ:	70, 761 »	21,814 »	3,2:1.
Кали	3,308 »	1,314 »	2,5:1.
Натра	3,991 »	3,923 »	1:1.
Извести	0,328 »	0,339 »	1:1.
Магnezіи	0,294 »	0,139 »	1:2.
Хлора	3,817 »	4,996 »	1:1,3.
Сѣрной кислоты .	4,674 »	1,265 »	4:1.
Фосфорной кислоты	3,437 »	1,658 »	2:1.
Всѣхъ неорганическихъ веществъ	19,849 »	13,634 »	1,4:1.
Вообще всего: . . .	90,610 »	35,448 »	2,5:1.

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3 1903, 19 по уч. Физиологической Химии Бунге)

Как мы можем видеть, таблицы (55) – (58) составлены согласно научным правилам, в них присутствуют, например, научные термины из области химии и биологии. Таблицы рассчитаны на понимающего предмет читателя, без фоновых знаний по биологии и химии термины, используемые в таблицах, было бы невозможно понять их содержания. Кроме того, таблицы (55) – (58) употребляются в тексте, повествующем о питательной ценности растительной пищи, о количестве находящихся в ней минеральных веществ, а также о физиологических данных некоторых животных. Таким образом, таблицы помогают восприятию указанных в тексте количественных данных. Использование специальных терминов, как уже было отмечено, придаёт тексту больший авторитет. Для верящих в науку представителей интеллигенции того времени аргументация с указанием терминов и точных научных данных имела большой вес. С помощью них можно им было возможно составить своё мнение как о предмете, так и о авторе текста.

Помимо таблиц, доказывание превосходства растительной пищи над животной происходит и за счёт количественной информации, перечисляющейся в тексте. Например, в поваренной книге Н. Б. Северовой приводится текст рецензии Г. С. Цыпкина на первое издание этой поваренной книги. В тексте Цыпкин доказывает питательное превосходство растений, используя количественную информацию:

(59) [...] Что касается содержания питательных веществ в зелёных частях растений, то в них заключается порядочное количество белковых частей, иногда заметное содержание жира и обильное количество углеводов (крахмала, сахаристых веществ). Так, например, зелёная капуста содержит 3,7% белка, почти $\frac{1}{2}$ % жира и 6,7% углеводов и сверх того сравнительно богата железом, марганцем и мышьяком (т.е. кроветворными средствами). Листья брюквы содержат 2% белка, $\frac{1}{4}$ жира и 4% углеводов (сама же брюква соответственно $1\frac{1}{2}$ - 5%). Листья картофеля содержат 9,4% белка, 2,4% жира и почти 41% углеводов, тогда как самый картофель на много беднее всеми составными частями (2,1%-0,1%-21%). Листья рябины содержат почти 5% белков, 3% жира и 37 $\frac{1}{2}$ % углеводов. Ботва земляной груши содержит 12,7% белков, свыше 2% жира и 48% углеводов, приближаясь по богатству всеми питательными элементами к наиболее ценным злакам, пшенице и овсу. [...]

(Цыпкин 1911, 26-27)

В отрывке (59) можно видеть, что в доказательство питательности растений приводится множество примеров с указанием микроэлементов. Числители подкрепляются прилагательными, выражающими большое число *порядочное*, *обильное*, существительными, выражающими высшую степень *сверх*, *свыше*, глагол с положительной коннотацией *богатый*, а также существительное *богатство*. Все эти лексические элементы используются для создания положительной картины растительного питания. Мясное питание описывается в другом ключе:

(60) [...] Между тем, чистый мясной бульон содержит 1 $\frac{1}{5}$ % белка, $\frac{1}{3}$ % жира, меньше $\frac{1}{2}$ % углеводов $\frac{1}{3}$ % золы и 1% хлористых солей. При таком ничтожном содержании питательных элементов ценность бульона весьма мизерна, и если он сохраняет своё возбуждающее значение (наряду с кофе, с крепким чаем и т.д.), то благодаря значительному содержанию солей и возбуждающих экстрактивных веществ (так называемых ксантиновых, или пуриновых, оснований – растворимых промежуточных продуктов белкового распада). [...]

(там же, 24)

Мясная пища преподносится (пример (60)) в отрицательном ключе за счёт наречий в сравнительной степени *меньше*. Прилагательных, обозначающих очень малое

количество: *ничтожный, мизерный*. Кроме того, в отрывке подчёркивается возбуждающий эффект от мясной пищи, что по мнению вегетарианцев плохо сказывается на организме.

6.1.6 Эффект ложного консенсуса

Гордеева (2004, 41) отмечает, что в вегетарианском дискурсе начала XX века наблюдается стремление со стороны авторов вегетарианских текстов к преувеличению числа своих сторонников. Согласно Филипповой (2012, 73 цит. по Кордуэлл, 2000), умышленное преувеличение также может являться приёмом языкового воздействия, служащего для приукрашивания и имеющего установку на привлечения в свои ряды новых членов. Такая тактика называется «эффектом ложного консенсуса» или «стремлением к переоценке распространённости какого-то мнения, склонностью рассматривать свои взгляды как типичные для окружающих (там же).»

Говоря о многочисленных сторонниках, последователи вегетарианства не называют конкретных цифр, а руководствуются размытыми данными. Такая тактика нередко порождает в воображении читателя ложное представление о многочисленности вегетарианского движения, о мощной поддержке этой идеи широкими кругами общества. При помощи этой риторической тактики последователи вегетарианства пытаются дать своей идее право на существование как таковой. (Jokinen 2016b, 359.)

(61) Развитие вегетарианства в Петербурге является результатом сознательного отношения к этому жизненному вопросу не *исключительных единиц*, а уже *многих* лиц, *даже* в составе *целых семейств*.

(Вегетарианский Вестник №3 1904, 47)

В отрывке (61) не указывается чёткое количество сторонников. Это является следствием попытки автора оказать воздействие на адресата, создать иллюзию большого количества сторонников. Автор не находит необходимым указание каких-либо точных статистических данных о сторонниках вегетарианства в Петербурге. Для придания эмоциональности автором используется противопоставление *не исключительных единиц, а уже многих*. При котором *исключительные единицы* не являются таким уж и плохим показателем числа сторонников, но всё же количество сторонников растёт и составляет большее число, чем несколько. Частица *даже* выполняет здесь функцию

присоединительного союза и усиливает количественное значение словосочетания *целых семей*, в котором лексема *целый* сама по себе уже имеет коннотацию «состоящий из множества людей».

(62) Число вегетарианцев растёт в России *непрерывно*.

(Зеленкова. Нечто о вегетарианстве. Вып. 4 1904, 47)

В примере (62) О. К. Зеленкова также не называет ни точных чисел численности участников вегетарианского движения, ни чисел прироста движения новыми сторонниками. Наречие *непрерывно* используется здесь в переносном значении «не имея перерывов, не прекращаясь» (Ефремова 2006, 294) и имеет функцию усиления процесса прироста численности сторонников, указывая на его постоянство. Это должно, по замыслу автора, показать, насколько интенсивно происходит процесс роста вегетарианского движения в России и убедить читателя примкнуть к рядам вегетарианцев.

Свой излишний оптимизм и некоторую переоценку распространённости своей идеи, вегетарианцы защищают, например, такими доводами:

(63) Вы не найдете сейчас ни одной системы воспитания, в которой не стояло бы на первом плане или, по крайней мере, не подразумевалось бы само собой приучение детей к сострадательному и любовному обращению с животными. Во всяком букваре, во всякой хрестоматии, во всякой книжке для чтения, которая предназначена к тому, чтобы попасть в руки ребёнка, вы найдете постоянные, настойчивые, неустанные вариации на тему:

- Не мучьте животных, любите животных, жалеите животных.

Совершенно в том же духе ведётся и теперь и семейное воспитание. [...] вы не найдёте ни одной семьи, как бы далеко ни отстояла она от вегетарианства, где бы не повторялось о животных то же самое, что всегда повторяет школа: где бы не подчеркивалось, что животному «так же больно», что животное «так же понимает» - словом, что животное так же близко к человеку по своей психологии, как и сам человек. [...]

[...] В самом деле, ведь вся та часть человечества, которая хоть сколько-нибудь приобщена к культуре, в большей или меньшей степени начинает понимать родственность своей психологии с психологией других, ниже стоящих форм жизни. [...]

(Полтавский, С. Вегетарианское обозрение 1913, № 4-5, 167-168.)

Автор пытается доказать, что число сторонников вегетарианской диеты уже длительное время растёт за счёт повсеместно проводимого правильного воспитания молодого поколения, хотя и не приводит точных источников информации или каких-либо учебников и хрестоматий. Как уже было отмечено, такая аргументация рисует слишком оптимистичную картину сторонников вегетарианства. Она могла бы сработать, подкрепи автор свою аргументацию фактическими данными.

6.1.7 Собственный опыт

Аргументация к опыту, применяется для интимизации речевого акта. Ритор становится ближе к своему читателю. Йокинен называет аргументацию к личному опыту «убеждение нарративом» (Jokinen 2016b, 336). Используя личностный нарратив автор как бы открывает читателю сокровенные стороны своей жизни. Он имеет интенцию к созданию доверительных отношений. Личный опыт способен «цеплять» читателя больше, так как автору хочется доверять. (Копнина 2007, 92.)

Нарративы, описывающие собственный опыт вегетарианской диеты, встречаются в вегетарианских текстах часто. Большинство их них по своему содержанию повторяют друг друга и имеют следующую структуру: страдание от болезней – переход на вегетарианский режим питания - частичное или полное выздоровление от недугов.

(64) [...] Я не буду касаться здесь подробностей, скажу только вскользь, что муж мой, прорадава годами тяжкой нейрастении, хроническим катаром желудка (устар. гастрит)¹⁰, зева и гортани, часто повторявшимися головными болями и острыми воспалениями зева – из отпетой эскулапами развалины превратился в здорового, жизнерадостного и работоспособного человека. Сын мой, годами мучавшийся экземой, две дочери, подвергавшиеся всякими ангинами и фо-крупам, со времени перехода на вегетарианский режим здоровы и веселы. Я же, прорадава сильнейшими острыми приступами ревматизма и подагры (отчасти унаследованной, отчасти благоприобретённой), из калеки превратилась в совершенно здоровую женщину. [...]

(Зеленкова. Нечто о вегетарианстве 1902, 5-6)

---

¹⁰ Прим. наше – В. К.

(65) [...] Бросив употребление в пищу мяса, не для цели поправления своего здоровья, а потому, что послушался голоса чистой этики я, одновременно, поправил и своё здоровье, совершенно для себя неожиданно. При употреблении в пищу мяса, я часто страдал мигренью; имея в виду рационально бороться с ней, я вёл нечто в роде журнала, куда записывал дни её появления и силу боли отмечал цифрами, по пятибалльной системе. Теперь же я мигренью не страдаю.

Во время употребления мяса я был вял, после обеда чувствовал потребность полежать. Теперь же я, до и после обеда одинаков, тяжести от обеда никакой не чувствую, привычку полежать тоже оставил. До вегетарианства я сильно болел горлом, врачи определили неизлечимый катар. С переменой питания горло моё совершенно здоровело и теперь совершенно здорово. [...]

(Священник. Нечто о вегетарианстве. Вып. 4 1904, 11-12)

(66) [...] К стыду, моему, должна признаться, что пришла к идее вегетарианства не моральным путём, а именно через физические страдания. К сорокам годам я уже была полукалека. Ноги распухшие, как колодки, на темя что-то жмёт, тоска, сердечные припадки, отрыжка часами, спины не разогнуть, всё, всё болит... Весом за пять пудов перевалила, и повернуться, на лестницу не взойти. Не жизнь, а страдание! [...]

(Северова 1913, 9)

Так Наталья Борисовна Северова описывает эффект от вегетарианской диеты:

(67) [...] Но удивительно, вместо слабости и упадка сил, он начинает чувствовать какую-то особенную радость души и бодрость тела. исследование почек в самом непродолжительном времени указывает на улучшение состояния всего организма. Но самым поражающим является чувство спокойствия и сытости в желудке. [...]

(там же, 11)

Как мы можем видеть из примеров (64) - (67), тексты, описывающие собственный диетический опыт вегетарианцев, похожи по своему содержанию. Интимизация или сближение авторов с читателем происходит за счёт употребления личных местоимений, в особенности 1 лица ед. числа. Вегетарианская диета чудесным образом избавляет практически сразу от целого букета болезней. Плохое физическое состояние до перехода на вегетарианскую диету описывается лексическими единицами, указывающими на интенсивность и остроту болей: прилагательными *частый, тяжкий, острый, хронический, сильнейший*. Существительными, имеющими коннотацию «инвалид»: *развалина, калека, полукалека*. В текстах (64) – (66) повторно встречаются производные

от существительного *страдание*. Болезненное состояние описывается следующими глаголами: *страдать, мучаться, болеть, подвергаться*. Внимание читателя обращается и на продолжительность болезней: *страдать годами, часто повторяться, часто страдать, отрыжка часами*.

После перехода на вегетарианскую диету физическое состояние меняется в лучшую сторону. Изменение состояние описывается такими лексическими единицами как: *здоровый, жизнерадостный, весёлый, радость, бодрость, спокойствие, сытость*. Переход сопровождается глаголами: *превратиться, поправить*. Вегетарианство влияет на выздоровление организма *неожиданно* и через *непродолжительное* время.

Но даже если первоначальной целью не является здоровье, а лишь этические соображения, то всё равно вегетарианство способно параллельно с улучшением душевного здоровья улучшить и здоровье физическое. Так как тексты из примеров (64) - (67) составлены на личностном нарративе, то авторам хочется верить. Тексты побуждают читателя к переходу на растительную пищу.

В примере (68) Н. Б. Северова описывает встречу на большом литературном вечере со своей старой знакомой, немолодой генеральшей, которая заметно похудела после лета, чем произвела на писательницу большое впечатление. Невозможно установить, происходили ли описанные события по-настоящему или являются плодом авторского воображения, но нам очевидно одно – в речи персонажа отражаются мысли о вегетарианстве самой Северовой. Текст составлен в форме диалога, вероятно, по той причине, что Северовой как вегетарианке задавалось множество вопросов о её диете, поэтому она решила ответить на самые часто задаваемые вопросы в форме рассказа. Далее мы приведём отрывки из текста, в котором поднимаются темы общего здоровья, веса, доступности и экономичности вегетарианской диеты. Вероятно, свой собственный опыт вегетарианства Северова отразила в персонаже генеральши. Форма диалога, коммуникативная ситуация общения двух знакомых, а также формы первого лица делают интимизируют повествование и сближают автора с читателем:

(68) [...] Она протягивает мне тонкую руку прежде пухлую, как подушка и смеётся как-то заразительно.

- Знаете, как только я похудела, сейчас же стала заглядывать в модные журналы. Ужасно захотелось сделаться современной дудочкой.

С этими ожирениями и отдышками я столько лет была этого лишена.

- Хорошо, что же вы сделали, чтобы сбросить всё это?

- Что я сделала? Очень просто. Я питаюсь сеном.

- Сеном? Вы не на Удельной провели лето?

- Нет, не на Удельной, но очень недалеко оттуда, в Финляндии. [...]

[...] – Сено, сено, - сказал кто-то ворчливо.

- Вы вероятно хотите сказать «вегетарианство»?

- Да конечно и вегетарианство.

- Вегетарианство!

- Хорошо об этом говорить на юге, а не у нас, где ничего нельзя достать.

- Ничего нельзя достать? А знаете ли, что у нас выбор гораздо больше чем в Италии?

Тут уж я и все окружающие посмотрели на неё с большим сомнением, покачивая головами.

Там всё по сезону. Созреет какой-нибудь овощ или фрукт, и ими завалены рынки и лавки. Отошли и нет их уже нигде. Зимой почти ничего нет. Об наших фруктовых и зеленных там не имеют никакого понятия.

- Ну, фруктовые ещё куда ни шло, а про наши зеленные что и говорить, дальше сельдерешки и порюшки никуда не уйдёшь.

– А всё-таки подумаем, что в них ещё есть, задумавшись сказала поборница сена. – Петрушка, сельдерешка, лук, земляная груша, репа, морковь, брюква, огурцы свежие, солёные, маринованные, капуста [...]

[...] – Травы, травы это всё хорошо, но всё же вы должны согласиться, что вегетарианствовать очень дорого?

Она опять задумалась на минуту. – Возьмём такой вопрос: от каких расходов освобождается вегетарианец? чего ему *не нужно*?

1. яиц

- Как и яиц не надо? Ни в чём, нигде?

- Нет, ни в чём, нигде.

- Ну, вы знаете, так не будешь знать, как и готовить!

2. Мяса для супа.

3. Всех жарких: дичи, телятины, кур, баранины, индеек, цыплят, гусей и т.д.

4. Рыб всех сортов и пород.
5. Раков.
6. Икры.
7. Множество разных закусок. [...]

(Северова 1911, 3-6)

Для описания опыта, полученного от вегетарианской диеты (пример (68), Н. Б. Северова использует приём заимословия - выражения мыслей автора, оратора посредством включения их в воображаемую чужую речь (автор как бы отдаёт возможность другому говорить то, что хочет сказать сам.) Этот приём создаёт иллюзию, что какую-то мысль высказывает не автор, а привлечённый им в свидетели персонаж. Использование такого приёма придаёт речи свежесть и оживление. (Филиппова 2012, 66.)

6.1.8 Повторы

Повтор или тавтология также могут использоваться в публицистическом тексте для лучшего убеждения читателя в правильности выдвигаемых мыслей и идей (Jokinen 2016b, 366). Согласно Е. А. Давыдовой (2009, 118), функцией повторов в публицистическом тексте являются демонстрация эмоциональные интенции авторов, а также убеждение читателя при помощи не сколько рациональной аргументации, сколько именно эмоциональной составляющей. В вегетарианских текстах повтор использован, чаще всего, не в одном предложении или абзаце, а на некотором расстоянии друг от друга. Прежде всего проанализированные нами тексты повторы тематические, то есть в них всё время повторяются одни и те же мысли и идеи. Лексический набор, которым эти идеи выражены остаётся приблизительно одинаковым у разных авторов.

Мы полагаем, что повтор используется авторами-вегетарианцами, прежде всего, для донесения своих главных идей, а также за отсутствием достаточного количества аргументов в пользу вегетарианского питания, что, в свою очередь, вызвано недостатком в то время вегетарианской литературы на русском языке и недостаточной разработанностью русской вегетарианской идеи в целом, что склоняло вегетарианцев-авторов к использованию в своих текстах одних и тех же выражений, мыслей и идей.

Так, например, с помощью повторов (69)-(71), внимание читателя акцентируется на том факте, что мясо – продукт скоропортящийся, в нём довольно быстро начинается процесс разложения, оно наполнено различными болезнетворными бактериями, и, кроме того, является плохо усвояемым продуктом.

(69) [...] отравляются телами убитых животных (*заводя в своих желудках кладбища¹¹*) [...]

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3, 1903, 40)

(70) [...] когда сам непрерывно, ничуть над тем не задумываясь, кормиться трупами животных, более или менее видоизменённым кулинарным искусством и, так сказать, *устраивает кладбище в своём желудке*. [...]

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 4, 1904, 15)

(71) Моментально, вместе с прекращением жизни животного, начинается в его *трупе процесс разложения, хотя зловонные газы ещё не тотчас развиваются*.

(там же 1904, 26)

В тексте (примеры (72) – (74)) также повторяется слово в слово основная цель вегетарианского общества, вероятно, для того, чтобы читатель понял для чего функционирует данное общество и сумел сделать правильные выводы:

(72) [...] Оно (вегетарианство) имеет в основе не только многозначительное, возвышенное этическое начало, но также и *идею воздержания от всего вредного, как алкоголь, наркотики, куренье табаку, мясо и т. п.* [...]

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 1. 1902, 5)

В этом же выпуске журнала на страницах 11 и 12 мы можем прочесть:

(73) [...] § 7-ой устава: Действительными членами могут быть лица, *исключающие из своего питания всякого рода мясную пищу, дичь, рыбу и воздерживающиеся от спиртных напитков и курения табаку*.

(там же, 11)

---

¹¹ Здесь и далее выделения курсивом наши – В. К.

(74) [...] В обиход вегетарианцев входит всё то же, что что входит и в смешанную пищу, за исключением мяса и рыбы (исключаются также наркотики, пряности, алкоголь) [...]

(там же, 12)

Фразу, содержащую одну из основных целей вегетарианского образа жизни, повторяющуюся по своему лексическому и семантическому содержанию с предыдущими примерами (72) – (74) мы можем встретить и в более поздних выпусках журнала «Нечто о вегетарианстве»:

(75) [...] Указав на истинное значение вегетарианства, как полного воздержания от всего вредного в жизненном обиходе – как-то: от дурного воздуха, спиртных напитков, табака и убойной пищи. [...]

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3. 1903, 3)

(76) [...] При этом не следует забывать, что этот постепенный подрыв производится за счёт самых сильных врагов человечества: **Мясной¹² пищи и алкоголя...**

Против этих врагов, разрушающих здоровье, разум и нравственность людей, ведёт борьбу вегетарианство [...]

(там же, 25)

В примере (76) используется параллельная конструкция с существительным *враги*. С помощью такой конструкции автор подчёркивает значимые для него понятия (Ильичева 2013, 182). В данном случае (пример (76)) акцент делается, также и при помощи графических выделений, на главных продуктах, потребление которых вегетарианцы стремятся ограничивать в своей диете – мясо и алкоголь. С помощью акцентирования внимания на существительном *враги* автору удаётся донести до читателя основную цель вегетарианцев – отказ от вредных продуктов. Размытая метафорическая конструкция «борьба с врагом» (76) также помогает создать яркий образ того, к чему стремятся вегетарианцы. Выбор лексической единицы *борьба* в примере (76) говорит о том, что распространение и осуществление идеи вегетарианской диеты – дело тяжёлое и требующее максимальных сил.

---

¹² Выделения жирным шрифтом авторские

(77) [...] Большой наградой и радостью для нас уже служит то, что мы собрались здесь многие едино мыслящие люди, *не едящие мяса, не пьющие вина и не курящие табаку* [...]

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3. 1903, 41)

В данном примере (77) хотя и цитируется речь, обращённая к сторонникам вегетарианства, но всё же мы можем видеть, что акцент также делается на отказе от алкоголя, мяса и табака почти что идентичной с представленными ранее синтаксической конструкцией.

В вегетарианских текстах встречается также и анафора. По определению Филипповой (2012, 62) «анафора-повторение слова в начале нескольких предложений или частей предложения, вызывает положительную эстетическую оценку, облегчает усвоение мыслей.»

(78) И в самом деле, ну как жить вегетарианцу? Один врач говорит одно, другой иное, одна система противоречит другой, *кто* кричит, что без стольких-то грамм белка можно нажать себе острое малокровие, анемию мозга, *кто* годы кладёт, чтобы высчитать правильную табличку необходимых нам единиц тепла, *кто* советует яйца и молоко, *кто* с отвращением отворачивается от них. [...] *Кто* доказывает, что мы созданы зерноядными, *кто* кричит – нет, неправда. [...]

(Северова 1913б, 3)

В примере (78) эмоциональность объекту текста придаётся повторяющимся вопросительным местоимением *кто*. Местоимение *кто* также используется здесь для построения риторического вопроса, усиливающего эмоциональность речи.

6.1.9 Использование лозунгов

Одной из черт присутствия агитации является наличие в текстах вегетарианского дискурса различных лозунгов, а также близких им по жанру призывов (Вальтер 2016, 35). Призывы можно отличить от всех остальных жанров такого типа по его интонационной и семантической составляющей (там же). Характерной чертой лозунгов является то, что они могут состоять из фразеологизмов и различных крылатых фраз (см. Шулежкова 2016). Согласно С. Г. Шулежковой (2016, 43) по своей стилистико-функциональной цели лозунги можно подразделить на следующие подгруппы: лозунги-

констатации, лозунги-характеристики, лозунги-кредо личности, девизы социальных групп, лозунги-императивы. Харри Вальтер (2016, 34-35) выделяет пять основных содержательных характеристик, которыми обладают лозунги: тематическая однофокусность или рассмотрение в лозунге только одной определённой темы, эксплицитность, актуальность содержания, определённая идеологическая направленность, а также эмоциональность. Г. А. Копнина (2007, 84-85) относит лозунги к политическим «аффективам» или эмоционально заряженным выражениям с пустым содержанием.

В проанализированных нами текстах можно выделить, например, лозунги-девизы, в которых использованы заимствованные крылатые фразы:

(79) [...] что его (вегетарианства) **девизом**¹³ необходимо считать древнее правило «**здоровый дух только в здоровом теле!**» [...]

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3 1903, 9)

(80) Человек есть, что он ест!

(«Der Mensch ist, was er isst!»)

(Зеленкова 1903, 3)

Использование крылатых выражений в тексте (примеры (79) и (80)) помогает кратко выразить ту или иную идею той картины мира, которую разделяет автор текста и которую хочет навязать читателю. Они побуждают адресата на восприятие имплицитной идеи, изначально в них заложенной. (Шулежкова 2016, 44.) Первое приведённое крылатое выражение (79) было заимствовано из латинского языка и несёт в себе идею о том, что в здоровом теле не всегда существует здоровый дух. Человеку стоит стремиться к гармонии этих двух составляющих, что помогло бы его гармоничному развитию. (Энциклопедический словарь крылатых слов... 2003). Этой фразой (79) автор вегетарианского текста призывает читателя не только отказаться от мяса и других вредных продуктов, но и задуматься о нравственной стороне вопроса, начать жить в гармонии в окружающем миром. Заметим, что пример (79) не просто лозунг, а предложение к созданию постоянно маркированного лозунга-девиза для российского

---

¹³ Выделения жирным шрифтом авторские

вегетарианского движения, под которым они могли бы сплотиться и по которому их можно было бы идентифицировать в широких кругах населения.

Второй лозунг (80) был заимствован из немецкого языка. Характерно, что в тексте поваренной книги О. В. Зеленковой он приведён с первоисточником. Это помогает нам определить аудиторию, которой этот лозунг был направлен – это образованные люди, знающие по крайней мере немецкий язык и для которых, вероятно, как уже ранее отмечалось, европейские ценности играли большую роль в формировании своего мировоззрения. Источником этой крылатой фразы является рецензия немецкого философа Людвиг Андреаса Фейербаха на книгу своего соотечественника философа и физиолога Якоба Моле-Шотта «Популярное учение о питательных продуктах» (1850) (там же). И призывает к правильному, здесь с точки зрения вегетарианцев, образу питания.

Отметим, что в текстах (81)-(82) встречаются также и побудительные призывы к объединению сил, к борьбе за свою идею:

(81) *Будем высоко держать наше знамя. Правда, нельзя забывать, что мы будем вести борьбу с господствующим обычаем и со «второй натурой» - человека – с привычкой. Но мы будем утешать себя сознанием благодати нашей нравственной силы. [...]*

[...] Вооружимся терпением, не будем прокладывать свой путь насилием, а добром и хорошим примером. [...]

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 1 1902, 10)

(82) *Бросим сначала мясо, будем питаться зёрнами, овощами и фруктами, - кашами, хлебом, репой, морковью, капустой, яблоками, грушами и так далее, - будем питаться всем этим, сначала в варёном, жареном и тушёном виде, то есть испорченном огнём виде, - чтобы перейти потом к питанию сырыми плодами, то есть естественной пище человека.*

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3 1902, 31)

Как мы можем видеть из примеров, призывы актуализируются за счёт дополнительного значения повелительности глагола *быть* совместного лица в изъянительном наклонении (Бондарко 1990, 190). Исполнителями действия в таких предложениях являются именно адресаты. Автор как бы отстраняется от действия, побуждая других на то или иное деяние. (Бондарко 1990, 191.) В данном примере автор призывает вегетарианцев на борьбу с мясоедством и предрассудками, а также мы можем видеть призыв к самой строгой форме вегетарианского питания – сыроедению.

6.2 Создание своего круга

Согласно Иссерс (2008, 202) коммуникативная стратегия создания своего круга, выявления дихотомии «свой-чужой» является эффективным способом саморепрезентации. Пользуясь такой стратегией автор может, в зависимости от цели своей коммуникации, каждый раз очерчивать свой круг по-разному (там же). Йокинен называет эту стратегию «оправдание социальными категориями» (puhujakategorioilla oikeuttaminen) (Jokinen 2016b, 346). В зависимости от категории, к которой говорящий себя относит, происходит попытка сближения и привлечение на свою сторону тех категорий граждан, к которым автор на данный момент коммуникативного акта сам себя относит. С помощью этого возможно определить отношение между ритором и реципиентами. (там же 347.) Разделение на «свой-чужой» помогает упростить идею, донести её до адресата простыми средствами, такими как, например, перекладывание вины на «чужих» (Чернявская 2006, 52). Одним из самых заметных приёмов, служащих для создания «своего круга», является употребление местоимения 1 лица множественного числа «мы» (там же, 48). В текстах вегетарианского дискурса мы также натолкнулись на сильно выраженное стремление к созданию вегетарианцами своего круга, стремлению к привлечению новых членов в свои ряды при помощи уже выделенных в предыдущем разделе коммуникативных стратегий и тактик. Создание своего круга в этих текстах происходит чаще всего за счёт выставления всех скептически настроенных оппонентов и других находящихся «по ту сторону баррикад» в негативном свете.

6.2.1 Мы – они. Оправдание категориями

В этом разделе мы рассмотрим, с позиций каких категорий вегетарианцы и декларируют свои идеи. Категории помогают здесь созданию вегетарианского круга, отграничивая всех противников и скептиков. Мы выделили три большие категории, к которым чаще всего вегетарианцы относят сами себя: мы-вегетарианцы, мы-европейцы, мы-интеллигенты. Все три понятия не являются, по теории Йокинен (2016, 347), чётко очерченными, а меняются от одного коммуникационного акта к другому.

Мы-вегетарианцы

Категория мы-вегетарианцы представлена в текстах вегетарианского дискурса чаще остальных:

(83) [...] *Наши* отцы и матери, *наши* жёны и мужья сплошь да рядом прямо восстают против наших взглядов, не желая или не будучи в состоянии понять исповедуемой *нами* истины. Они кормят наших детей мясом. Они губят их с самого нежного возраста, они сами губят себя и, по-видимому, нет возможности разубедить их в их заблуждении. *Мы, вегетарианцы*, ясно, как дважды два четыре, со всех возможных точек зрения, доказываем *им*, что мясо – яд, что оно, не пища человека, *они* не слушают и повторяют только старый засевавший в их мозгу предрассудок, что мясо необходимо *нам*, особенно детям, как растущим, неокрепшим организмам. *Мы* приводим им в пример 80/100 человечества, не питающихся мясом, сильных здоровых людей, - *мы* приводим им в пример растительно – и плотоядных животных – самых выносливых и могучих в животном царстве, *мы* приводим *им* доводы науки, физиологии, анатомии и сравнительной анатомии, химии и гигиены, *мы* приводим *им* наконец примеры и образчики опыта – ничего не помогает. *Убедённые мясоеды* продолжают отравляться мясом и отравлять котлетами и бульоном *своих* детей, навсегда портя им желудки и кровь с первых лет жизни. [...]

[...] А горе *наше*, то есть горе в том, что близкие и дорогие *нам* люди не понимают *нас*, *нам* надо спокойно и мудро терпеть и надеяться, что *мы* получим за это награду. [...]

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3 1903, 40-41)

В примере (83) чётко прослеживается отграничение вегетарианского круга от мясоедов. в тексте примера (83) автор выступает от имени вегетарианцев, пытающихся донести до своего окружения идею вегетарианского питания. Можно также отметить, что автор говорит не только как вегетарианец, но и как семейный человек. Мы можем предположить, что целью этого коммуникативного акта является попытка сближения с другими семейными вегетарианцами. Так как проблема, описанная автором текста (83), может быть близка и понятна многим вегетарианцам, то этот текст несёт в себе призыв на смыкание рядов, более тесное сотрудничество. Отрывок (83) также эмоционально нагружен: об этом свидетельствует, например, выбор лексики *восстают против наших взглядов, они губят их, продолжают отравлять*. Эмоциональность создаётся и при помощи повторов, используемых при перечислении аргументов, с которыми вегетарианцы выступают в защиту своей диеты. Повтор образован при помощи словосочетания с местоимением «мы» + глагол «приводить». Отметим, что «враги» отнесены здесь как к категории «близкие родственники», так и к общей категории общей

«мясоеды». Это можно видеть из предложения: «Убежденные мясоеды продолжают отравляться мясом и отравлять котлетами и бульоном *своих* детей.» Притяжательное местоимение *своих* указывает уже не на близких родственников говорящего, а каких-то других людей.

Мы-европейцы

Ещё одна категория, в которую вегетарианцы включают себя в своих тестах, является категория мы-европейцы, отражённая в примерах (84) и (85):

(84) Но перейдём к ужину *современного европейца*. Опять мясо или рыба, опять мягкий хлеб, опять чай, опять всё это в горячем виде, опять вино и, наконец, бессонная ночь. Каких же результатов для здоровья можно ожидать при таком безумном способе питания современного, так называемого, «образованного» человечества?

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 3 1904, 33)

(85) [...] Ни в чём другом как в крупной погрешности против диеттики следует искать напр. причину болезни печени, которые неминуемо овладевают европейцами, перенёсшими с собой в Индию культ «ростбифов», «румстеков», «бифстексов»... Надеюсь укрепить ими свои силы, они, наоборот, разрушают мясной пищей своё здоровье.

И у нас в Европе замечается тоже самое, хотя, с некоторым разнообразием: не только страдают печень, но процветают: подагра, ревматизм, диспепсия (расстройство пищеварения) невралгия, нейрастения, желудочные каттары и пр. [...]

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 4 1904, 22-23)

Категория «мы-европейцы» довольно интересна, так как указывает на сильное влияние европейской вегетарианской культуры и литературы на российских вегетарианцев, а также на европейскую, а не какую-то другую, идентичность российских вегетарианцев. В примерах (84) и (85) категория «мы-европейцы» имеет коннотации «мы-цивилизованные люди» и «мы-избалованные». Коннотация «мы-цивилизованные» (84) должна оправдывать отказ, по мнению вегетарианцев, от вредных продуктов. Цивилизованные люди должны быть здоровыми, осознавать гуманистические принципы и относиться к окружающему миру с симпатией. Категория «мы-европейцы» должна

помочь сблизить всех тех, кто относит себя к цивилизованному миру. Вегетарианство в этом ключе является диетой прогрессивных.

Мы-интеллигенты

Подчёркивание цивилизованности и образованности своего круга происходит и за счёт категории «мы-интеллигенты».

(86) Между тем, мы постоянно наблюдаем болезни, преждевременную смерть и почти карикатурную беспомощность, особенно резко выраженную в т. наз. «*интеллигентской*» среде. [...]

[...] Следовательно, с одной стороны, пища должна содержать в себе все составные части нашего тела, с другой же не должна содержать ничего ядовитого, т. е. вредного ему, между тем как питание большинства «*интеллигентов*» с точки зрения диететики, содержит столько этих «ядов» и весь их обиход так пропитан вредными привычками, что образ жизни их в своей совокупности можно бы назвать систематическим самоубийством.

(Зеленкова. Нечто о вегетарианстве. 1903, 2-3)

В примере (86) автор не говорит прямо от лица вегетарианцев, а прячется за формой авторской скромности, выражающейся местоимением 1-ого лица множественного числа «мы». Всё же мы можем сделать вывод о том, что автору близок образ жизни интеллигенции, что видно из, например, из осведомлённости о пищевых привычках интеллигентов. О. К. Зеленкова, как уже ранее отмечалось, была врачом и поэтому мы можем утверждать, что она также говорит от имени интеллигенции, и, судя по тексту, часто наблюдала представителей этого общественного класса.

(87) Воздух в присутственных местах, конторах, мастерских и пр., в которых большинство *интеллигентов* проводит треть своей жизни, известен всякому посетителю своими дурными качествами.

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 4. 1904, 38)

Также, как и в примере (86), в примере (87) автор также отстраняется от интеллигенции, говоря о их деятельности с точки зрения посетителя. Так как текст написан, очевидно, редактором «Нечта о вегетариансктве» О. К. Зеленковой. то мы можем предположить, то ей были не понаслышке известны, как и в примере (86), условия быта и работы

интеллигенции. Поэтому мы можем утверждать, что в примере (87) автор говорит от имени интеллигенции.

6.2.2 Навешивание ярлыков

В текстах вегетарианского дискурса мы можем наблюдать стремление к стереотипизации образа противников вегетарианства посредством приёма навешивания ярлыков (см. Копнина 2007, 87-89). Стремление вегетарианцев к формированию всеохватывающей вегетарианской идеологии, побудило их на создание собственного положительно образа за счёт дискриминации противников посредством их негативного наименования. Так как в итоге вегетарианская идеология не получила широкого распространения, то и ярлыки не получили широкого распространения в русском языке.

Согласно Иссерс, стратегия навешивания ярлыков реализуется за счёт ассоциативных связей, часто образующихся по второстепенному признаку. Ярлыки могут образовываться с помощью яркой метафоры, второстепенного признака или фонологической составляющей. (Иссерс 2008, 203.)

В проанализированных нами текстах для обозначения людей-противников вегетарианства, а также для описания всех мясоедов вообще используются следующие слова и фразы: *трупоеды, некрофаги, ироническое «гурманы», люди, пропитанных насквозь кровью, убийцы, курильщики.*

(88) **Некрофаг**¹⁴ обозначает в буквальном переводе с греческого – **трупоед**, яркий и вместе с тем верный термин, получивший права гражданства в Лозанской школе, для обозначения людей «устраивающих кладбища в своих желудках».

(Нечто о вегетарианстве. Вып. 4 1904, 20)

(89) *Некрофаги* сами соглашаются с тем, что если бы они видели те насилия, убийства, потоки крови, отвратительные и ужасающие процедуры, которые вызываются добыванием мясных туш, то девять десятых из них отказались бы от мясной пищи.

(там же, 26)

---

¹⁴ Выделения жирным шрифтом авторские

(90) «Гурманы»¹⁵ наслаждаются этими продуктами пытки...

(там же, 27)

(91) [...] Вы, конечно, не откажете мне в своих советах по ведению дела в моей Столовой для поддержания той великой идеи, которую С.-Петербургское Вегетарианское Общество и Вы, как деятельный, действительный член этого Общества взялись развивать и распространять среди людей, пропитанных насквозь кровью ни в чем не повинных перед ними животных. [...]

(там же, 49)

(92) [...] **Вегетарианец** в состоянии «смаковать» нежный вкус фрукта, тогда как «группед» и «курильщик» требует более острого и разнообразного ощущения в виде щекотящих небо приправ (перца, соли, горчицы, и пр.) [...]

(Зеленкова б. г., 8)

Оценочное наименование противников вегетарианства подчёркивает, в приведённых примерах (88) - (92), создаваемый вегетарианцами положительный образ своей диеты, правильность сделанного ими выбора. Только лишь вегетарианец способен на правильное употребление пищи, положительно влияющей на его здоровье. О несоблюдающую вегетарианскую диету, создаётся образ грязных, питающихся объедками, падальщиков, приговорённых к ранней кончине из-за своего неправильного образа жизни.

В примерах (88) - (92) мы можем также наблюдать присутствие некоторой языковой агрессии. В тексте примера (90) присутствует существительное «гурман», которое, по-видимому, употребляется в противоположном своему первоначальному значению смысле. Несёт в себе некоторую долю иронии и насмешки. «Гурманами» в примере (90) называются все те, кто находит особое наслаждение в изысканных мясных блюдах и алкогольных напитках, забыв про натуральные вкусы еды. За счёт насмешливого

---

¹⁵ Выделения курсивом здесь и далее наши – В. К.

названия вегетарианцы стараются показать своё нравственное превосходство над обычными потребителями алкоголя и мясной пищи (Шаронов 2004, 43).

Превосходство вегетарианцев над невегетарианцами подчёркивается выбором лексики, а также графически – жирным шрифтом выделяются слова *некрофаг* (примеры (88), (89), (92)), *трупоед* (примеры (88), (92)), *курильщик* (92). Некрофаги и трупоеды являются синонимами и называют «животных, питающихся трупами» (Большой медицинский словарь 2000). Метафорическое выражение «*делать кладбище в своих желудках*» (88) даёт нам возможность живо представить всё то, эстетически отвратительной, что может происходить с трупами умерших животных или людей на разных стадиях из биологического разложения. Ассоциация с отталкивающими процессами имеет под собой цель заставить читателя отказаться от мясной пищи.

Выражение «*люди, пропитанные насквозь кровью*» (91) также ассоциируются с хищными животными, а также мясниками, чья одежда насквозь пропитана кровью убитых ими животных. Повторы всех представленных в этой главе ярлыков из текста в текст создаёт некоторый негативный стереотип мясоедов, на который вегетарианцы не хотят походить.

6.2.3 Они-мы

Голоса противников вегетарианства в анализируемых нами текстах мы можем слышать только через непосредственно воспроизводимый самими вегетарианцами текст. Чаще всего мнения противников вегетарианцев актуализируются при отстаивании вегетарианцами своих позиций (Китайгородская и Розанова 1995, 104). При описании встреч вегетарианцев с другими людьми, не сторонниками вегетарианства, а также их отношение к вегетарианцам и их движению.

В своих текстах вегетарианцы сами дают оценку увиденному и услышанному о себе. Они часто ссылаются, например, на недопонимание своих идей другими:

(93) [...] Нельзя не упомянуть, что *нам, вегетарианцам*, приходится встречаться со многими, очень многими *разнообразными и курьёзными* понятиями.

В одной из перворазрядных торговых фирм Петербурга ко мне обратилась с вопросом дама, восседающая у кассы: «скажите, пожалуйста, сударыня, а члены Вашего общества, в Бога верят? И в церковь ходят?»

Вчера, сидя в вагоне конно-железной дороги, я услышала от моего случайного соседа, что двое из его знакомых «умерли от вегетарианства» ... Это меня заставило улыбнуться и вспомнить о рассказе (кажется Горбунова) по которому «один генерал умер от инфантерии»

(Нечто о вегетарианстве, Вып. 1. 1902, 15-16)

В приведённом выше примере (93) акцент автора делается на том, что даже в самых «*перворазрядных торговых фирмах*», в которых должны служить люди образованные и передовые, вегетарианцы сталкиваются с недопониманием и смешиванием идеологии вегетарианцев с другими, в этом примере, вероятно с идеологией социалистов. Недостаточная освещённость масс в вопросах вегетарианского движения, вероятно, породила разного рода нелепые домыслы о том, что вегетарианство может негативно отразиться на здоровье или даже довести до смертельного исхода. Такие предрассудки играли не на руку вегетарианцам и портили их репутацию.

Несерьёзное отношение к вегетарианству в российском обществе можно объяснить тем, что мясо является символом маскулинности. А так как маскулинность связана с понятиями власти, силы и лидерства, то вполне можно предположить причину насмешек и дискриминации над движением вегетарианства. Вегетарианство отождествляет противоположность мясной маскулинности – фемининность: мягкость, слабость, излишнюю эмоциональность, неспособность к выполнению тяжелой физической работы.

Попытка донести до простого народа, который, как уже было отмечено ранее, питался в основном растительной пищей, также не принесла успеха, так как рабочие, к которым обращается Н. Б. Северова в примере (94), не понимают смысла вегетарианской идеи. Уже заглавие говорит нам о том, что вегетарианцам и, вдобавок, представителям среднего класса, не доверяют:

Недоверие

(94) После одной из народных лекций, на которой я говорила о своём откровении, многие презрительно покачали головой и сказали: Что мы скоты, чтобы нас сеном да отбросами кормить. Что по людям для откорму свиней собираем, так то, значит, нам самим и жрать. [...] Подвох, прямо что подвох, - внушительно проговорил один из развитых мужчин. Узнают другие господа, давись, значит сеном, и жалованья, значит, тебе на половину – и того много. Водворилось тревожное молчание. [...]

(Северова 1911, 17)

В примере (94) мы можем видеть, что недоверие к вегетарианцам усугубляется ещё и социальным положением людей рабочего класса для которых вегетарианство является невозможным выбором ввиду вероятной потери жалованья. Пример (94) подчёркивает социальный разрыв и различие культур интеллигенции и рабочих. Для рабочих предлагаемая вегетарианцами диета является чем-то унижительным, о чём свидетельствуют фразы *«что мы скоты, чтобы нас сеном да отбросами кормить»*, *«... так что нам самим жрать»*. В примере (94) текста Н. Б. Северовой слышится мотив разочарования, по её мнению, добрыми начинаниями: *«я говорила о своём откровении, многие презрительно покачали головой и сказали.»* Так как для неё вегетарианство явилось целым откровением, то она очень сожалеет о неприятии другими этой великолепной идеи.

Вегетарианцы сталкивались не только с недопониманием, но и с дискриминацией своих идей. Так, вегетарианство могли использовать в коммерческих целях для привлечения клиентов, что также расстраивало вегетарианцев, так как несло в себе негативное и неверное представление о вегетарианской диете:

(95) К сожалению, представители вегетарианства в России подчас дискредитируют понятием о нём. В этом мне случилось убедиться, будучи недавно в Вильне, что и вызвало с моей стороны нижеследующее **«письмо в Редакцию Виленского Северо-Западного Слова»** «Приехав из Петербурга, временно в Вильну, я поспешила, в качестве, убеждённой многолетней вегетарианки, направиться в единственную здесь, так называемую «Вегетарианскую столовую» Чарномского на Трокской улице. [...]

[...] Каково-же было моё удивление, с первого абцуга, при прочтении вывески: **Вегетарианская столовая с продажей чая, кофе, ПИВА, ЛИТОВСКОГО МЁДА** и проч.! ...

Войдя в помещение – узнаю, что обедов вегетарианских получать нельзя, - по той уважительной причине, что их вовсе не готовится?!...

Спрашивается: причём-же на вывеске эпитет **«Вегетарианская»**, как вводящий в заблуждение прохожего, так и дискредитирующий само понятие о вегетарианстве? ...

(«Нечто о вегетарианстве», Вып. 4. 1903, 15-16)

В тексте примера (95) слышно разочарование и досада на людей, который порочат честное имя вегетарианцев. В примере (95) мы также можем наблюдать и эмоциональное выделение особенно поразивших автора оскорбительных элементов – выделенные жирным шрифтом названия алкогольных напитков. Они призваны смесь чувств замешательства, удивления и негодования от того, что это заведение осмелилось не только испортить честное имя вегетарианского движения, но и показать свою полную неосведомлённость и дикость в вопросах питания вегетарианской пищей. Как мы можем наблюдать в примере (95), вегетарианцы позиционируют себя как честное движение, не порочащее и не дискредитирующее ничьих чувств, в отличие от всех остальных, не знакомых и не интересующихся этой идеей.

7. Выводы

Одной из важных черт анализа дискурса, отталкивающегося от конструктивистской идеи построения окружающего нас мира с помощью языка и взаимной коммуникации (Jokinen et al., 2016, 28). Анализ дискурса помогает увидеть, каким образом через языковое взаимодействие происходит построение различных явлений действительности. Элементы культуры, строящиеся в языковом взаимодействии, не рождаются и не существуют в вакууме, а подвержены постоянным изменениям и не могут анализироваться вне зависимости от контекста.

Согласно Норману Фейрклафу, дискурс является многослойным. Он состоит из макро- и микроуровня. Макроуровень составляют социальный и жанровый контексты, а микроуровень – уровень языка. Эти уровни также носят название дискурсивных практик. Ядро дискурса составляет текст или языковой уровень, который, всё же, не может, по теории дискурса, существовать вне макроуровней – социально-исторического и

жанрового уровня. Всё что происходит на уровне социальном отражается на текстовом уровне, где перерабатывается, обрастая новыми смыслами и понятиями, постепенно институционализируясь или укрепляясь в культуре и сознании индивидуумов этой культуры. (Fairclough 1996, 71-73; Ванхала-Анишевски, 2006, 13.)

В нашем исследовании мы попытались проанализировать с помощью инструментов риторического анализа дискурса то, каким образом ранние тексты вегетарианского дискурса говорят о вегетарианстве, каким образом в них происходит процесс конструирования вегетарианской действительности?

В начале нами были рассмотрены так называемые макроуровни дискурса – социально-исторический и жанровый, а затем мы перешли на текстовый уровень, где нами были рассмотрены прагматические элементы языка, с помощью которых вегетарианцы конструировали свои тексты, а вместе с текстами и свою социальную действительность.

Отметим, что так как российское вегетарианское движение начала XX века объединялось и институционализировалось за счёт различных вегетарианских обществ и их разносторонней деятельности, то можно сделать вывод о том, что понятие «вегетарианство» стало в текстах сторонников вегетарианства стремиться к унификации, к обобщению.

Приобретение движением идеологических черт привело к тому, что вегетарианские тексты, в большинстве случаев, приобрели агитационную характер, их основной функцией стало донесение идей вегетарианства до широких читательских масс, а также привлечение новых сторонников. Под идеологичностью в данной работе понимается идейный фильтр, в данном случае идеи вегетарианства, пройдя через который тексты приобретали нужный для вегетарианцев смысл и нужную оценочность. Тексты как бы «цензурировались» в нужном для вегетарианцев направлении, подавались с единственно правильной точки зрения. (Синельников 1999, 90.)

В проанализированных нами текстах чётко обозначаются приёмы положительной пропаганды, возможно, и использовавшихся бессознательно. Всё же стоит отметить повторяющуюся природу этих приёмов и то, что сторонники вегетарианства охотно этими приёмами пользовались. Агитационный характер текстов можно вычислить по использованным в них жанрам. Напомним, что жанры относятся к промежуточному

уровню дискурса, который находится между уровнем социально-исторического контекста и языковым, текстовым уровнем, составляющим ядро дискурса.

В данном исследовании мы выделили лишь повторяющиеся и самые заметные риторические различия жанров поддержки: советы, рецепты, письма, обращения, стихотворения, рассказы из личного опыта и другие. Другими, но также повторяющимися от текста к тексту, выделенными нами приёмами позитивного влияния стали метафоры, эпитеты, аргумент к авторитету, использование разного рода численной информации, эффект ложного консенсуса, собственный опыт, повторы, использование лозунгов. В текстах мы можем также видеть характерную для агитационной литературы стратегию к разделению на своих и чужих. Отметим, что проанализированный нами материал почти не содержит голосов противников вегетарианства, мы можем слышать эти голоса лишь посредством передачи их самими вегетарианцами.

Повторяемость элементов, по теории Петера Бергера и Томаса Лукмана о конструировании социальной действительности (1994, 65-66), лишь подчёркивает стремление вегетарианцев к институционализации вегетарианства как социального понятия, так как именно рутинное повторение одних и тех же элементов действительности порождает и укрепляет, новое, ранее неизвестное в этой действительности явление.

Так как тексты можно охарактеризовать как агитационные, то и представленное явление вегетарианства в них предстаёт в чёрно-белом свете. Вегетарианство для его сторонников является источником здоровья, внутреннего рая, гармонии, единственно верным способом существования, а употребление мяса – отравлением тела и души. Положительный эффект от вегетарианства часто повторяется в текстах личного опыта – вялость, сонливость, плохая работоспособность, многочисленные болезни сменяются на бодрость, хорошее здоровье и отличную работоспособность, а также на хорошее нравственное самочувствие.

Тексты, написанные вегетарианцами, оказались очень эмоционально насыщенными. Эмоциональность привлекает внимание читателя. Вызывает яркие ассоциации, помогает сопереживать происходящему в тексте. Так, например, наше внимание привлекли тексты Н. Б. Северовой, которые можно охарактеризовать как стремящиеся к художественным. Тексты раскрывают идеологические позиции писательницы, которая, как было уже

отмечено ранее, увлекалась не только вегетарианской идеей, но также и борьбой за права женщин и прислуги, разного рода попечительством. Её тексты наполнены многими фигурами речи и тропами. Наталья Борисовна делает попытку убеждения читателя в пользе вегетарианской диеты с помощью антропоморфных и зооморфных метафор, эпитетов – главной идеей которых показать всю гнилую, хищническую, опасную для окружающего мира людскую природу. Животные же, наоборот, представляются беззащитными, милыми, добрыми и ласковыми. Их человекоподобное описание пробуждает чувства сопереживания и сострадания. Кроме животных олицетворяется и сама природа-мать. Мы можем предположить, что целью этих приёмов является заставить человека задуматься о ценности не только своей жизни, но также и окружающих.

Эмоциональную насыщенность текстов мы можем видеть через лексические и тематические повторы. С помощью повторов подчёркиваются и выделяются важные для вегетарианцев аспекты своего образа мышления. Повторы помогают читателю закрепить внимание именно на тех словах и темах, которые повторяются больше всего. Такими, например, явились темы отравления организма при питании мясом и тема бодрости, свежести и здоровья при соблюдении вегетарианской диеты. Повторы также служат хорошей коммуникативной тактикой при навешивании ярлыков. Многократно повторенные одни и те же наименования противников создают некий стереотипный негативный образ, который, благодаря повторам закрепляется в сознании читателя.

Эмоциональная составляющая скрывается также и в лозунгах, большая часть из которых оказалась в текстах лозунгами-призывами к действию. Через лозунги передаётся тот революционный и решительный настрой, с которым вегетарианцы готовы были пропагандировать свою идею.

Ещё одной важной чертой проанализированных нами текстов явилось их стремление к научности. Стремление к научности выражается через обращение субъектов речи к авторитетам и их мнениям насчёт вегетарианской диеты, а также употребление численных данных.

В проанализированных нами текстах особенно выделяется фигура академика физиолога И. В. Тарханова, с которым вегетарианцы вступают, хоть и заочно, в полемику, что создаёт некую диалогичность и привносит интертекстуальность, прибавляя научного

веса вегетарианским текстам. Так как круг вегетарианцев составляли в основном представители интеллигенции, то научные аргументы играли важную роль как аргументы для убеждения людей этого социального класса. Мы обнаружили, что тексты квазинаучного характера покрывают большую часть публикаций, относящихся к вегетарианскому дискурсу, что может объяснено наличием в вегетарианских кругах врачей, стремившихся доказать полезность вегетарианства через медицинскую науку, а также тем, что вегетарианство, являясь способом питания, неотрывно связано со здоровьем и медицинскими показателями организма.

Помимо ссылок на авторитеты, а также присутствия полемики, в проанализированных нами текстах присутствует и численная информация, выраженная большей частью в таблицах. Количественные данные помогают наглядно продемонстрировать данные в текстах исчисления, придают больший вес повествовательной части и создают иллюзию большей научности текстов.

Стремление к созданию некоей вегетарианской идеологии, вегетарианской политической силы, добывающейся завладения некоторого количества власти и влияния проявилось к тяге вегетарианцев к очерчиванию границ своего круга сторонников и сочувствующих от противников идеи и всех незаинтересованных. Очерчивание своего круга происходит за счёт стратегии оправдания социальными категориями или выбором субъекта речи-вегетарианца определённой позиции, с которой он повествует о своей диете. Чаще всего такими категориями являлись: мы-вегетарианцы, мы-европейцы, мы-интеллигенты. Категория мы-вегетарианцы вполне понятна, так как тексты писались именно сторонниками вегетарианской диеты. Интересна позиция мы-европейцы, так как очевидно, что чувство единения со своими сторонниками за рубежом являлось важной частью идентичности вегетарианцев в России. Европа как носитель цивилизации и передовой центр мировой науки и культуры играла большую роль в жизни российской интеллигенции. Авторитет науки в рядах вегетарианцев естественным путём связывал их с Европой. Повествование ведётся и от категории мы-интеллигенты. Несмотря на то что интеллигентность вегетарианцев-авторов не указывается в текстах прямо, выбор лексических элементов, а также осведомлённость авторов в деталях бытовой жизни этого социального класса говорит нам о том, что они сосуществуют рядом или внутри этой прослойки населения. В текстах часто подчёркивается неправильный сидячий образ жизни интеллигентов, а также нездоровый привычки питания, вредящие их здоровью.

Нас удивило присутствие в текстах ноты разочарованности и растерянности от неприятия и насмешливого отношения к вегетарианству другими людьми. Несмотря на боевой и решительный настрой, с которыми вегетарианцы пропагандируют свою идею, создаётся впечатление ранимости и слишком большой зависимости от мнения окружающих о вегетарианстве. Вероятно, существовавшая цензура и подозрительное отношение официальных властей к различного рода объединениям также повлияли на настроения внутри движения. Закрытие вегетарианских изданий, толовых и беспорядочность в работе вегетарианских обществ также не могли повлиять позитивным образом на настрой участников вегетарианского движения. Мы можем видеть в представленном выше примере (94) попытку Н. Б. Северовой пропаганды вегетарианства в кругах людей рабочего класса, что, очевидно, не увенчалось большим успехом и лишь сделала вегетарианцев ещё большими посмешищами в глазах простого народа.

Подытожим рассуждения о результатах нашего исследования. Во-первых, нами было обнаружено, что тексты идеологически нагружены и имеют агитационный характер и поэтому «вегетарианство» как элемент культуры в этих текстах не особо развивается из-за отсутствия диалога и превосходства только одной идеи. Обнаруживается односторонность подачи идеи вегетарианства. В текстах превалирует повторяемость одних и тех же языковых элементов, связанных с определением вегетарианства. Во-вторых, тексты обладают ярко выраженной эмоциональностью, что помогает интимизации отношений между субъектом и объектом коммуникации, а также из-за своей насыщенности яркими образами, лучше убеждает читателя. В-третьих, тексты стремятся к серьёзности и научности. Научность также помогает убеждать читателя в серьёзности вегетарианской диеты. Не стоит оставлять без внимания и постоянно присутствующее в текстах стремление к построению своего круга. Построение своего круга происходит за счёт стратегии оправдания социальными категориями, навешивания ярлыков на противников вегетарианства, а также демонстрация насмешливой и негативной оценки к себе со стороны мясоедов.

Использование различных приёмов воздействия имеет под собой повлиять на нравственную сторону человека. Заставить его думать о своих поступках не только в физическом плане, но и в духовном. Стремиться к сбалансированию физического и духовного для достижения полноценного здоровья.

В ходе написания этой работы нами было замечено практически полное отсутствие исследований русского языка публицистической и другой нехудожественной литературы начала XX века, а также его изменений, которым он подвергся в ходе революционных событий 1905-1906, и последовавшей после них, временной отмены цензуры. Отсутствие таких исследований создало нам некоторые трудности при написании теоретической части данной работы, а также при анализе самих текстов. Мы полагаем, что изучение языковых изменений данной эпохи может быть интересно исследователям русского языка.

В данном исследовании мы попытались проанализировать тексты вегетарианского движения начала XX века с точки зрения построения их дискурса. За основу анализа мы взяли инструменты неориторического анализа, выявляющего построение дискурса не сколько грамматическое, сколько семантико-стилистическое и смысловое. Так как вегетарианские тексты, а особенно тексты Н. Б. Нордман-Северовой не исследованы в достаточной степени, то мы надеемся, что наше исследование пролило свет как на историю вегетарианского движения в России, так и в особенности, на его тексты и может быть полезно в дальнейших исследованиях данной темы.

Источники:

Гудзенко 1905 = Гудзенко, П. 1905. Нѣскольکو словѣ о вегетаріанствѣ. *Вегетаріанскій вѣстникъ*. С.-Петербургъ. №5. 207-214.

Зеленкова б. г. = Вегетаріанка (Зеленкова, О. К.) (б. г.) *Я никого не гѣм! 365 вегетаріанских меню и руководство для приготовления вегетаріанских кушаній*. С.-Петербургъ.

Нечто о вегетарианстве. Вып. 1 1902 = Вегетаріанка (Зеленкова, О. К.) 1902. *Нѣчто о вегетаріанствѣ. Первый выпускъ*. С.-Петербургъ.

Нечто о вегетарианстве. Вып. 3 1903 = Вегетаріанка (Зеленкова, О. К.) 1903. *Нѣчто о вегетаріанствѣ. Выпускъ третій*. С.-Петербургъ.

Нечто о вегетарианстве. Вып. 4 1904 = Вегетаріанка (Зеленкова, О. К.) 1904. *Нѣчто о вегетаріанствѣ. Выпускъ четвертый*. С.-Петербургъ.

«Петербургская газета» 1902. №44. С.-Петербургъ.

Полтавский 1913 = Полтавскій, С. 1913. Существуетъ ли вегетаріанское міросозерцаніе? Вегетаріанское обозрѣніе. № 4-5. Кишиневъ. 167-168.

Северова 1910 = Сѣверова, Н. Б. 1910. *Интимныя страницы*. Санктъ-Петербургъ.

Северова 1911 = Сѣверова, Н. Б. 1911. *Поваренная книга для голодающихъ (посвящается пресыщеннымъ). Замѣтки съ натуры*. Санктъ-Петербургъ: Первая Женская Типографія Товарищества Печатнаго Станка.

Северова 1913а = Северова, Н. Б. 1913. *Поваренная книга для голодающихъ (посвящается пресыщеннымъ). Заметки с натуры (десятая тысяча, дополненная рецептами "Зеленаго стола")*. С.-Петербург: Типографія 1-ой Спб. Трудовой Артели.

Северова 1913б = Северова, Н. Б. 1913. *Райскіе заветы. Статьи и заметки*. Санктъ-Петербургъ: б. и.

Цыпкин 1911 = Цыпкин, Г. С. 1911. Рецензия на поваренную книгу Н. Б. Северовой. *Поваренная книга для голодающихъ (посвящается пресыщеннымъ). Заметки с натуры (десятая тысяча, дополненная рецептами "Зеленаго стола")*. С.-Петербург: Типографія 1-ой Спб. Трудовой Артели, 1913. 15-30.

Список литературы:

- Афанасьева, А. Р. 2014. Метафора в заголовках статей как приём речевого воздействия. *Вектор науки ТГУ* № 4 (30). Голыятти. 72-75.
- Бабушкин, А. П. 2001. Сослагательное наклонение как «окно» в иные миры. *Вестник Воронежского государственного университета*. № 1. Воронеж. 16-22
- Багманова, А. Р. 2013. Газетный заголовок как средство речевого воздействия. <https://cyberleninka.ru/article/n/gazetnyy-zagolovok-kak-sredstvo-rechevogo-vozdeystviya> (проверено 24.3.2018)
- Бельчиков, Ю. А. 2009. *Русский литературный язык во второй половине XIX века. Учебное пособие*. Изд. 2-ое испр. и доп. Москва: URSS.
- Блэк, Макс 1962/1990: Метафора. Перевод с английского М. А. Дмитриховской. *Теория метафоры*. Под редакцией Н. Д. Арутюновой. Москва: Прогресс. 153-172.
- Болдырева, А. А. 2001. Речевые маркеры авторитетности в научном дискурсе. *Социальная власть языка*. Воронеж: Воронежский государственный университет. 231-235.
- Бондарко, А. В. (ред.) 1990. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград: Издательство «Наука» - Ленинградской отделение.
- Большой медицинский словарь 2000. <https://dic.academic.ru/contents.nsf/medic2/> (проверено 24.3.2018)
- Борисова, Е. Г. и Мартемьянов, Ю. С. (ред.) 1999. *Имплицитность в языке и речи*. Москва: Языки русской культуры.
- Бранг, Петер 2006. *Россия неизвестная. История культуры вегетарианских образов жизни от начала до наших дней*. Пер. с нем. А. Бернольд и П. Бранга. Москва: Языки славянской культуры.
- Вальтер, Харри 2016. Лозунг как речевой жанр публицистического дискурса. *Медиалингвистика*. Санкт-Петербург: Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. 33-45.
- Ванхала-Анишевски, Марьятта 2006. К дискурсивному анализу в изучении медиатекста. *Медиатекст в социокультурном пространстве. Теория и практикум*. Под ред. М. Ванхала-Анишевски и С. И. Сметаниной. Joensuu: University of Joensuu. 1-29.
- Ван Дейк, Т. А. 1989. *Язык, познание, коммуникация. Сборник работ*. Москва: Прогресс.
- Виноградова, Н. М. 2017. *Красавец мужчина. Русский модник середины XVIII - начала XX века*. Москва: Государственный исторический музей.
- Виноградов, В. В. 1982. *Очерки по истории русского литературного языка XVII- XIX веков. Учебник*. Изд. 3-е. Москва: Высшая школа.

- Галай, К. Н & Жучкова, А. В. 2014. О типологической классификации и символическом значении антропоморфных образов принца-лягушки и Царевны-лягушки. *Мир русского слова*. №4.
- Гончарова, Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания. *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. Тула: Издательство ТулГУ. 396-405.
- Гордеева, И. А. 2004. Дискурс о вегетарианстве в России последней четверти XIX-начала XX в. *Массовое сознание и массовая культура в России. История и современность. Сборник статей*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет. 30-44.
- Грановская, Л. М. 2005. *Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. Очерки*. Москва: Эллис.
- Громова, А. И. 2016. Идеал красоты в отечественных женских журналах начала XX в.: изменение паттернов контроля за женским телом. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. № 3. Кострома. 33-39.
- Гура, А. В. 2017. Антропоморфизм в народной зоологии. *Антропоцентризм в языке и культуре*. Москва: Индрик. 25-40.
- Дадонов, В. 1913. *Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем*. Москва: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°
- Давыдова, Е. А. 2017. Повтор в публицистическом тексте. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. № 4. Кострома. 117-123.
- Дрога, М. А. & Фуникова, С. В. 2016. Стилистические функции тропов в современном газетном тексте. *Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки*. Иваново. 280-284.
- Ефремова, Т. Ф. 2006. *Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Около 160 000 слов*. Москва: Астрель.
- Зарубина, Н. Н. 2014. Практики питания как маркер и фактор социального неравенства в России: история и современность. *Историческая психология и социология истории*. 2. Москва. 46–62
- Зубаирова, А. С. 2003. Здоровье как прототип райского существования. *Серия "Symposium", Образ рая: от мифа к утопии. Выпуск 31*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. 129-132.
<http://anthropology.ru/ru/text/zubairova/zdorove-kak-prototip-rayskogo-sushchestvovaniya>
(проверено 24.3.2018)
- Ивин, А. А. 2013. *Теория и практика аргументации. Учебник для бакалавров*. Москва: Юрайт.

Ильичева, Ю. А. 2013. Речевое манипулирование в политическом тексте. *Вестник СПбГУ. Филология. Востоковедение. Журналистика*. Серия 9. Выпуск. 4. Декабрь. 172-184.

Иссерс, О. С. 2008. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Издание 5-ое. Москва: Издательство ЛКИ.

Йоргенсен, Марианне В., Филлипс, Луиза Дж. 2002/2008. *Дискурс-анализ. Теория и метод*. 2-е издание, испр. Пер. с англ. и науч. ред. Киселевой, А. А. Харьков: Гуманитарный центр.

Исследовательский центр портала Superjob.ru 20.11.2013. К вегетарианству в России относятся благожелательно, но практикуют редко <https://www.superjob.ru/research/articles/111380/k-vegetarianstvu-v-rossii-otnosyatsya-bлагоzhelatelno/> (проверено 24.3.2018)

Караваева, Е. В. и Волкова, Л. Д. 2015. Образ «сада-рая» в национальном мировосприятии. *Вестник ТГПУ*. Томск. № 5 (158). 200-204.

Кашкин, В. Б. 2007. Авторитетность как коммуникативная категория. *Известия ВГПУ*. № 5. Волгоград. 12-18.

Кашкин, В. Б. 2014. Дискурс: пределы точности. *Дискурс и стиль. Теоретические и прикладные аспекты*. Москва: Издательство «Флинта» - Издательство «Наука». 46-51.

Келлер, Е. Э. 2016. *Чай и кофе. Петербургские этюды*. Санкт-Петербург: Невский Ракурс.

Копнина, Г. А. 2007. *Речевое манипулирование. Учебное пособие*. Москва: Издательство «Флинта» - Издательство «Наука».

Купина, Н. А. 2000. Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния. *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 216-240.

Лакофф, Джордж; Джонсон, Марк 1980/1990. Метафоры, которыми мы живём. Перевод с английского Н. В. Перцова. *Теория метафоры*. Под редакцией Н. Д. Арутюновой. Москва: Прогресс. 387-415.

Леонтьева, Т. В. 2006. Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор. *Вопросы языкознания*. № 5. Москва. 57-77.

Липатов, А. Т. 2011. *Риторика в зеркале времени*. Москва: Эллис.

Лихачев, Д. С. 1998. *Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей*. Москва: Согласие.

Макаров, М. Л. 2003. *Основы теории дискурса*. Москва: «Гнозис».

Миронов, Б. Н. 2015. *Российская Империя: от традиции к модерну*. В трех томах. Том 3. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

- Мифы народов мира. Энциклопедия. 1992. Москва: Советская энциклопедия.
- Молоховецъ, Елена 1912. *Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство к уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Часть I и II.* С.-Петербургъ: Типографія 1-ой Трудовой Артели. – Лиговкая, 34.
- Мужики и бабы. Женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. 2005. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ.
- Новая философская энциклопедия. В четырех томах. 2010: Москва: Мысль.
- Ожегов, С. И. 2005. *Словарь русского языка. Около 53 000 слов. Под ред. Л. И. Скворцова. Изд. 24-ое.*
- Окутюрье, Мишель 2010. Быть лошадьё. О повести Толстого «Холстомер». *Звери и их репрезентации в русской культуре. Труды лозаннского симпозиума 2007 г.* Санкт-Петербург: Балтийские сезоны.
- Орнатская, Л. А. 2003. О социальной функции образа рая. *Образ рая: от мифа к утопии.* Выпуск 31. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. 186-190. <http://anthropology.ru/ru/text/ornatskaya-la/o-socialnoy-funkcii-obraza-рая> (проверено 24.3.2018)
- Основы духовной культуры. Энциклопедический словарь педагога. Ред. Безрукова, В. С. Екатеринбург. https://spiritual_culture.academic.ru/995/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0 (проверено 24.3.2018)
- Павловская, А. В. 2009. *Русский мир: характер, быт и нравы.* В двух томах. Том 2. Слово/Slovo.
- Похлебкин, В. В. 2004. *Моя кухня и мое меню.* Москва: Центрполиграф.
- Православная энциклопедия 2009. Том XX. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 33-38.
- Пропп, В. Я. 2000. *Собрание трудов. Русская сказка.* Москва: Лабиринт.
- Ремнёва М. Л. и др. 2009. Психологизм и его формы. <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=c&course=3&raz=2&pod=5> (проверено 24.3.2018)
- Середа, Н. Д. 2015. *Роль либеральной печати в формировании общественного дискурса пореформенной России. Монография.* Вологда: ВоГУ.
- Семенникова, Л. И. 2009. *Российская повседневность. Вторая половина XIX - начало XXI века. Учебное пособие.* Москва: KDU.
- Синельников, Андрей 1999. В ожидании референта: маскулинность, феминность и политики гендерных репрезентаций. *Женщина. Гендер. Культура.* Москва: РЛШГИ. 83-98.

Современная энциклопедия 2000. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/19098> (проверено 1.4.2018).

Сулова, М. Н. 2016. Эпитеты с положительной и отрицательной коннотацией в политическом дискурсе. *Современные исследования социальных проблем*. № 3-2 (27). Красноярск. 244-255.

Телия, В. Н. 1988. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция. *Метафора в языке и тексте*. Ответственный редактор В. Н. Телия. Москва: Наука. 26-51.

Толстая, С. М. 2017: «Очеловечивание сущего»: заметки об антропоцентризме и антропоморфизме в языке и культуре. *Антропоцентризм в языке и культуре*. Москва: Индрик. 8-24.

Туманова, А. С. и др. 2011. *Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX века*. Москва: РОССПЭН.

Филлипова, О. А. 2012. *Обучение эмоциональному речевому воздействию. Учебное пособие*. Москва: Издательство «Флинта» - Издательство «Наука».

Хмельницкая, И. Б. 2011. *Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва*. Москва: Новый Хронограф.

Цуладзе, А. 1999. *Политические манипуляции или покорение толпы*. Москва: Книжный дом «Университет».

Чернявская, В. Е. 2005. *Интерпретация научного текста. Стилль. Текст. Дискурс. Учебное пособие*. Издание второе. Москва: КомКнига.

Чернявская, В. Е. 2006. *Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. Учебное пособие*. Москва: Флинта Наука.

Шаронов, И. А. 2004. Приёмы речевой агрессии: насмешка и ирония. *Агрессия в языке и речи. Сборник статей*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет. 38-52.

Шулежкова, С. Г. 2016. Обнимитесь, миллионы! (интернациональные крылатые выражения, выполняющие в русском языке «лозунговую» функцию). *Проблемы истории, филологии, культуры*. №3. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. 43-56.

Энциклопедический словарь 1994. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Репринт с изд. 1890 года. «Терра» - «Терра».

Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений 2003 (электронный ресурс). Москва: «Локид-Пресс». https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/305/%D0%92 (проверено 24.3.2018)

Эпштейн, М. Н. 1990. *Природа, мир, тайник Вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии*. Москва: Высшая школа.

Яхно, О. Н. 2003. Век модерна и рационализация: быт горожан российской провинции на рубеже XIX-XX вв. *Вестник РУДН. Серия «История России»*. Москва. №2. 45-54.

Berger, Peter L.; Luckmann, Thomas 1966/1994. Todellisuuden sosiaalinen rakentuminen. Tiedonsosiologinen tutkielma. Suomentanut ja toimittanut Vesa Raiskila. [Helsinki]: Gaudeamus.

Fairclough, Norman 1996. *Discourse and Social Change*. Polity Press.

Fairclough, Norman 1997. *Miten media puhuu?* suom. Virpi Blom & Kaarina Hazard. Tampere: Vastapaino

Fairclough, Norman 1994. *Language and Power*. London: Longman.

Goldstein, Darra 1997. Is Hay Only for Horses? Highlights of Russian Vegetarianism at the Turn of The Century. *Food in Russian History and Culture*. Edited by Musya Glants and Joyce Toomre. Indiana University Press; Bloomington & Indianapolis. 103-123.

Jokinen, Arja 2016a. Diskurssianalyysin suhde sukulaistraditioihin. *Diskurssianalyysi: teoriat, peruskäsitteet ja käyttö*. Toim. Arja Jokinen, Kirsi Juhila, Eero Suoninen. Tampere: Vastapaino. 249-265.

Jokinen, Arja 2016b. Vakuuttelevan ja suostuttelevan retoriikan analysoiminen. *Diskurssianalyysi: teoriat, peruskäsitteet ja käyttö*. Toim. Arja Jokinen, Kirsi Juhila, Eero Suoninen. Tampere: Vastapaino. 337-368.

Jokinen, Arja; Juhila, Kirsi; Suoninen, Eero 2016. Diskursiivinen maailma: Teoreettiset lähtökohdat ja analyttiset käsitteet. *Diskurssianalyysi: teoriat, peruskäsitteet ja käyttö*. Toim. Arja Jokinen, Kirsi Juhila, Eero Suoninen. Tampere: Vastapaino. 25-50.

Jokinen, Arja & Juhila, Kirsi 1996. *Merkitykset ja vuorovaikutus. Poimintoja asunnottomuuspuheiden kulttuurisesta virrasta*. Acta Universitatis Tamperensis. ser A vol. 510. Tampere: Tampereen yliopisto, 1996.

Kajaste, Jussi 1996. Poliittisen ohjelman retoriikasta ja argumentaatiosta. *Teksti ja ideologia. Kieli ja valta julkisessa kielenkäytössä*. Toim. Jyrki Kalliokoski. Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen laitos. 184-204.

Kelly, Catriona 2001. *Refining Russia. Advice literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford: Oxford University Press

Le Blanc, Ronald 1997. Tolstoy's Way of No Flesh: Abstinence, Vegetarianism, and Christian Physiology. *Food in Russian History and Culture*. Indiana University Press; Bloomington & Indianapolis. 81-102.

Le Blanc, Ronald 2007. Alimentary Violence: Eating as a Trope in Russian Literature. *Times of Trouble. Russian Literature and Culture*. ed. Marcus Levitt and Tatyana Novikov. Madison: University of Wisconsin Press. 154-177.

McReynolds, Louise 1991. *The News under Russia's Old Regime. The Development of a Mass-Circulation Press*. Princeton and New Jersey: Princeton University Press.

Mäkellä, Kalle 2017. Kasvisruuan suosio kasvaa – ennätysellisestä lihavuodesta huolimatta. <https://yle.fi/uutiset/3-9757169> (tarkastettu 24.3.2018)

Pietikäinen, Sari & Mäntynen, Anne 2009. *Kurssi kohti diskurssia*. Tampere: Vastapaino.

Renkema, Jan 2004. *Introduction to Discourse Studies*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Rosenholm, Arja 2005. "There is no Russia without the Cow". *The Russian Mind and Memory: The Cow as Symbol. Understanding Russian Nature. Representations, Values and Concepts*. [Helsinki]: Aleksanteri-instituutti. 69-99.

Sulkunen, Pekka 1997. Todellisuuden ymmärrettävyys ja diskurssianalyysin rajat. *Semioottisen sosiologian näkökulmia. Sosiaalisen todellisuuden rakentuminen ja ymmärrettävyys*. [Helsinki]: Gaudeamus. 13-53.

Vanhala-Aniszewski, Marjatta 2003. Заголовок-ключ к пониманию газетного текста? *Studia Slavica Finlandensia. Tomus XX. Доклады финской делегации на XIII Международном съезде славистов. Finnish Contributions to the 13th International Congress of Slavists. Ljubljana, August 15-21, 2003*. Ed. Jyrki Papinniemi, Jouko Lindstedt, Ben Hellman. Helsinki: Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti. 249-261.

Suomenkielinen lyhennelmä

Pro gradu -tutkielmassani tutkin sitä, kuinka venäläisen 1900-luvun alun kasvissyöjäliikkeen teksteissä rakennetaan kasvissyöntidiskurssia, miten itse kasvissyönti muodostuu käsitteenä näissä teksteissä ja miten sitä käytetään. Lähteinä käytän 1900-luvun alun venäjänkielisiä kasvissyöntiliikkeen tekstejä – aikakausjulkaisuja, keittokirjoja sekä joitakin yksittäisiä lehtiartikkeleita.

Tämänhetkisen terveyst- ja kuntoilubuumien sekä yhä enemmän suosiota saavan kasvissyönnin valossa tämä tutkimus näyttäytyy ajankohtaisena. Tilastojen mukaan kasvissyönti on lisääntynyt Suomessa, mistä esimerkiksi kertoo yhä uudempien kasvisperäisten elintarvikkeiden tulo markkinoille. Vuonna 2016 Suomen väestöstä 2-3 % oli kasvissyöjiä. Venäjälläkin on avattu uusia kasvisruokaravintoloita ja -kahviloita, ihmiset ovat tietoisia kasvisruokavaliosta, mutta siitä huolimatta kasvissyönnin vastustajien määrä on lisääntynyt vuoden 2008 22 % vuoden 2013 29 %.

Tämän tutkimuksen tarpeellisuutta lisää sekin seikka, ettei kasvissyöntiliikkeen tekstejä ole tutkittu kielitieteen tai kirjallisuuden tutkimuksen näkökulmista, vaan ainoastaan historiallisina tai sosiologisina ilmiöinä, jolloin itse tekstien syvimille tasoille ole menty. Merkittävin kasvissyöjäliikettä käsittelevä teos on Peter Brangin (Бранг 2006) laatima alun perin saksankielinen teos, jossa hän seikkaperäisesti paneutuu venäläisen kasvissyöjäliikkeen historiaan ja kehitykseen. Muita venäläistä kasvissyöjäliikettä käsitteleviä tutkimuksia ovat Darra Goldsteinin (Goldstein 1997), Ronald Le Blancin (Le Blanc 1997) ja I. A. Gordeevan (Гордеева 2004) artikkelit. Niistä tärkeimpänä tämän tutkimuksen kannalta voi pitää Gordeevan artikkelia, jossa hän analysoi kasvissyöntiliikkeen diskursseja, menemättä kuitenkaan itse niiden kielelliseen asuun.

Tutkimukseni teoreettisena viitekehyksenä käytän diskurssianalyysia, mutta varsinaisina analyysivälineinä käytän retorisen analyysin keinoja. Näitä keinoja olen poiminut suurimmaksi osaksi Arja Jokisen artikkelista (2016, 337-368), joitakin retorisia keinoja olen ominut myös G. A. Kopninan (2007), V. E. Tšernjavskajan (2006) sekä O. A. Filippovan (2012) monografioista, joissa käsitellään vakuuttelun ja suostuttelun kielellisiä keinoja. Tarkastelen aineistoa nykyajan ihmisen elinkontekstissa ja näkökulmasta. Analyysin keinoja käytin vain sen mukaan, missä määrin ne edesauttoivat tekstianalyysiprosessissa. Näitä keinoja olen käyttänyt kunnollisten 1900-luvun alun venäjän kielen analyysimenetelmien ja -näkökulmien puutteen takia.

Tutkimusanalyysin ensisijaisina lähteinä käytin niitä julkaisuja, jotka olivat saattavilla Suomessa. Nämä olivat kolme numeroa O. K. Zelenkovan julkaistamaa *Netšto o vegetarianstve – aikakauslehteä*, saman tekijän keittokirjaa *Ja nikogo ne em! ...*, N. B. Severovan *Povarennaja kniga dlja golodajuštših ...* – keittokirjan kaksi painosta (vuosien 1911 ja 1913). Näiden lisäksi käytin kolme venäjänkielistä artikkelia kasvissyöntiliikkeen julkaistamista aikakauslehdistä *S. Poltavskijn Vegetarianskoe obozrenie* – lehdessä (1913 № 4-5, 157-170), artikkeli *Vegetarianskij vestnik*-lehdestä (1903 №3, 47) ja P. Gudzenkon artikkeli samasta lehdestä (1905 №5, 207-214). Edellä mainittujen lisäksi käytin vielä Pietarin kasvissyöjäliikettä käsittelevää artikkelia *Peterburgskaja gazeta* – lehdestä.

Diskurssin käsitteestä

Diskurssianalyysin määritelmä on tällä hetkellä laaja ja epämääräinen. Eri tutkijat tarkoittavat korostavat omissa määritelmissä eri asioita (kts. Макаров 2003, 203; Pietikäinen & Mäntynen 2009, 22; Jokinen et al. 2016, 17; Кашкин 2014, 50; Vanhala-Aniszewski, 2005, 107). Määrittelin diskurssi-käsitteen V. E. Tšernjavskajan (Чернявская 2006, 90) esittämän ajatuksen mukaan siten, että yhden diskurssin tekstien ei tarvitse sisältää nimenoman tähän diskurssiin kuuluvia käsitteitä, vaan ne luovat näille käsitteille viitekehyksiä, joissa diskursseja käsitellään. Esimerkiksi kasvissyöntidiskurssin ei välttämättä tarvitse sisältää sanan *kasvissyönti*, vaan kasvissyönti-ilmiötä rakentavia käsitteitä, kuten lähimmäisenrakkaus, myötätunto, sympatia, kieltäytyminen, puhdistus jne.

Kieli on tärkein diskurssien rakentamisväline. Kieleen heijastuu kaikki yhteiskunnassa tapahtuvat muutokset ja mullistukset. Ihmisen vuorovaikutus ulkoisen maailman kanssa tapahtuu suurimmaksi osaksi kielen avulla, jolloin kielen on mahdollista muokata todellisuutta ja siinä syntyviä diskursseja. (Pietikäinen & Mäntynen, 2009, 13-14.)

Norman Faircloughin (Fairclough 1996, 71-73) mukaan diskurssi on monikerroksinen ilmiö, joka koostuu kolmesta kerroksesta. Diskurssin ns. makrotasolle kuuluu uloin ja laajin kerros, ns. yhteiskunnallis-kulttuurinen konteksti, jossa yhteiskunnan muutokset tapahtuvat ja jotka vaikuttavat kielellisellä tasolla tapahtuviin muutoksiin. Välikerroksessa, joka on jo osittain osaa diskurssin mikrotasoa, vaikuttavat jo aikaisemmin kielessä vakiintuneet institutionalisoituneet ns. genret. Genreissä piilevät yhteiskunnalle tyypilliset systematisoituneet toimintatavat, joita ymmärtävät kaikki yhteiskuntaan kuuluvat yksilöt. Genret kuvaavat sosiaalista todellisuutta

(Pietikäinen & Mäntynen, 2009, 79-87; 99.) Diskurssin sisin taso, mikrotaso eli tekstitaso koostuu kielen pienimmistä osista, joista tekstit rakentuvat. Marjatta Vanhala-Aniszewski korostaa diskurssin kielitasolla vaikuttavan proposition merkitystä. Propositionien avulla on mahdollista nähdä, miten puhuja rakentaa omaa todellisuuttaan, minkälaisessa vuorovaikutuksessa olevat tekstin subjekti ja objekti jne. Mikrotasolla on myös korostettu implisiittisen ja eksplisiittisen tiedon ilmenemistä teksteissä (Борисова и др. 1999, 9-14) sekä kielitasolla tapahtuvaa diskurssien vuorovaikutusta intertekstuaalisuuden muodossa (Ванхала-Анишевски, 2006, 18).

Diskurssilla on myös jonkinlaista valtaa, joka on havaittavissa muun muassa diskurssiin sisältyvän ideologian avulla. Ideologialla tässä tarkoitetaan sellaisten ideoiden ja näkökulmien järjestelmää, jossa tietyille yhteiskuntaryhmille muodostuu mieluisa todellisuus (Современная энциклопедия 2000). Ideologia toimii jonkinlaisena suodattimena, jonka läpi tekstit kulkevat ja muokkautuvat sellaisiksi, jollaisiksi ne halutaan tietyissä piireissä nähdä.

Diskurssi on sosiaalisen konstruktionismin tulos. Sosiaalisen konstruktionismin pohjalla vaikuttaa teoria todellisuuden sosiaalisesta rakentumisesta (Berger & Luckmann 1994, 65-66), jonka mukaan sosiaalinen todellisuus rakentuu ihmisten toistuvasti tapahtuvien vuorovaikutustilanteiden avulla. Näiden toistuvien tapahtumien tuloksena on erilaisten yhteiskunnallisten instituutioiden synty. Kielellisellä vuorovaikutuksella on tärkeä rooli uusien yhteiskunnallisten ilmiöiden synnyssä ja vakiintumisessa.

Vuorovaikutus rakentuu kielellisistä elementeistä. Kirjoituksissa ja puheissa syntyy uusi todellisuus. Kielellinen vuorovaikutus puolestaan koostuu pienemmistä retorisisista strategioista ja taktiikoista. Näiden retoristen keinojen avulla on mahdollista vakuuttaa, suostutella tai ylipäättään saada lukija tai kuuntelija tekemään sillä tavalla, kun viestin lähettäjä haluaa. Erilaiset retoriset keinot rakentavat todellisuutta omalla tavallaan, muovaten täten todellisuutta tehokkaasti. (Jokinen 2016a 259-260; Jokinen 2016b 338-342; Чернявская 2006, 24.)

Metafora on retorisisista keinoista yksi, johon erikseen kiinnittyy monen tutkijan huomio. Metaforassa piilee viestin lähettäjän tahto saada piilotettua jonkun käsitteen suora merkitys. Sen sijaan, että asioista puhuttaisiin suoraan, ne yritetään peittää, jolloin tuloksena on puoleksi peitetty käsite. Lukijalle ehdotetaan käsitteen oikea merkityksen ratkaisemista itse. Metafora aiheuttaa viestin vastaanottajalle aina tietyn tyyppisiä miellelyhtymiä, jotka ovat usein todella tunneväritettyjä. Retorisena keinona metafora osallistuu todellisuuden rakentamiseen. Metafora

rakentaa uutta todellisuutta hyödyntäen vanhoja tämän todellisuuden käsitteitä. (Lakoff & Johnson 1990, 387; Телия 1988, 41-43; 48.)

Diskurssianalyysin yhteiskunnallis-historiallinen konteksti

1900-luvun alussa venäjän kielessä tapahtui muutoksia, jotka olivat yhteiskunnassa tapahtuvien muutosten seurauksia. Uusien sosiaaliluokkien päästyä virkoihin, varsinkin toimittajan virkoihin, alkoi kielessä näkyä keski- ja alempien luokkien käyttämä kieli. Kieli demokratisoitui, vanhat hienot kielirakenteet saivat väistyä muun muassa lehtikielestä. Kielessä tapahtuvat muutokset muokkasivat jo vakiintuneita genrejä. (Бельчиков 2009, 25; Виноградов 1982, 419-421.) Venäjän kieleen pääsi uusia sanoja varsinkin lääketieteen, tekniikan ja politiikan aloilta. (Виноградов 1982, 426-428.)

Vanhoja kliseitä, raskaita kirkkoslaaviperäisiä ilmaisuja kuitenkin vielä riitti. Niitä käyttivät pääasiassa konservatiivit omissa julkaisuissaan. Vahva jako liberaaleihin ja konservatiiveihin näkyi myös teksteissä, joissa liberaalien kieli oli modernia ja keskiluokkalaista, ja konservatiivien kieli oli vanhanaikaista, aatelistolle tyypillistä hienostunutta kieltä. (Виноградов 1982, 457-458; Бельчиков 2009, 33-34; McReynolds 1991, 148-151.)

Yhteiskunta 1900-luvun alussa oli vielä vahvasti luokkiin jakautunut, mikä heijastui kaikilla yhteiskunnan aloilla. 1800-luvun lopulle ja 1900-luvun alulle oli tyypillistä massiivinen muuttoliike maaseudulta kaupunkeihin ja yhteiskunnallinen aktiivisuus, joka ilmeni erilaisten seurojen, yhdistyksien, puolueiden ja liikkeiden perustamisena. Erityisen huomionarvoisia ovat erilaiset tuolle ajalle tyypilliset urheiluseurat sekä terveysliikkeet. Urheiluharrastajien määrä kasvoi. Tämän liikehdinnän myötä myös käsitys vartalosta oli muuttumassa, muodikkaaksi tuli urheilullisuus ja luonnollisuus, esimerkiksi naiset alkoivat kieltäytyä korsettien käytöstä. (Туманова и др. 2011, 239-241; Хмельницкая 2011, 11; Громова 2016, 34-36; Яхно 2003, 46.)

Yhteiskunnan jakautuminen näkyi 1800-luvun toisella puoliskolla sekä 1900-luvun alussa myös ruokailussa. Köyhät talonpojat söivät pääasiassa kasvispainotteisesti ja perinteisesti, enemmänkin kaikkea sitä, mitä saivat omasta kasvimaasta ja metsästä. Yläluokat söivät melko yltäkyläisesti, heidän ruokavalionsa kuuluivat pääasiassa eurooppalaisen keittiön ruoat tai ulkomaalaiseen tapaan valmistetut venäläiset ruoat. Sen lisäksi yläluokat pystyivät syömään eksoottisia vihanneksia ja hedelmiä. Runsas paastopäivien määrä on venäläisessä kulttuurissa

tyypillistä. Ruoan laatu ja määrä kuitenkin pikkuhiljaa kasvoivat. Kasvuun vaikutti erilaisten teollisten ruokien ilmestyminen eri luokkien ihmisten arkeen. (Похлебкин 2004, 11-21; Семенникова и др. 2009, 38; Павловская 2009, 459-463; Зарубина 2014, 50; Миронов 2015, 284-285.)

Kasvissyöntiliike on alkanut organisoitua jo 1890-luvulla. Vasta vuonna 1901 Pietariin perustettiin ensimmäinen Kasvissyöntiyhdistys. Myöhemmin kasvissyöntiliikkeen yhdistyksiä alettiin perustaa ympäri Venäjän valtakuntaa. Yhdistysten lisäksi perustettiin kasvisruokaloita. Kasvissyöntiliike julkaisi kirjoja, keittokirjoja, aikakauslehtiä ja esitteitä. Aikakauslehtien kohtalo oli usein surullinen, ne suljettiin sensuurikomitean toimesta. (Бранг 2006, 37-41; Гордеева 2004, 31-32.)

Venäläisen kasvissyönnin alkuunpanijana oli L. N. Tolstoj, jonka kääntymisestä kasvissyöjäksi ei ole tarkkaa tietoa. Tolstoj vaikutti kasvissyöntiajatuksillaan moneen aikalaiseen, sekä tunnettuihin henkilöihin, että tavallisiin ihmisiin. (Le Blans 1997, 81-88;

Toisena kasvissyöntiaktivistina on syytä mainita N. B. Nordmanin, joka kannatti kasvissyöntiliikkeen lisäksi muutakin kansalaisaktivistitoimintaa, kuten palvelusväen työaikojen lyhentämistä, naisten tasa-arvoa sekä koulujen ja muun kulttuuritoiminnan edistämistä. Natalja Borisovna Nordman aloitti kasvissyönnin miehensä I. E. Repinin vaikutuksesta. Nordman toteutti ruokailu- ja tasa-arvo ideansa myös arkielämässä. (Бранг 2006, 209-229; Goldstein 1997, 103-123; Kelly 2001, 156-230.)

Aineiston analyysi

Menetelmänä tässä tutkimuksessa käytettiin diskurssianalyysia. Aineistoa tarkasteltiin siitä näkökulmasta, että kielellinen vuorovaikutus saa aikaiseksi uusia merkityksiä, jotka puolestaan rakentavat uutta todellisuutta. Tutkimuksessa haluttiin havainnoida, kuinka näistä uusista todellisuuden versioista tehdään vakuuttavia ja miten puheen tai kirjoituksen objekteina olevat viestin vastaanottajat saadaan sitoutumaan näihin uusiin todellisuuksiin. (Jokinen 2016b, 338).

Analyysia tehdään diskurssin kahdella tasolla: diskursiivisella välitasolla, johon kuuluvat vakiintuneet genret sekä kielellisellä mikrotasolla, joka koostuu pienistä retorisisista strategioista ja taktiikoista.

Genret

Analysoitaessa tekstien diskursiivista välitasoa ilmeni, että se muodostuu agitaatiolle tyypillisistä genreistä. Teksteistä näkyy niiden propagandistinen sävy, joka kuitenkin ei ole kielteistä vaan myönteistä, joka on suuntautunut rakentamaan siltoja ja eri ryhmien välistä harmoniaa (Цуладзе 1999, 128; 130.) Aineiston julkaisuissa on monesti käytetty niin sanottuja tukigenrejä. Tukigenret luovat viestin vastaanottajalle myönteisen kuvan puheessa olevasta asiasta, tässä tapauksessa hyvää miellelyhtymää luotiin kasvissyönnistä. Aineistosta on käynyt ilmi seuraavat tukigenreihin kuuluvat tekstit: ruokaohjeet, neuvot, suositus, ehdotus, yhteiskirjeet, omat kertomukset, sadut, runot, kannattajien kirjeet jne. (Купина 2000, 216-217.) Käyttämällä tukigenreen kuuluvia kertomuksia kirjoittajat halusivat saada sekä uusia kannattajia että kannattajista kasvissyöntiajatuksen levittäjiä.

Metafora

Sen takia, että metaforassa käytetään vanhoja ilmiöitä uusien rakentamiseen, metaforalla on tärkeä rooli todellisuuden rakentamisessa. Metaforan avulla on mahdollista saada viestin vastaanottajat tuntemaan viestin lähettäjän haluamalla tavalla. Metafora voi herättää isoja tunteita. Aineiston tekstistä on löydetty antropomorfisia, zoomorfisia sekä paratiisimetaforia. Antropomorfisten metaforien tehtävänä on näyttää eläimet ihmisten hahmoisina, saada lukijat uskomaan siihen, että elämilläkin on ihmistunteiden kaltaisia tuntemuksia. Teksteissä on käytetty paljon lehmään liittyviä metaforia. Lehmällä on venäläisessä kulttuurissa iso rooli, lehmä symboloi äitiä, kodin lämpöä, asuinseutua, lapsuutta, perhettä ja siksi lehmän symbolissa on iso tunnearvo (Rosenholm 2005, 69). Eläin on analyysin teksteissä kärsivä, pahoinvoiva, riistämisen alaisena ihmisen toimesta. Ihminen ei tunne eläintä kohtaan myötätuntoa. Näiden pysäyttävien kuvausten tarkoitus on saada ihmiset muuttamaan kantansa eläimistä ja saamaan lukijat luopumaan lihansyönnistä ja eläintuotteiden käytöstä. Eläinten lisäksi teksteissä ihmispiirteitä saa myös luonto. Luonto hoitaa, parantaa ja antaa ihmisille antimiaan, mutta ihminen on luontoa kohtaan kiittämätön riistäjä. Tekstit kehottavat metaforisilla kuvauksillaan ihmisiä luopumaan myös luonnon riistämisestä ja elämään sovussa sen kanssa.

Zoomorfiset metaforat puolestaan osoittavat teksteissä ihmisluonteen aggressiivisuutta, verenhimoa sekä henkistä ja moraalista turmeltumista. Zoomorfiset metaforat hahmottavat ihmiset petoeläiminä, jotka ajatustakaan uhraamatta käyttävät eläimiä ruokanaan. Zoomorfisten metaforien taustalla on mahdollista nähdä darwinistinen idea ihmisten taistelusta

olemassaolosta. Se oli 1900-luvun alussa suosittu venäläisessä kirjallisuudessa ja heijastui venäläiseen yhteiskuntaan, joka oli ryhtynyt omaksumaan kapitalismin ja modernisaation ideoita (Le Blanc 2007, 124-125). Kasvissyöjien teksteissä zoomorfista metaforaa on käytetty luonnehtimaan ihmismassaa ja kasvissyönnin vastustajia, tämän tyyppiset metaforat ovat hyvin asennelatautuneita. Zoomorfisia metaforia on käytetty teksteissä kuvaamaan myös itse kasvissyöjiä, heitä verrataan usein kasvissyöjäeläimiin.

Paratiisimetafora rakentuu menetetyn paratiisitarhan, joka on mahdollista kuitenkin perustaa maan päälle, alluusioille. Tämänkin metaforan tarkoituksena on kehottaa ihmisiä elämään sopuinnassa ja harmoniassa luonnon kanssa. Hyvä terveys ymmärretään myös sisäisenä paratiisina. Tämä ajatus on peräsin kristinuskosta, jossa hyvä terveys on askel kohti paratiisielämää, se on puhtaan ja viattoman sielun merkki (Православная энциклопедия 2009, 33-35; Зубаирова 2003). Paratiisimetaforan kautta käy ilmi myös kasvissyönnin utopistinen puoli, jossa ihmiset elävät pelkillä puutarhan antimilla sovussa ympäristön kanssa. Paratiisimetaforalla on kuitenkin olemassa myös yhteiskunnallinen puoli, jossa paratiisia ymmärretään kuin kaikille yhteiskuntaluokilla avoinna olevana paikkana, johon kaikilla on pääsy yhteiskuntaluokasta huolimatta.

Määreet

Tässä tutkimuksessa määreillä (эпитет) tarkoitetaan suhdelatautuneita sanamääreitä, joissa heijastuu kirjoittajan suhtautuminen tekstissä puhuttavaan asiaan. Määreiden käyttö agitaatioluonteisessa tekstissä voi kertoa tekstityylin ylentämisyrityksestä. Analysoitavista teksteistä löydettiin kaksi määretyyppiä – myönteis- ja kielteissävyiset. Myönteissävyisillä määreillä on tarkoitus maalata myönteinen kuva kasvissyönnistä, silloin kun kielteissävyisiä määreitä on käytetty kertomaan kasvissyönnistä sen vastustajien näkökulmasta.

Asiantuntijalauseella vahvistaminen

Yksi useimmin käytetyistä kommunikaatiostrategioista, jota kasvissyöjät käyttävät omissa teksteissään, on vetoamus asiantuntijan auktoriteetilausumiin. Tämä strategia osoittaa kasvissyöntitekstien pyrkimyksen tieteellisyyteen. Teksteissä auktoriteetteina toimivat erilaiset lääkärit, filosofit, julkisuuden henkilöt tai mielenkiintoiset faktat kasvisruokakokeiluista. Teksteissä viitataan auktoriteetteihin suoraan tai epäsuorasti. Suorat viittaukset on teksteissä usein lihavoitu.

Kasvissyöjät korostavat ulkomaalaisten auktoriteettien toimivan parempana agitaatiolähteenä kuin omat kotimaiset, sillä lukijakunnalle on tyypillistä luottaa ja omaksua ulkomailta tulleita ideoita.

Auktoriteettiviittauksien myötä syntyy dialogisuus, joka on ominaista tieteellisille teksteille. Esimerkiksi, kun kasvissyöjät vastaavat fysiologi I. R. Tarhanoville, joka on arvostellut kasvissyöntiä, he yrittävät todistaa Tarhanovin olleen väärässä, luoden tällä tavalla melko tieteellistä väittelyä.

Teksteissä viitataan usein epäsuorasti erialaisiin faktoihin, joista lukijoiden oletetaan tietävän ilman, että mainitaan tiedon lähteitä.

Numeraalisen tiedon käyttö

Toinen tekstien tieteellisyyteen pyrkimyksen paljastava strategia on erilaisen lukuja sisältävän tiedon käyttö. Kasvissyönnin tieteellisin keinoin todistetun terveellisyyden sanoman vahvistamiseksi on teksteihin upotettu erilaisia taulukoita ja kaavioita. Toiset niistä sisältävät tietoa eri kasvien tai heinän kivennäisaineista ja toiset taas kertovat eläinten hampaiden fyysisistä ominaisuuksista. Pyrkimystä taulukoiden käyttämiseen selittää myös se, että 1800-luvun lopun tieteelliseen vallankumoukseen uskovia sivistyneistön edustajia oli helpompi vakuuttaa kasvisruoan terveellisyydestä tieteellisiä termejä sisältävillä taulukoilla ja kaavioilla. Numeraalinen tieto oli teksteissä ilman taulukkoja, mutta nekin olivat todiste kasvien terveellisyydestä.

Yksimielisyysarha

Analyysissä tarkastelun kohteena olevista tekstistä käy ilmi, että kasvissyöjät yrittivät vakuuttaa lukijan liittymään kasvissyöntiliikkeen riveihin toistamalla, että heidän riveihinsä on liittynyt paljon jäseniä ympäri maata. Tämä ei kuitenkaan pitänyt paikkaansa (kts. Гордеева 2004) ja siksi tätä voi kutsua yksimielisyysarhan luomiseksi, jota kasvissyöjät teksteissään yrittivät puolustella esimerkiksi sanomalla, että ajatuksia, jotka liittyvät kasvissyönti-ilmiöön, on levitetty perhekasvatuksessa ja kouluopetuksessa.

Henkilökohtaisilla kertomuksilla vakuuttaminen

Tätä retorista keinoa käytetään yleensä henkilökohtaisemman suhteen luomiseen lukijaan. Kertomalla omista kokemuksistaan viestin lähettäjä avaa omasta elämästään muiden

näkemättömissä olevia puolia, mikä voi saada viestin saajan samaistumaan ja mikä luo luotettavamman suhteen kirjoittajan ja lukijan välille.

Tutkimuksen tarkastelun kohteena henkilökohtaisia kertomuksia sisältävät tekstit olivat sisällöltään ja rakenteeltaan melko samanlaisia. Niissä henkilö useimmiten kärsii monesta sairaudesta, jotka paranevat henkilön ryhtyttyä kasvissyöjäksi. Mikäli henkilö on ryhtynyt kasvissyöjäksi eettisistä syistä, silloin ei parane ainoastaan hänen fyysinen olonsa, vaan myös henkinen. Mielenkiintoista keinoa käyttää N. B. Severova, joka laittaa tekstinsä hahmon suuhun omia ajatuksiaan.

Toistot

Toistot eli tautologia on retorinen keino, jonka avulla yritetään saada lukija vakuutetuksi tunnetasolla. Tutkimuksessa tarkastelun kohteena olevissa teksteissä toistoja on käytetty harvakseltaan, esimerkiksi korvaamaan rationaalisten argumenttien puutetta ja edistämään ideoiden menemistä paremmin perille. Argumenttien puutteeseen voi vaikuttaa venäjänkielisen kasvissyöntikirjallisuuden puute sekä venäläisen kasvissyöjäidean kehittämättömyys.

Teksteissä toistetaan esimerkiksi argumenttia liharuoan nopeasta pilaantumisesta ja sen kantamasta vaarallisuudesta erilaisten bakteerien muodossa. Toistolla korostetaan myös kasvissyöjäliikkeen päämääriä sekä kieltäytymistä eläinperäisten ruokien lisäksi alkoholin, tupakan ja virvoitusjuomien nauttimisesta.

Iskulauseiden käyttö

Agitaatioluonnetta teksteille tuovat myös niissä käytetyt iskulauseet. Iskulauseet voivat olla sananparsia, sananlaskuja sekä lentäviä lauseita ja tunnussanoja. Tutkielmassa tarkastelluista teksteistä löytyi erilaisia iskulauseita, jotka ovat lentäviä lauseita tai tunnussanoja (призывы). Iskulauseet ovat luonteeltaan eksplisiittisiä eli niistä tulee läpinäkyviä. Ne ovat tunnepitoisia, mutta usein sisällöltään tyhjiä (Копнина 2007, 84-85). Iskulauseiden käyttö auttaa kirjoittajaa ilmaisemaan omia ajatuksiaan ja näkemyksiään, jakamaan ne lukijan kanssa ja yrittämään saada lukija omalle puolelle. Iskulauseina teksteissä on käytetty esimerkiksi seuraavia kansainvälisiä lentäviä lauseita: Mens Sana in Corpore Sano (Terve mieli terveessä ruumiissa), jota ehdotettiin kasvissyöjäliikkeen tunnuslauseeksi sekä Der Mensch ist, was er isst (Ihminen on sitä, mitä hän syö).

Oman piirin luominen

Puhujakategorioilla oikeuttaminen

Teksteistä näkyy myös pyrkimys luoda jonkinlainen oma piiri, minkä luomiseen he käyttävät teksteissä dikotomiaa me-he. Oman piirin luominen retorisenä keinona toimii tehokkaasti identiteetin luojana. Teksteissä on tehokkaasti hyödynnetty sellaista retorista keinoa kuin puhujakategorioilla oikeuttaminen (Jokinen 2016b, 346). Sijoittamalla itsensä tietynlaiseen sosiaaliseen kategoriaan viestin lähettäjä pystyy puhumaan jonkun tietynlaisen ryhmän näkökulmasta, esimerkiksi vanhemman, kasvissyöjään, eurooppalaisen, sivistyneistön edustajan jne.

Kasvissyöjät luovat omaa piiriään sijoittamalla itsensä ainakin kolmeen kategoriaan: me kasvissyöjät, me eurooppalaiset, me sivistyneistö. Näistä kategorioista näkyy kasvissyöjien pyrkimys kuulua sivistyneeseen, eurooppalaisia arvoja noudattavien ryhmään sulkemalla pois kaikki muut.

Nimittäminen

Nimittämisellä tarkoitetaan tässä tutkimuksessa aliarvoisten nimitysten antamista kasvissyöntiä vastustaville. Tällä strategialla kasvissyöjät pyrkivät mustamaalaamaan vastustajansa ja valkopesemään omaa ideologiaa. Nimitykset ovat jonkinlaisia metaforia, sillä ne määrittävät henkilöitä ainoastaan joidenkin yksittäisten ominaisuuksien perusteella, pyrkivät luomaan uutta ilmiötä. Kasvissyönnin vastustajia kutsutaan esimerkiksi ruumiinsyöjiksi, tappajiksi, tupakoitsijoiksi, verestä läpimäriksi henkilöiksi.

He-me

Kasvissyöntiliikkeen teksteistä puuttuvat kaikkien muiden paitsi kasvissyöjien äänet. Kasvissyöjät itse välittävät lukijoille muiden puheet itsestään. Useimmiten teksteissä mainitaan, kuinka muut suhtautuvat kasvissyöjiin tyhmästi, ilkeästi tai eivät ota tosissaan. Teksteissä esitetyistä muiden puheista ymmärtää, että kasvissyöjiä pidetään heikkoina ja naisellisina, tavallinen kansa ei luota heihin ja syrjintääkin esiintyy. Kasvissyöjät ovat pettyneitä tavallisiin kansalaisiin, sillä he mieltävät itsensä rauhalliseksi, rehelliseksi ja hyvää asiaa ajavaksi liikkeeksi, mutta muut, perheenjäsenet mukaan lukien, eivät ymmärrä heitä.

Johtopäätökset

Kasvissyöjäliikkeen institutionalisoitumispyrkimyksien takia myös kasvissyönti-käsitteelle on pyritty saamaan jotakin yhteistä pohjaa, josta olisi hyvä päästä levittämään ideologiaa. Kasvissyöjäliikkeen teksteistä oli tehty agitaatiotekstejä, joiden tarkoituksena oli kasvisruokavalioiden levittäminen massoille. Tekstit on esitetty yhdestä näkökulmasta ja ladattu kasvissyöjien kannalta oikeilla tunteilla.

Teksteissä toistuvat samat elementit, jotka auttavat rakentamaan uutta kasvissyöjä-todellisuutta sekä vahvistamaan jo olemassa olevia kasvissyöntiin liittyviä todellisuuden ilmiöitä.

Toistuvuutensa takia tekstit esittävät kasvissyönti-käsitteen yksinkertaisella tavalla. Kasvissyönti on esitetty teksteissä aina positiivisessa valossa, se on terveellistä, parantavaa ja voimaa antavaa. Lihansyönti on puolestaan aina likaista, syntistä, turmeltunutta ja epäterveellistä. Nämä kaksi näkökulmaa on esitetty isolla tunnelatauksella, mikä näkyy lukuisten tunnepitoisten retoristen keinojen, kuten metaforan, iskulauseiden, määritteiden, toistojen ja muiden käytöstä. Sidettä lukijaan on pyritty luomaan myös henkilökohtaisilla kertomuksilla, joiden perusteella lukijan toivottiin samaistuvan kirjoittajan esittämiin ongelmiin.

Teksteissä osoittautui olevan myös pyrkimystä tieteellisyyteen. Tieteellisyys ilmeni erilaisten auktoriteettihenkilöiden sitaattien runsaana käyttönä, siteeraten pääasiassa ulkomaalaisia tutkijoita, joihin lukijat kirjoittajien mielestä luottivat enemmän. Teksteissä on läsnä tieteellinen dialogisuus fysiologi I. R. Tarhanovin ja kasvissyöjäliikkeen väittelyn muodossa, joskin kasvissyöjän ja Tarhanovin väitteitä kasvissyönnistä vain siteerataan. Pyrkimys tieteellisyyteen näkyy myös numeraalisen tiedon esittämisenä.

Pyrkimys oman ideologian luomiseen on johtanut siihen, että kasvissyöjät yrittävät saada rakennettua ympärilleen oma piirinsä. Teksteissä on käytetty me-he retoriikkaa. Me-piiri rakentuu puhumalla erilaisista sosiaalisista näkökulmista, antamalla vastustajille ikäviä nimityksiä sekä ihmettelemällä muiden puheita kasvissyöjäliikkeestä. Kasvissyöjien puheista näkyy, että he ovat pettyneet heitä ympäröiviin ihmisiin, sillä teksteistä paistaa läpi se, että heitä ei ole kaikista heidän pyrkimyksistään huolimatta ymmärretty.